

В С Е М И Р Н А Я

Л И Т Е Р А Т У Р А

ГЕЙНРИХ фон КЛЕЙСТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том II

ПЕРЕВОДЫ ФЕДОРАСОЛОГУБА
и А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

П Е Т Е Р Б У Р Г — М С М Х Х I I I — М О С К В А

№ 50

* U 1 0 0 1 0 2 4 1 7 *

Петрооблит № 4417. Гиз. № 5006. Печ. 5000 экз. Зак. № 303.

Госуд. Тип. имени Евг. Соколовой, Измайловский, 29

П Ь Е С Ы:

1. РАЗБИТЫЙ КУВШИН
2. ПЕНТЕСИЛЕЯ
- X 3. КЕТХЕН ИЗ ГЕЙЛЬБРОННА ИЛИ
ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ *)

*) См. статью о Клейсте в I томе собрания его сочинений, изд. „Всемирной Литературы“.

РАЗБИТЫЙ КУВШИН

КОМЕДИЯ

DER ZERBROCHENE KRUG

EIN LUSTSPIEL

1807

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Вальтер, член суда.

Адам, сельский судья.

Лихт, писарь.

Марта Руль.

Ева, ее дочь.

Фейт Тюмпель, крестьянин.

Рупрехт, его сын.

Бригитта.

Слуга, хозяин, служанки и др.

Действие происходит в голландской деревне, близ Утрехта.

М е с т о действия: судная горница.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

А д а м с и д и т и перевязывает себе ногу. Л и х т входит.

ЛИХТ.

Ах, чорт возьми! Ну, что же, кум Адам,
Случилось? На кого же вы похожи!

АДАМ

Уж спотыкаться, так никто, как ноги.
Ведь гладок пол, не видно ни сучка?
А я споткнулся; камень преткновенья
Для самого себя, знать, каждый носит.

ЛИХТ.

Придумали! Что ж, каждый тащит камень?..

АДАМ

Себе!

ЛИХТ.

Проклятый груз!

АДАМ

А что такое?

ЛИХТ.

От слабого ведете род вы предка;
Упал он раз в начале всех начал
И стал своим падением известен;
А вы...

АДАМ

Ну что?

ЛИХТ.

Вы так же?

АДАМ.

Я? Пожалуй!

Я говорю вам, здесь споткнулся я.

ЛИХТ.

Не в переносном смысле?

АДАМ.

Ну, конечно, —

Уж где такую боль перенести!

ЛИХТ.

Когда же этот случай приключился?

АДАМ.

Теперь, в единый миг, едва с постели
Я встал. Еще с молитвой на устах
Споткнулся рано утром я, и прежде,
Чем я свои дела дневные начал,
Уже господь успел свихнуть мне ногу.

ЛИХТ.

И левую, конечно?

АДАМ.

Почему же?

ЛИХТ.

Вот эту?

АДАМ.

Да! Вот эту.

ЛИХТ.

Справедливо!

Ту, что на путь греха ступила тяжело?

АДАМ.

Да не пойму!

ЛИХТ.

Кривую?

АДАМ.

Что? кривую

Одна нога такая ж, как другая.

ЛИХТ.

Ну, к вашей правой вы несправедливы.
Она, ведь, этим может не хвалиться,
И уж скорей рискнет на скользком месте.

АДАМ.

Одна рискнет, за нею и другая.

ЛИХТ.

А что же вам лицо так исказило?

АДАМ.

Лицо?

ЛИХТ.

А вы не знаете об этом?

АДАМ.

Не стану лгать! — На что ж лицо похоже?

ЛИХТ.

Лицо-то?

АДАМ.

Ну же, кум!

ЛИХТ.

Да, смотрит гнусно.

АДАМ.

Ясней скажите.

ЛИХТ.

В ссадинах оно,

А на щеке куска не достает

Большого, — на весах прикинуть можно б.

АДАМ.

Ах, чорт!

ЛИХТ.

(приносит зеркало).

Да вот, удостоверьтесь сами.

Овца, через терновник от собак

Бегущая, оставит шерсти меньше,

Чем вы, бог знает где! Вон, — клочья мяса.

АДАМ.

Хм! Да! Не так-то уж красиво! Верно.

Нос тоже пострадал.

ЛИХТ.

Да уж и глаз.

АДАМ.

Ну, глаз-то ничего.

ЛИХТ.

Ну, да! У глаза

Синяк такой багровый, вот, ей-богу,

Как будто злой детина вас бабацнул.

АДАМ.

Глазная кость, и только. Да, признаться,

Не думал я, что сильно так расшибся.

ЛИХТ.

Да, да! Как будто были вы в бою.

АДАМ.

В бою? С козлом проклятым я сразился,
Вон с тем, что здесь у печки. Знаю, знаю.
Я равновесье потерял, и, словно
Утопленник хватается за воздух,
Я за штаны схватился, — накануне
Повесил с вечера я их на печку.
Схватился, понимаете, и думал
Что удержусь — д у р а к ! и разорвал
Кушак, — кушак, штаны и я летим, —
Я головой вперед, и прямо в печку
Как хлобыстну, да прямо в угол тот,
Куда козел потягивает морду.

ЛИХТ

(смеется).

Ну, ловко!

АДАМ.

Окаянный!

ЛИХТ.

День ваш прямо

С постели начали грехопаденьем.

АДАМ.

Скажите-ка, что нового у нас?

ЛИХТ.

Что нового! Ах, чорт возьми, как скоро
Я позабыть успел об этом!

АДАМ.

Ну?

ЛИХТ.

Да, из Утрехта будет гость, кого мы
Не ждали здесь.

АДАМ.

Как?

ЛИХТ.

Член суда приедет.

АДАМ.

Кто?

ЛИХТ.

Член суда пожалует к нам, Вальтер,
Он все суды в округе ревизует
И к нам прибудет нынче непременно.

АДАМ.

С ума сопли? Сегодня?

ЛИХТ.

Уж поверьте.

В деревне смежной, в, Холле, был вчера он
И судный дом успел ревизовать.
Один крестьянин на пути в Гуйзум
Приметил запряженную повозку.

АДАМ.

Он, из Утрехта, член суда, сегодня!
Ревизия! Он знает толк в делах,
А я к нему явлюсь с такою харей!
В Гуйзум он едет, станет придираяться...

ЛИХТ.

До Холлы добрался, в Гуйзум приедет.
Поберегитесь!

АДАМ.

Вздор!

ЛИХТ.

Я говорю вам.

АДАМ.

Да ну, рассказывайте ваши сказки.

ЛИХТ.

Кой чорт, когда крестьянин видел сам!

АДАМ.

Как знать, кого паршивый плут увидел!
Плешивого увидев, не поймет
Болван, где тут лицо, и где затылок.
На кочергу повесьте треуголку,
Наденьте плащ и пару башмаков,—
И дурень примет за кого угодно.

ЛИХТ.

Что ж, сомневайтесь, чорт бы вас побрал,
Пока он в дверь войдет.

АДАМ.

Чтоб он вошел,

О том вперед нам не сказав ни слова!

ЛИХТ.

Безумие! Еще когда бы это
Вахгольдер был, наш прежний ревизор!
Да нет, теперь нас Вальтер ревизует.

АДАМ.

Ну, Вальтер, пусть! Оставь меня в покое.
Служебную присягу принял он
Точь в точь, как мы, и применяет право
Обычное и все, какие есть, законы.

ЛИХТ.

Ну, уверяю вас, советник Вальтер
Вчера неожиданно в Холле появился,
Проверил кассу, книги шнуровые,
И писаря с судьею отрешил
От должности, за что? мне неизвестно.

АДАМ

Да что за чорт! Сказал мужик все это?

ЛИХТ.

И более.

АДАМ

Да ну?

ЛИХТ

Коль знать хотите:
Пришли к судье сегодня рано утром,
Который был в своем доме посажен
Под стражу, — и нашли его в овине.
Высоко на стропилах он висел.

АДАМ.

Что говорите вы?

ЛИХТ.

Пришли на помощь,
Из петли вынув, терли, обливали
И к жизни возвратили кое-как.

АДАМ

Д а ? возвратили?

ЛИХТ

И теперь печати
На всем в дому, все замкнуто и сдано
На сохраненье, будто он уж труп,
И в должности ему наследовал другой.

АДАМ

Ах, чорт, смотри! Распутный был он пес,
Клянусь я жизнью, хоть и в честной шкуре —
А с ним приятно время проходило.

Приходится сказать, совсем распутный.
Да, если был советник ныне в Холле,
Так плохо было бедному сычу.

ЛИХТ.

Лишь этот случай, говорит крестьянин,
Причина, что сюда не прибыл Вальтер,—
Но в полдень непременно будет здесь.

АДАМ.

А, в полдень! Кум, не забывайте дружбу.
Вы знаете, рука ведь руку моет.
Я знаю, вы не прочь бы стать судьей,
И служите, клянусь, не хуже прочих.
Сегодня случай все же не для вас,—
Пусть эта чаша вас минует нынче.

ЛИХТ.

Судьей? Мне? С чего вы это взяли?

АДАМ.

Вы любите витиеватость речи
И в школе в Амстердаме изучали
Не хуже, чем другие, Цицерона.
Но подавите нынче честолюбье,—
Ведь в жизни будет случаев не мало
Вам все искусство ваше показать.

ЛИХТ.

Ну, не морочьте! Мы, ведь, кумовья.

АДАМ.

Умел молчать и Демосфен великий
Порою. Следуйте его примеру.
Не македонский я король, но все же,
Такой, как я, могу быть благодарен.

ЛИХТ.

Да что за подозрительность? Отстаньте!
Когда же я?..

АДАМ.

Смотрите, я, я сам,
С великого беру пример я грека,—
Отдай на рост, проценты получай,—
И речь моя растет вот точно так же.
И кто еще такой период сложит?

ЛИХТ.

Ну, дальше!

АДАМ.

Упрекать-то всякий может,
А ну их к чорту! Если разобрать,
Все это — шалость. Ночью рождена,
С рассветом дня должна расстаять.

ЛИХТ.

Знаю.

АДАМ.

Ей-богу! Нет причины, чтоб судья,
Коль не сидит он на судейском стуле,
Ходил серьезней белого медведя.

ЛИХТ.

Я тоже говорю.

АДАМ.

Идем же, кум.
Регистратурой за меня займитесь,
А я за эту груду дел засяду, —
Тут вавилонское столпотворенье.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит слуга. Те же. Потом: две девушки.

СЛУГА.

Бог в помощь, господин судья! Советник Вальтер
Велел вам кланяться, — сюда идет он.

АДАМ.

О праведное небо! Что же, с Холлой
Уж кончено?

СЛУГА.

Да, он сейчас в Гуйзуме.

АДАМ.

Гей! Лиза! Маргарета!

ЛИХТ.

Успокойтесь.

АДАМ.

Эх, куманек!

ЛИХТ.

Благодарить велите

СЛУГА.

А завтра едем дальше в Гусе

АДАМ.

Ну, что же делать мне теперь?
(Хватается за свою одежду).

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(входит).

Я здесь.

ЛИХТ.

Штаны наденете? Да вы в уме ли?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

(входит).

Вот, господин судья, и я.

ЛИХТ.

Сюртук возьмите.

АДАМ

(озирается).

Кто, господин советник?

ЛИХТ.

Нет, служанка.

АДАМ.

Воротничок мне! Плащ!

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Сперва жилет.

АДАМ.

Ну, что? Живей!

ЛИХТ

(слуге).

Мы рады и готовы
Советника приветствовать. Ему
От нас „добро пожаловать“ скажите.

АДАМ.

Ко всем чертям! Судья Адам вас просит
Его простить.

ЛИХТ.

Простить!

АДАМ.

Простить.

Уж он теперь в пути?

СЛУГА.

Теперь советник

В гостинице. Он кузнеца позвал.
Коляска сломана.

АДАМ.

Отлично. Мой поклон.

Кузнец ленив. Прошу меня простить,
Себе чуть ногу вместе с шеей не сломал я.
Смотрите сами, — вот спектакль занятный.
Уж я таков, — меня от страха слабит.
Я захвораю.

ЛИХТ.

Вы с ума сошли? —

Советника принять мы будем рады. —
Что вам?

АДАМ.

Ах, чорт!

ЛИХТ.

Что?

АДАМ.

Чорт меня возьми,

Ведь лучше б порошки принять мне было.

ЛИХТ.

Ну, этим от него вы не спасетесь.

АДАМ.

Маргрета! Эй! мешок с костями! Лиза!

ОБЕ ДЕВУШКИ.

Да здесь мы. Что угодно?

АДАМ.

Унесите

Капусту, сыр, бутылки и колбасы, —
Все прочь из канцелярии! Живее!
Не ты! Другая!... Ротозейка! Ты!...
Ах, гром тебя побей!... Коровница ты, Лиза,
Ты в канцелярию.

(Первая девушка уходит).

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

А мне что делать?

АДАМ.

— Молчать! Живей! Тащи мне мой парик!
Он там в шкафу, где книги. Ну, пошла!

(Вторая девушка уходит).

ЛИХТ.

(служителю).

Надеюсь я, что ничего худого
С советником в дороге не случилось?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Да ничего! В овраг свалились только.

АДАМ.

Ой, ой! Нога моя! Сапог не лезет.

ЛИХТ.

Ах, боже мой! Свалились, говорите?
Но не расшиблись?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Пустяки.

Советник растянул немножко руку.
Сломалось дышло.

АДАМ.

Пусть он шею сломит!

ЛИХТ.

Рука! О, господи! Кузнец пришел?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Для дышла.

ЛИХТ.

Что?

АДАМ.

Я думал, доктор позван.

ЛИХТ.

Зачем?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Для дышла?

АДАМ.

Нет же, для руки.

СЛУЖИТЕЛЬ.

Прощайте, господа... Не все, как будто, дома!
(Уходит).

ЛИХТ.

Про кузнеца я думал.

АДАМ.

Выдали себя.

ЛИХТ.

А что?

АДАМ.

Вы смущены.

ЛИХТ.

Да ну!

(Первая девушка входит).

АДАМ.

Эй, Лиза!

Ты что несешь?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА.

Брауншвейгские колбасы.

АДАМ.

Сиротские бумаги!

ЛИХТ.

Я смущен!

АДАМ.

Они идут опять в регистратуру.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА.

Колбасы?

АДАМ.

Что? Колбасы? Нет, обложка.

ЛИХТ.

Тут недоразуменье.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

(входит).

В книжном шкафе

Мне парика найти не удалось.

АДАМ.

А почему?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Хм! Потому-что...

АДАМ.

Ну?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Вчера

В одиннадцать...

АДАМ.

Ну, говори.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Пришли вы,—

Припомните, — домой без парика.

АДАМ

Что? Я? Без парика?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

Да, в самом деле.

Да вот свидетель, — Лиза то же скажет.

У парикмахера другой парик.

АДАМ

Я был?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Да, верно, господин Адам.

С открытой головою вы вернулись.

Забыли вы? Сказали, что упали.

Еще я кровь вам с головы смывала.

АДАМ

Бесстыдница!

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Уж где мне скромной быть!

АДАМ

Сказал, — молчать! Тут правды нет ни слова.

ЛИХТ.

Так рана-то у вас вчера была?

АДАМ

Сегодня.

Сегодня рана, а вчера парик,

Он был на голове, и на-бело напудрен,

И по ошибке, вот ей-богу, вместе с шляпой

Я снял его, когда домой вернулся.

Чьи косточки ты мыла, я не знаю.

Да провались ты к чорту, там болтай.

В регистратуру!

(Первая девушка уходит).

Ну же, Маргарета!

Кум пономарь мне должен свой ссудить;

В моем сегодня кошка окотилась,

Свинья такая! Он лежал загажен

Там под кроватью, я теперь припомнил.

ЛИХТ.

Что? Кошка? Что вы?

АДАМ

Жизнью вам клянусь!
Пять желтых с черным, и один котенок белый.
Всех черных я намерен утопить.
Что ж делать! Не хотите ли котенка?

ЛИХТ.

Как? В парике?

АДАМ

Пусть чорт меня возьмет!
Когда я раздевался, так парик
На стул повесил у моей кровати.
Я ночью стул задел, и он упал.

ЛИХТ.

А кошка хватать его зубами.

АДАМ

К чорту!

ЛИХТ.

Стащила под кровать и окотилась.

АДАМ

Зубами? Нет...

ЛИХТ.

А как же?

АДАМ

Кошка? Верно.

ЛИХТ.

А может быть, и нет?

АДАМ

Зубами? Как же!

Ее ногою я толкнул сегодня,
Когда увидел.

ЛИХТ.

Ладно!

АДАМ

Вот каналья!

Они котят рожают, где придется.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

(хихикая).

Так мне итти?

АДАМ.

Ну да! и мой поклон
Почтенной Черноризке, пономарше.
Я ей верну в сохранности парик
Сегодня, — а ему, смотри, ни слова.
Ты поняла меня?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

Да уж исполню.
(Уходит).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

А да м и Лихт.

АДАМ.

Недоброго я жду сегодня, кум.

ЛИХТ.

А что?

АДАМ.

В башке такая кутерьма]
А что, сегодня судный день?

ЛИХТ.

Конечно.

Уже истцы стоят перед дверьми.

АДАМ.

Мне снилось, что истец меня схватил
И потащил к судейскому столу,
И за столом я сам сидел, и сам
Распоряжался, разносил себя,
И сам себя я присудил в оковы.

ЛИХТ.

Как? Самого себя?

АДАМ.

Клянуся честью!
Потом соединились мы, бежали,
И в соснах ночь пришлось нам скоротать.

ЛИХТ.

Ну, что ж? Ведь это сон?

АДАМ.

А, чорт возьми!
Пусть будет это сон, иль только шутка,
Как вы хотите, только б он не сбылся;

ЛИХТ.

Нелепый страх! Все делайте законно,
Когда присутствовать советник будет,
Права сторон прилежно разбирайте,
Чтоб сон об осужденном судие
Ни под какими видами не сбылся.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит член суда Вальтер. Те же.

ВАЛЬТЕР.

Храни вас бог, судья Адам.

АДАМ.

Добро

Пожаловать, почтенный господин.
Один господь всеправедный лишь знает,
Как радостно мы вас здесь ожидали.
Какой бы сон по утру нам ни снился,
Но что пред этим счастьем устоит!

ВАЛЬТЕР.

Я прихожу немножко рано, — знаю.
Приходится довольным быть в пути
По службе, если рано или поздно
Хозяева приветливо отпустят.
Что до меня касается, то я
К вам прихожу с открытым, чистым сердцем.
Высокий трибунал в Утрехте хочет
Улучшить правосудие в стране, —
Кой-где оно свершается неверно, —
И строгие ввести везде порядки.
Моей поездки цель — еще не строгость,
Я должен осмотреть, не наказать,
И если я найду не все, как должно,
То буду рад, когда хоть сносно будет.

АДАМ.

Похвально это благородство мысли.
Не сомневаюсь я, что вы найдете
Причину порицать обычай старый.

И если в Нидерландах тот обычай
 От Карла Пятого уж существует:
 То мало ли еще придумать можно?
 На свете дураки перевелися,
 И все читали, знаю, Пуффендорфа.
 Но Гуйзум — малый уголок на свете,
 Из общей мудрости свою лишь долю,
 Не больше и не меньше, взять он может.
 Юстицию в Гуйзуме просветите
 И верьте, милостивый господин,
 Что раньше, чем спиной к ней повернетесь,
 Вы будете вполне довольны ею.
 Но если б вы сейчас нашли ее такою,
 Как вы хотите, это было б чудо,—
 Она лишь смутно знает, что вам нужно.

ВАЛЬТЕР.

Да, не хватает правил. А вернее,
 Так много их, что надо б их просеять,

АДАМ.

Да, сито больше взять. Мякины много!

ВАЛЬТЕР.

А это кто там, писарь?

ЛИХТ.

Писарь Лихт,
 Покорнейший слуга ваш. В Духов день
 Я девять лет в суде.

АДАМ

(подвигая стул).

Прошу садиться.

ВАЛЬТЕР.

Не беспокойтесь.

АДАМ

Бы пришли из Холлы!

ВАЛЬТЕР.

Не более двух миль. Вы от кого узнали?

АДАМ.

Да вашей милости слуга...

ЛИХТ.

Крестьянин

Сказал, — из Холлы он недавно прибыл.

ВАЛЬТЕР.

Крестьянин?

АДАМ.

Что прикажете?

ВАЛЬТЕР.

Да! Вышел

Один там случай очень неприятный;
Нарушил он спокойствие, с которым
Нам относиться следует к делам.
Должно быть, вы извещены об этом?

АДАМ.

Так это верно, ваша честь? Судья,
В своем дому, подвергнутый аресту,
Пришел в отчаянье и удавился?

ВАЛЬТЕР.

И этим только худших дел наделал.
Запутанность в делах и беспорядок
Хищением, на деле, оказались,
Чего закон, конечно, не шадит.
Здесь сколько касс?

АДАМ.

Пять, если вам угодно.

ВАЛЬТЕР.

— Как пять? Я думал... Но зачем так много?
Я думал, что четыре.

АДАМ.

Извините.

Есть касса для водоснабжения Рейна.

ВАЛЬТЕР.

Что? Касса для водоснабжения Рейна?
Да для чего же Рейн снабжать водою,
Иль к Рейну проводить еще каналы?
Скажите, нынче судный день у вас?

АДАМ.

Гм... нынче — ?

ВАЛЬТЕР.

Что?

ЛИХТ.

Да, первый на неделе.

ВАЛЬТЕР.

А эти вот, которых я в сенях
Снаружи видел, это?...

АДАМ.

Эти будут...

ЛИХТ.

Да, это уж просители собрались.

ВАЛЬТЕР.

Я рад, что так случилось, господа.
Я не мешаю, можете позвать их.
Я буду здесь и посмотрю, как в вашем
Гуйзуме совершаете вы суд.
Регистратуру с кассами возьмем
Мы после, кончив прежде это дело.

АДАМ.

Как вы прикажете. Эй, там, хозяин!

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Вторая девушка входит. Те же.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Поклон от пономарши, господин судья.
Она охотно б вам парик...

АДАМ.

Что? Нет?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Она сказала, утром будет служба,
Один парик надел сам пономарь,
Другой же невозможно надевать,
Он к парикмахеру пойдет сегодня.

АДАМ.

Ах, чорт!

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Как только пономарь вернется,
Она тотчас же вам пошлет парик.

АДАМ.

По чести, ваша милость...

ВАЛЬТЕР.

Что случилось?

АДАМ.

Проклятый случай отнял у меня
Два парика; а вот теперь и третий,
Что я занять хотел, мне не дается:
Придется лысым сесть на судный стул.

ВАЛЬТЕР.

Без парика?

АДАМ.

Клянуся вечным богом,
Меня весьма смущает то, что надо
Сегодня мне судить без парика.
Пожалуй, попытаться бы на хутор.
Быть может, арендатор даст!

ВАЛЬТЕР.

На хутор?

А разве здесь никто другой не может?

АДАМ.

Нет, в самом деле...

ВАЛЬТЕР.

Может быть, пастор.

АДАМ.

Пастор? Да он...

ВАЛЬТЕР.

Иль, может быть, учитель.

АДАМ.

С тех пор, как отменили десятину,
Чему и я содействовал в суде,
На этих двух рассчитывать нельзя мне.

ВАЛЬТЕР.

Ну, господин судья? Что ж судный день?
Иль ждете, волоса не отрастут ли?

АДАМ.

Когда позволите, пошлю на хутор.

ВАЛЬТЕР.

Как далеко на хутор?

АДАМ.

Да не больше

Полчасика.

ВАЛЬТЕР.

Как, целых полчаса!
Ведь час открытия суда уж пробил.
Спешите! Мне в Гусеа надо ныне ж.

АДАМ

Спешить...

ВАЛЬТЕР.

Ну, голову посыпьте пудрой!
Куда же к чорту делись парики?
Уж как-нибудь устройтесь. Я спешу.

АДАМ

Ну вот.

ХОЖАЛЫЙ

(входит).

Хожалый здесь.

АДАМ.

Пока позвольте
На завтрак колбасу из Брауншвейга,
Стаканчик данцигской...

ВАЛЬТЕР.

Благодарю.

АДАМ.

Без церемоний!

ВАЛЬТЕР.

Завтракал, спасибо.
Идите, не теряйте времени, — пока
Я в записную книжку кое-что внесу.

АДАМ.

Ну, как прикажете. — Эй, Маргарета.

ВАЛЬТЕР.

Вы пострадали, господин судья.
Упали вы?

АДАМ.

Со мной удар случился,
Когда с постели утром я вставал, —
Там, в комнате, такой удар ужасный,
Что я уж, ваша честь, подумал, — смерть пришла,

ВАЛЬТЕР.

Мне очень жаль. Надеюсь, что последствий
Не будет?

АДАМ.

Думаю, что нет, и службе
Моей не помешает этот случай.
Позволите?

ВАЛЬТЕР.

Пожалуйста.

АДАМ

(хозяину).

Истцов!

(Адам, девушка и хозяин уходят).

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входят Марта, Ева, Фейти Рупрехт, Вальтер и Лихт в глубине.

МАРТА.

Вы, бьющая кувшины сволочь! Вы!
Вы мне заплатите!

ФЕЙТ.

Да успокойтесь, Марта.
Сегодня здесь все это разберут.

МАРТА.

Да, разберут. Смотри-ка, пустомеля,
Кувшин разбит, — его и разберут.
Да что ж кувшин разбитый разбирать?
Вот здесь и разберут, что мне разбитый
Принадлежит кувшин. Да я и черепка
Не дам за разбирательство такое.

ФЕЙТ.

Когда докажете вы ваше право,
Я возмешу...

МАРТА.

Он возместит кувшин!

Я докажу — тогда он возместит!
Да пусть попробует хоть раз поставить
Его мне на карниз. Он возместит!
Кувшин не положить и не поставить,
Уж так разбит, а он, гляди-ка, возместит!

ФЕЙТ.

Ну, что вы лаетесь! Что больше можно сделать?
Когда один из нас разбил кувшин,
То вас вознаградят.

МАРТА.

Вознаградят!

Ну, словно бы моя овца заговорила!
 Ну, что же, суд, по твоему, гончар?
 Пойдут высокомошные, подвяжут
 Передники, и в печку понесут
 Кувшин, иль что еще с кувшином сделать
 Сумеют, чтоб меня вознаградить!

РУПРЕХТ.

— Да ну, отец. Оставь. Ведь ведьма, право,
 И не кувшин разбитый злит ее;
 А то, что свадьба вдребезги разбилась,
 Надеется, что починить заставит.
 Ну, я то крепко на своем стою, —
 Да будь я проклят, коль женюсь на девке.

МАРТА.

Пустой болтун! О свадьбе я забочусь!
 Ведь свадьба-то не только что и дратвы,
 И черепка-то одного не стоит.
 Да стой она, натертая до глянца,
 Передо мной, как мой кувшин вчера,
 Так я б ее схватила крепко в руки
 Да о башку ему разбила б звонко,
 А уж не здесь чинить бы черепки!
 Чинить!

ЕВА.

Рупрехт!

РУПРЕХТ.

Пошла!

ЕВА.

Рупрехт, голубчик!

РУПРЕХТ.

Прочь с глаз моих! Пошла!

ЕВА.

Клянусь тебе!

РУПРЕХТ.

Распутная... Сказать не смею, кто ты!

ЕВА.

Одно словцо тебе шепну я.

РУПРЕХТ.

Нет.

ЕВА.

Ты, Рупрехт, в полк идешь теперь. Кто знает,
 Уж если ты ружье возьмешь, увижу ль
 Еще тебя когда-нибудь я в жизни.
 Война, — подумай, на войну идешь ты!
 Со злобою покинешь ты меня?

РУПРЕХТ.

Со злобой? Сохрани меня господь!
 Дай бог тебе так много благ, как только
 Он может дать. Когда с войны вернуся
 Здоровым я, и с закаленным телом,
 И до преклонных лет здесь доживу,
 То в смертный час тебе скажу я: — Девка! —
 Перед судом сама ты это скажешь.

МАРТА

(Еве).

Отстань! Я что тебе сказала? Хочешь,
 Чтобы позорили тебя? Капрал
 Тебе под пару, brave ветеран,
 Который палкой по-солдатски машет,
 Не этот ротозей, который палки
 Своей спине попросит. Будь сегодня
 Помолвка, свадьба, будь хоть бы крестины,
 Мне все равно, хоть в гроб меня кладите,
 Уж растопчу я гребешок у спеси, —
 Надулась до моих кувшинов.

ЕВА.

Мама!

Кувшин оставьте. В город отпустите
 Меня. Найдется, может быть, там мастер,
 Чтоб вам на радость склеить черепки.
 А если он пропал, тогда возьмите
 Мою копилку, и купите новый.
 Да разве стоит глиняный кувшин,
 Хоть будь он тех времен, когда жил Ирод,
 Такой беды, таких больших тревог?

МАРТА.

Что говоришь, сама не понимаешь.
 Уж будто, Евочка, ты захотела
 Эпитимью нести в то воскресенье?
 Ведь честь твоя лежит в кувшине этом
 И вместе с ним страдает перед всеми.
 Ведь бог-то видит, да не скоро скажет.

Судья — мой будет мастер, да хожалый,
 Колодки нужны, плетка, — вот что надо,
 А там и на костер мерзавцев этих.
 Вот это нашу честь очистить может
 И мой кувшин опять отполирует.

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит Адам, в орнате, но без парика. Те же.

АДАМ

(про себя).

А, Евочка! И дюжий негодяй
 Здесь, Рупрехт! Что за чорт! Да здесь вся шайка!
 Не на меня ль мне жаловаться будут?

ЕВА

Ах, мамочка, уйдемте, умоляю,
 Из этой страшной горницы скорее!

АДАМ

Скажите, кум, зачем они пришли?

ЛИХТ.

Да как мне знать! Не беспокойтесь, мелочь.
 Я что-то слышал про кувшин разбитый.

АДАМ

Кувшин! Так, так! А кто разбил кувшин?

ЛИХТ.

Кувшин-то кто разбил?

АДАМ

Да, куманек.

ЛИХТ.

Садитесь. Все узнаете, ей-богу.

АДАМ

(тихо)

Скажи-ка, Евочка.

ЕВА

(так же).

Я знать не знаю.

АДАМ

Вы с чем пришли?

ЕВА.

Ну, вот еще, идите.

АДАМ.

Ну, Евочка, да что же это значит?

ЕВА.

Ведь говорю ж я вам... Да вот, нейдет.

АДАМ

(Лихту).

Послушайте, я больше не могу.

От раны на ноге меня мутит.

Вы разбирайте, я пойду в постель.

ЛИХТ.

В постель? Да вы, никак, с ума сошли?

АДАМ.

Чтоб чорт их всех унес! Меня тошнит.

ЛИХТ.

Да вы с ума сошли? Ну что ж, пожалуй!

Но уж советнику скажите сами,

Позволит ли. Да что же это с вами?

АДАМ

(опять к Еве).

Помилуй, Евочка, я так страдаю!

Зачем пришли?

ЕВА.

Узнаете, небось.

АДАМ.

Насчет кувшина, что старуха держит?

Ведь я его...

ЕВА.

Ну да, насчет кувшина.

АДАМ.

И только?

ЕВА.

Только.

АДАМ

Больше ничего?

ЕВА.

Ведь говорю же вам! Ну, что пристали!

АДАМ.

Послушайся совета, будь умна.

ЕВА.

Бесстыжий!

АДАМ.

Слушай, крупным шрифтом имя
В свидетельстве стоит уж: Рупрехт Тюмпель.
Оно, пойми же, у меня в кармане;
Хрустит, ты слышешь, Евочка? Подумай,—
Через год, клянуся честью, ты, пожалуй,
Сошьешь передник траурный, корсаж,
Как известят: в Батавии твой Рупрехт
Издох, — от лихорадки, желтой, что ли,
Или от красной, или от гнилой.

ВАЛЬТЕР.

Со сторонами говорить не надо.
Садитесь здесь, допрашивайте их.

АДАМ.

Что там? — Что вам угодно, ваша милость

ВАЛЬТЕР.

Что мне угодно? Говорю вам ясно,—
Двусмысленной беседой вам не время
Со сторонами тайно заниматься.
Вот здесь вам подобающее место,
И я публичного допроса жду.

АДАМ

(про себя).

Ах, чорт возьми! Я не могу решиться...
Я уходил, так зазвенело что-то.

ЛИХТ

(обращая его внимания).

Ну, что ж вы там?

АДАМ.

Кто? Я? По чести, нет.
Я остороженько его повесил,
И был бы дурнем...

ЛИХТ.

Что?

АДАМ.

Что?

ЛИХТ.

Вы ответьте!

АДАМ

На что ответить?

ЛИХТ

Что вы, глухи, что ли?

Тут господин советник вас зовет.

АДАМ

Я думал... Кто?

ЛИХТ.

Да господин советник.

АДАМ

(про себя).

Ах, чорт вас всех возьми! Как ни прикинь,

Одно из двух: не гнется, так ломай...

Сейчас! Что вашей милости угодно?

Прикажете открыть мне заседание?

ВАЛЬТЕР

Рассеяны вы очень. В чем же дело?

АДАМ

Прошу, простите. У моей песарки,—

Ее купец из Индии мне продал,—

Типун; не знаю я, что с этим делать,

И вот, просил у девушки совета.

В таких вещах я — сущее дитя,

И курочек моих зову детьми.

ВАЛЬТЕР

Ну, что ж, истцов зовите, допросите,

А писарь пусть составит протокол.

АДАМ

Вести процесс прикажет ваша милость

С формальностями или так, как мы,

В Гуйзуме здесь, привыкли это делать?

ВАЛЬТЕР.

С законными формальностями теми,

Что приняты у вас в Гуйзуме, только.

АДАМ

Так, так. Я постараюсь угодить вам.

Готовы, писарь?

ЛИХТ.

Да, к услугам вашим.

АДАМ

Да будет правосудие вершиться!
Истцы, сюда!

МАРТА.

А, господин судья.

АДАМ

Кто вы?

МАРТА.

Кто?...

АДАМ

Вы.

МАРТА.

Кто я?

АДАМ

Кто вы? Скажите

Мне имя, званье, адрес, и так дальше.

МАРТА.

Я думаю, вы шутите.

АДАМ

Шутить?

Вы здесь стоите, Марта, пред судом,
Суду же надо точно знать, кто вы.

ЛИХТ

(в полголоса).

Ну, что за странность!

МАРТА.

Каждый праздник сами,

Идя на хутор, вы ко мне в окошко
Глазеете.

ВАЛЬТЕР.

Да вам она знакома?

АДАМ

Она живет здесь, ваша милость, близко,—
Через терновник там идет тропинка.
Была за кастеляном, нынче бабка,
Почтенная, ее здесь каждый знает.

ВАЛЬТЕР.

Когда вы так осведомлены в этом,
Так для чего ж вам лишние вопросы?
Внесите только имя в протокол,
Прибавивши: суду известна лично.

АДАМ.

Ну, что ж, когда формальностей не надо,
Я сделаю, как ваша честь велит.

ВАЛЬТЕР.

Теперь спросите о предмете иска.

АДАМ.

Теперь я должен?...

ВАЛЬТЕР.

Да, узнать, в чем дело.

АДАМ.

В кувшине, извините.

ВАЛЬТЕР.

Что? В кувшине.

АДАМ.

Кувшин. Простой кувшин. Кувшин, внесите,
Прибавивши: суду известен лично.

ЛИХТ.

Вы, господин судья, предполагаю,
Хотите...

АДАМ.

Если я вам говорю,
Пишите. Марта, что у вас, кувшин?

МАРТА.

Да, здесь кувшин.

АДАМ.

Ну, то то же.

МАРТА.

Разбитый.

АДАМ.

Педантские подробности!

ЛИХТ.

Прошу вас...

АДАМ.

А кто разбил? Известен вам повеса?

МАРТА.

Да вот повеса.

АДАМ

(про себя).

Больше мне не надо.

РУПРЕХТ.

Неправда!

АДАМ

(про себя).

Воскресай, старик Адам!

РУПРЕХТ.

На шею хомутать...

АДАМ.

Молчи, разиня!

Твоей-то шее уж пора в колодки.

Кувшин, как сказано, внесите, писарь,

И запишите, кто его разбил.

Ну, вот, мы дело то и разобрали.

ВАЛЬТЕР.

Эй, господин судья! Что за приемы?

АДАМ.

Как так?

ЛИХТ.

Не станете формально?..

АДАМ.

Нет же.

Их милость ведь формальностей не любит.

ВАЛЬТЕР.

Ну, если, господин судья, процесса

Порядок вы усвоить не успели,

То здесь не место этому учить.

Не можете иного дать суда,—

Уйдите: писарь, может быть, сумеет.

АДАМ.

Позвольте! Я сужу, как здесь обычно.

Ведь ваша милость так мне приказали.

ВАЛЬТЕР.

Я вам?..

АДАМ.

Клянуся честью!

ВАЛЬТЕР.

Я сказал,

Чтоб суд вы здесь свершали по закону.

Я думаю, закон такой же здесь

В Гуйзуме, как и в целом государстве.

АДАМ.

Так извиненья я прошу покорно!
 Когда позволите вы, здесь в Гуйзуме
 Имеем мы особые статуты,
 Не писанные, правда, но до нас
 Дошедшие по верному преданью.
 Из этой формы, смею вас уверить,
 Сегодня я и иоты не нарушил.
 Но сведущ я и в этих ваших формах,
 Какие применяют в государстве.
 Угодно доказательств? Прикажите!
 Могу я так и иначе судить.

ВАЛЬТЕР.

О вас я начинаю плохо думать.
 Ну, хорошо. Начните снова дело.

АДАМ.

Клянуся честью, будете довольны.
 О чем вы, Марта Руль, просить пришли?

МАРТА.

Прошу, вы знаете насчет кувшина.
 Но, прежде чем скажу, что с ним случилось,
 Прошу я позволения рассказать,
 Какой он раньше был.

АДАМ.

За вами слово.

МАРТА.

— Почтеннейшие судьи, посмотрите,—
 Вы видите кувшин?

АДАМ.

Ну да, мы видим.

МАРТА.

Да нечего смотреть, одни обломки.
 Такой кувшин, и в дребезги разбили!
 Как раз на этом месте, где дыра,
 Там штаты нидерландские совместно
 Испанскому Филиппу присягали.
 Вот здесь стоял Карл Пятый в облачении:
 Смотрите, — от него одна нога осталась.
 Вот здесь корону принимал Филипп:
 Теперь лежит в горшке почти он весь,
 До задней части, да и та побита.
 Французская с венгерской королевы,
 Его двоюродные сестры, тоже

В горшок упали; только можно видеть,
 Одна из них платочек поднимает,
 Как будто плачет над своей бедою.
 Здесь, в свите, опирается на меч
 Граф Филиберт, которого спасает
 Сам Кесарь — и ему пришлось свалиться
 С Максимилианом вместе. Ах, бездельник!
 Мечи внизу лежат, совсем разбиты.
 По середине, в освященной митре,
 Стоял архиепископ из Арраса,—
 Так начисто ведь чорт его унес,
 И только тень на мостовой осталась.
 Здесь в глубине стояли лейб-драбанты,
 Вплотную копья, аллебарды сдвинув;
 Вот здесь дома, что в Брюсселе на рынке,
 Вот здесь торчит в окошке любопытный:
 На что он смотрит там, уж я не знаю.

АДАМ

Избавьте, Марта, нас от этих скучных
 Подробностей, столь не идущих к делу.
 Дыра нам интересна, а не штаты,
 Которые Филиппу присягали.

МАРТА.

Какой кувшин, уж это прямо к делу.
 Котельный мастер Хильдерик кувшином
 Тем завладел в те годы, как испанцы,
 Как проливень, застигли нас внезапно.
 Кувшин вином был полон, и испанец
 Его поднес к губам, а Хильдерик
 Испанца повалил, кувшин схватил,
 Вино все выпил и ушел с кувшином.

АДАМ.

Так вот кто проливень!

МАРТА.

Потом кувшин

К могилышки в наследство перешел.
 Три раза только пил он из кувшина,
 Да и притом вино мешал с водою.
 На молодой женившись в шестьдесят,
 Он выпил первый раз; через три года,
 Когда отцом счастливым стал, второй раз;
 Когда ж она пятнадцать родила
 И умерла, он выпил третий раз.

АДАМ.

Не плохо, что ж!

МАРТА.

Потом кувшин достался
Закхею, тирлемондскому портному,
И от него-то мой покойный муж
Услышал то, что я вам расскажу.
Когда французы грабили, он бросил
В окно кувшин со всем домашним скарбом,
Сам прыгнул и сломал, несчастный, шею,
А этот мой кувшин, кувшин из глины,
Упал на донце и остался цел.

АДАМ.

Прошу о деле, Марта Руль! О деле!

МАРТА.

Когда пожар был в шестьдесят шестом,
Владел им муж, пошли ему господь...

АДАМ.

Ко всем чертям! Вы кончите, иль нет?

МАРТА.

Ну, если, господин судья, мне надо
Молчать, то для чего ж я здесь? Уйду,
И поищу суда, где можно говорить.

ВАЛЬТЕР.

Вы можете здесь говорить, но только
О том, что относилось бы к делу.
Из ваших слов о качествах кувшина
Мы знаем много, — для суда довольно.

МАРТА.

Чего довольно вам, чтобы судить,
Не знаю я, да и никто не знает;
А вот, чтоб жаловаться, я уж знаю,
Что надо смей мне говорить, о чем.

ВАЛЬТЕР.

Ну пусть. Так что же? Что с кувшином было?
Ну, что ж с кувшином на пожаре было
В год шестьдесят шестой? Услышим это?
С кувшином что случилось?

МАРТА.

Что случилось
О кувшином в шестьдесят шестом году?

Простите, господа, — да ничего!
 Остался цел, из пламени цел вышел,
 И на другое утро я из пепла
 Его достала; он блестел, лоснился,
 Как будто вышел из гончарной печи.

ВАЛБТЕР.

Ну, так. Кувшин мы знаем. Что случилось,
 Чего с ним не случилось, все мы знаем.
 Что ж дальше?

МАРТА.

Вот кувшин, вы посмотрите,
 Кувшин ведь в дребезги разбит, кувшин,
 Который барышнинных уст достоин,
 И даже уст штатгалтерши самой,—
 Вы, судьи чтимые, взгляните оба,
 Какой-то негодяй разбил кувшин!

АДАМ.

Кто?

МАРТА.

Рупрехт, он.

РУПРЕХТ.

Неправда, господин

Судья.

АДАМ.

Молчите, слово не за вами.
 Придет черед, поговорите вы.
 Вы в протокол внесли все это?

ЛИХТ.

Внес.

АДАМ.

Ну, расскажите ж, Марта, по порядку.

МАРТА.

Вчера в одиннадцать часов...

АДАМ.

Когда?

МАРТА.

В одиннадцать.

АДАМ.

Утра?

МАРТА.

Простите, ночи.

Уже ночник я погасить хотела,

Как вдруг мужские голоса и шум
 Из Евиной каморки слышу, словно
 Вломился враг туда. Я испугалась.
 На лестницу бегу проворно, вижу,
 Что выломана комнатная дверь,
 Свирепая навстречу брань несется,
 И вот, когда я осветила выход,
 Что, господин судья, я там нашла?
 Кувшин разбитый в комнате лежал,
 По всем углам разбросаны куски,
 Ломают руки девушка, а он,
 Как бешеный, средь комнаты воюет.

АДАМ.

Ах, чорт возьми!

МАРТА.

Кого?

АДАМ.

Ну, Марта?

МАРТА.

Да.

И вот, как будто, в справедливом гневе,
 Еще десяток рук я отрастила,
 И каждая была сильна, как коршун.
 И потянула я его к допросу,
 Чего он поздней ночью ищет в доме,
 Кувшины для чего крушит, бущуя:
 И что ж он мне ответил? угадайте!
 Бесстыжий ты! Бездельник! Негодяй!
 На колесе бы мне тебя увидеть,—
 И то еще тебе большая милость.
 Он говорит, другой, мол, с полки
 Кувшин сронил, — подумайте! — другой
 Был в комнате, и только что исчез,—
 И начал девушку мою срамить!

АДАМ.

Пустые отговорки! Ну?

МАРТА.

Тогда

На Еву я с вопросом посмотрела.
 Она стоит, как труп. Зову я: Ева!
 Садится. Спрашиваю, — кто ж другой?
 Воскликнула! „Иосиф и Мария!

Да что вы, мама!" Говори! Кто был?
 „Да кто ж иной!" твердит. Да кто ж и мог быть?
 И поклялась мне в том, что это он был.

ЕВА.

Как я клялась? Да в чем я поклялась?
 Я не клялась вам.

МАРТА.

Ева!

ЕВА.

Нет! Вы лжете!

РУПРЕХТ.

Вот, слышали...

АДАМ.

Проклятый пес, молчи!

Иль плотку кулаком тебе заткнут!
 Потом поговоришь, вот будет время.

МАРТА.

Ты не клялась?

ЕВА.

Нет, мама, вы ошиблись.

Поверьте, всей душою я страдаю,
 Что объяснять публично это надо:
 Но не клялась я, нет, я не клялась.

АДАМ

Одумайся, дитя.

ЛИХТ.

Да, это странно!

МАРТА.

Как, Ева, ты меня не уверяла?
 Иосифа с Марией не звала?

ЕВА

Не в клятву, нет! Теперь я том клянусь,
 Иосифа, Марию призываю.

АДАМ

Послушайте-ка! Марта, что такое?
 Вы запугали милого ребенка.
 Когда девица вспоминать начнет,
 Напомните спокойно, что случилось,—
 Случилось, говорю, а так же то,
 О чем она молчит, но что могло быть:
 Сличите, что вчера и что сегодня
 Она покажет, с клятвою ли, нет ли.
 Иосифа с Мариею оставьте.

ВАЛЬТЕР.

Да нет же, господин судья! Как можно
Давать двусмысленные наставленья!

МАРТА.

Когда она в глаза сказать мне смеет,
Бесстыдная, беспутная девчонка,
Что это был не Рупрехт, а другой,
Так я уж и не знаю, что сказать.
Но, господин судья, вы мне поверьте,
Я уверяю, что она клялась.
Вчера она клялась, клянусь я в этом,
Иосифа, Марию призываю.

АДАМ

Ну, Еву спросим.

ВАЛЬТЕР.

Господин судья!

АДАМ.

Что, ваша честь? — Что? — Нет, голубка, Ева?

МАРТА.

Ну, говори! Так ты мне не сказала?
Ты мне вчера, ты мне не говорила?

ЕВА.

Ну, да, сказала...

АДАМ.

Вот тебе и раз!

РУПРЕХТ.

Ты — тварь, ты!

АДАМ.

Запишите.

ФЕЙТ.

Тьфу, стыдися!

ВАЛЬТЕР.

О вашем поведении, господин судья,
Что думать? Если бы кувшин вы сами
Разбили, то усердней не могли бы
С себя на молодого человека
Валить все подозренья, чем теперь.
Вы, писарь, в протокол вписали только,
Надеюсь, что девушка созналась
В сознании вчерашнем, а не в факте.
Да разве ей показывать черед?

АДАМ.

Нет, ваша милость, ей еще не время.
В таких вещах не трудно сбиться с толку.
Ответчика спросить теперь я должен?
Усвою я хорошие уроки!

ВАЛЬТЕР.

Наивность! — Да, ответчика спросите.
Спросите же, прошу я вас, кончайте:
Последний здесь ведете вы процесс.

АДАМ.

Последний? Что? Ответчика, конечно!
О чем ты думал, опытный судья?
Проклятая цесарка с типуном!
Издохнула бы от чумы индейской!
Мне из ума нейдет комок лапши.

ВАЛЬТЕР.

Нейдет? Что за комок?

АДАМ.

Комок лапши,
Простите, курице я должен дать.
Когда пилюлю стерва не проглотит,
То уж не знаю, как и быть, ей-богу!

ВАЛЬТЕР.

Ах, чорт! Ведите ж дело, говорю вам!

АДАМ.

Ответчик!

РУПРЕХТ.

Здесь я, господин судья.
Из Гуйзума, сын Тюмпеля, Рупрехт.

АДАМ.

Ответчик слышал ли все то, что против
Него сейчас суду сказала Марта?

РУПРЕХТ.

Да, господин судья.

АДАМ.

Что возразить
На эту жалобу ответчик может?
Сознается, или решится здесь,
Как человек безбожный, отпираться?

РУПРЕХТ.

На эту жалобу что возразить
Могу я? Господин судья, позвольте
Сказать, что здесь и слова правды нету.

АДАМ.

Что? Это может доказать ответчик?

РУПРЕХТ.

Ну, да.

АДАМ.

Достойнейшая Марта, что...
Не беспокойтесь. Дело обойдется.

ВАЛЬТЕР.

До Марты что вам, господин судья?

АДАМ.

Что мне? Но христианству должен...

ВАЛЬТЕР.

Скажет

Он о себе, что может показать.
Дела вести умеее вы, писарь?

АДАМ.

Ой, что?

ЛИХТ.

Кто, я? Ну, что ж, коль ваша честь...

АДАМ.

Что пучишь ты глаза? Ну, что ты скажешь?
Ты, там, осел, ну что, как бык, стоишь?
Ну, что ответчик скажет?

РУПРЕХТ.

Что скажу?

ВАЛЬТЕР.

Ну, да, ответчик скажет все, что было.

РУПРЕХТ.

Да мне ведь не дают сказать и слова.

ВАЛЬТЕР.

Ведь так нельзя же, господин судья!

РУПРЕХТ.

Лишь только десять пробило в ту ночь,—
Та ночь январская была тепла,
Как в мае, — я отцу сказал: „Отец!
Хочу сходить я ненадолго к Еве“.

Ее хотел нанять я, — надо знать,
 Ловка в работе, сам во время жатвы
 Я видел, как в руках ее горела
 Работа, как снопы взлетали ловко.
 Сказал я: „Хочешь?" А она мне: „Ах!
 Что мелешь вздор!" Потом сказала: „Да!"

АДАМ.

Поближе к делу! Мелешь вздор ты! Что?
 Сказал ты: „Хочешь?" Отвечала: „Да!"

РУПРЕХТ.

Так точно, господин судья.

ВАЛЬТЕР.

Ну, дальше!

РУПРЕХТ.

Я говорю: „Отец, пусти, ты слышишь?
 Через окошко говорить мы будем".
 Сказал: „Иди, да на дворе останься". —
 „Ей-ей!" — сказал я, значит, побожился.
 Он мне: „Живей! В одиннадцать домой!"

АДАМ.

Ну, мелешь ты, и мелешь без конца!
 Ну, скоро ты расскажешь?

РУПРЕХТ.

„Ну, — сказал я, —

Одно словечко". Надеваю шапку,
 Иду. Хотел тропинкой, но пришлось
 Итти двором назад, — ручей разлился.
 „Погода! — думаю. — Не ладно, Рупрехт".
 Иду себе к калитке в Мартин сад.
 До десяти не запирала Ева, —
 Коль в десять не был, значит, не приду.

АДАМ.

Ну, и беспутство! Ну!

ВАЛЬТЕР.

Что было дальше?

РУПРЕХТ.

Ну, подхожу по липовой аллее,
 Где ветви с двух сторон сплелись сводом,
 И темно так же, как в Утрехтском храме,
 И слышу издали, скрипит калитка.
 Ну, думаю, да Ева еще там,
 И радостно туда ж, откуда упи

Мне весточку несли, глаза послал,—
 Когда ж они вернулись, обругал их
 Слепыми и тотчас же их отправил
 Вторично, чтобы лучше огляделись.
 Негодные, сказал, клеветники,
 Доносчики, наушники вы злые,
 И в третий раз послал их и подумал,
 Что, свой исполнив долг и негодуя,
 Они вдруг голову мою покинут
 И на другую службу перейдут:
 Была там Ева, я ее узнал
 По кофточке, и вместе с нею кто-то.

АДАМ.

Что? Вместе с нею? Кто же, пустомеля?

РУПРЕХТ.

Меня спросить хотите, кто?

АДАМ.

Ну, да!

Я думаю,— не пойман, не повесят.

ВАЛЬТЕР.

Довольно, господин судья! Оставьте
 Его! Не надо так перебивать.

РУПРЕХТ.

Перед дарами в том не поклянуся,
 Ведь ночь была, в потьмах все кошки серы,
 Но должен вам сказать я, что сапожник
 Лебрехт, который был недавно призван,
 Старался обойти меня пред Евой.
 Я осенью сказал: „Послушай, Ева,
 Плуту втереться в дом я не позволю.
 Скажи, что ты ему не по зубам,
 Не то я с ним разделаюсь по-свойски”.
 Она сказала: „Ты мне надоед”,
 Ему сказала, да не очень крепко,
 Так я пошел и выгнал негодяя.

АДАМ.

Лебрехт его зовут?

РУПРЕХТ.

Лебрехт.

АДАМ.

Ну, ладно.

Вот имя. Как-нибудь да обойдется.
 Вы, писарь, записали в протокол?

ЛИХТ.

Конечно, да и все другое также.

АДАМ.

Ну, дальше говори, сынок.

РУПРЕХТ.

Спешу,

Чтобы в одиннадцать застать, не позже,
Там парочку, — я в десять уходил.
И думаю: смотри, пока не поздно,
Рупрехт, — не вырасти рогов оленьих.
Ты лоб себе заботливо ощупай,
Не пробиваются ли там ростки.
Полез себе тихохонько в калитку,
В кустах боярышника притаился,
И слышу болтовню там, шопот, шутки,
То там, то здесь, — ну, господин судья,
Не опоздать бы, думаю...

ЕВА.

Злодей!

Да как тебе не стыдно!

МАРТА.

Ах, бездельник!

Вот подожди, останемся вдвоем,
Я проверю тебя! Еще не знаешь
Моих когтей, так испытаеть вволю.

РУПРЕХТ.

Прошло так четверть часика. Смекаю:
Ну, что ж там будет, свадьба, что ль, сегодня?
Но прежде, чем я так успел подумать,
Глядь, оба в дом они, и без пастора.

ЕВА.

Скажу я, мама, — пусть их, что угодно...

АДАМ.

Ну, ты там у меня, молчи! Чтоб гром
Тебя побил, незванная болтуня!
Дам слово, подожди, — тогда и скажешь.

ВАЛЬТЕР.

Ей-богу, странно!

РУПРЕХТ.

Господин судья,
Как в сердце нож воткнули. Задыхаюсь.

От куртки пуговица отскочила.
 Я куртку рву, кричу: „Дышать мне дайте!"
 Иду, вхожу, стучусь; у этой твари
 Дверь на задвижку заперта, но я,
 Что силы было, приналег и вышиб.

АДАМ.

Разбойник ты!

РУПРЕХТ.

Она загрохотала,
 Кувшин с карниза печки полетел,
 И бух! в окошко кто-то живо прыгнул,
 Кафтана полу только я и видел.

АДАМ.

То был Лебрехт?

РУПРЕХТ.

А кто ж друтой то мог быть?
 Стоит девчонка, я ее свалил,
 Бегу скорей к окошку, вижу, парень
 Еще висит на кольях частокола,
 Где виноградники вились до кровли.
 Задвижка у меня в руках осталась,
 Когда я в дверь ломился; ну, огрел я
 Его задвижкой, весом с фунт, стальнойю,
 Так, господин судья, как только мог.

АДАМ.

Задвижкой?

РУПРЕХТ.

Что?

АДАМ.

Или?...

РУПРЕХТ.

Задвижкой к двери.

АДАМ.

Ага...

ЛИХТ.

Вы думали, что это — шпага?

АДАМ.

Я? Шпага? Как так?

РУПРЕХТ.

Шпага?

ЛИХТ.

Ну, конечно.

Ведь можно не дослышать. А задвижка
Со шпагою имеет много сходства.

АДАМ.

Я думал...

ЛИХТ.

Уверяю! Рукояткой?

АДАМ.

Как? Рукояткой?

РУПРЕХТ.

Нет, не рукояткой,
А просто задней стороной задвижки.

АДАМ.

Т а к в о т к а к , — задней стороной задвижки.

ЛИХТ.

Так, так!

На ручке там, сказать я должен,
Кусок свинца, как рукоятка шпаги.

АДАМ.

Как рукоятка?

ЛИХТ.

Рукоятка шпаги.

Я так и знал, что там должно быть, было
Какое-то коварное оружие.

ВАЛЬТЕР.

Ну, к делу, господа! Скорее к делу.

АДАМ.

Пишите, писарь! Ну, ответчик, дальше!

РУПРЕХТ.

Свалился парень. Отойти хотел я,
Как вдруг услышал шорох в темноте.
„ Ж и в ! " думаю, взобрался на окошко,
Хочу бежать за парнем, господа,
Но только что прыжок хотел я сделать,
Как вдруг мне горсть прекрупного песку, —
И плут, и ночь, и свет, и подоконник,
Где я стоял, — убей меня господь! —
Вот ровно все в один мешок свалилось, —
К а к град, рассеявшись, летит в глаза.

АДАМ

Проклятый! Вишь ты! Кто же?

РУПРЕХТ.

Кто? Лебрехт.

АДАМ

Бездельник!

РУПРЕХТ.

Я уверен, это он был.

АДАМ

Уж кто иной!

РУПРЕХТ.

Как с десятисаженной

Горы меня свалил бы ливень с градом, —

Так хлопнулся я в комнату с окошка.

Уж думал я, что пол прошиб. Хотя

Я шеи не сломал, ни поясницы,

Ни ног, и ничего другого, все же

Не мог уж я за негодяем гнаться,

Сидел и протирал себе глаза.

Она: „Ах, Боже мой!" И после: „Рупрехт,

Да что с тобой?" Ей-богу, пнул ногою,

Куда, не видел, уж и то спасибо.

АДАМ

Ведь это от песка?

РУПРЕХТ.

Да, горсть песка.

АДАМ

Проклятье! Угодил!

РУПРЕХТ.

В себя пришел я,

Здесь, думаю, не стоит рук марать.

Я обругал ее распутной тварью,

И думал, что еще не очень сильно,

Но слезы мне мешали говорить.

Ну, тут вот Марта в комнату вошла

И с лампою; я девушку увидел,

Стоит, шатается, смотреть-то жалко.

Такая бойкая бывала прежде.

Ну, думаю, слепым-то быть не плохо.

Глаза, как шарики, охотно б отдал

Кому угодно, — пусть играет ими.

ЕВА.

Не стоишь ты, злодей...

АДАМ

Ну, ты, молчать!

РУПРЕХТ

Дальнейшее известно.

АДАМ

Что такое?

РУПРЕХТ.

Ну да, явилась Марта, заорала,
И Ральф, сосед, пришел, и Гинц, сосед,
Пришел, и тетка Сус, и тетка Лиза,
Батрак, работница, коты, собаки,
Стоят, глазют. Спрашивает Марта
Вон ту девицу, — кто разбил кувшин.
Та, знаете, сказала, будто я.
Ей-богу, не ошиблась: я разбил
Кувшин, с которым по воду ходила,
И у сапожника в башке пролом.

АДАМ.

Что, Марта, возразить на эту речь
Хотите?

МАРТА.

Возразить на эту речь?
Она кунницей вкралася, и правду,
Как клокчущую куру, задавила.
Кто правду любит, тот бери дубину
И пришиби полночного злодея.

АДАМ.

Так это доказать вы нам должны

МАРТА.

Охотно. Вот свидетель. Говори!

АДАМ.

Как, Марта, дочь? Нельзя.

ВАЛЬТЕР

Но почему же?

АДАМ.

Свидетельницей, ваша честь? Но где же
В законе есть, в четвертой или в пятой
Главе, что если юный олух станет
Кувшины или что иное бить,
То матери свидетельствует дочка?

ВАЛЬТЕР.

У вас в мозгу познание с заблуждением,
 Как в тесте, сбились в один комок:
 Вы каждый раз подносите их вместе.
 Дочь не свидетельствует, объясняет.
 О ком и за кого она свидетель,
 Из объяснений выяснится только.

АДАМ.

Да, объясняет. Так. Глава шестая.
 Но что ни скажет, этому нет веры.

ВАЛЬТЕР.

Дитя мое, поди сюда.

АДАМ.

Гей, Лиза!
 Простите, в горле пересохло. Грета!

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит девушка. Те же.

АДАМ.

Стакан воды!

ДЕВУШКА.

Сейчас!

(Уходит).

АДАМ.

Могу вам также?

ВАЛЬТЕР.

Спасибо.

АДАМ.

Что? Французское или Мозель?

(Вальтер отказывается. Девушка приносит воду и уходит).

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без девушки.

АДАМ.

Позвольте откровенно вам сказать,
 Что дело можно кончить примиреньем.

ВАЛЬТЕР.

Не понимаю, господин судья.
 Благоразумных примирить легко;
 Но как достичь могли б вы примиренья,
 Когда еще не разобрали дела?
 Вот это я от вас хотел бы слышать,
 Как думаете вы его решить?
 Готово ли решение ваше?

АДАМ.

Право,
 Когда закон меня в тупик поставил,
 Пусть философия поможет мне.
 Был это Лебрехт.

ВАЛЬТЕР.

Кто?

АДАМ

Или Рупрехт.

ВАЛЬТЕР.

Кто?

АДАМ

Или Лебрехт тот кувшин разбил.

ВАЛЬТЕР.

Да как же так? Иль Лебрехт? Иль Рупрехт?
 Я вижу, вам решение выбирать—
 Все то же, что в горшке с горохом рыться.

АДАМ.

Позвольте!

ВАЛЬТЕР.

Замолчите.

АДАМ.

Как угодно.

По чести, лучшее решение было б,
 Когда б они кувшин разбили оба.

ВАЛЬТЕР

Спросите и узнаете.

АДАМ

Охотно.

Но будь я плут, коль что-нибудь узнаем!
 Ну, писарь, протокол у вас готов?

ЛИХТ

Готов.

АДАМ.

Отлично.

ЛИХТ.

Начал лист я новый.
Занятно, что записано там будет?

АДАМ.

Лист новый? Ладно.

ВАЛЬТЕР.

Говори, дитя.

АДАМ.

Ну, Евочка, ты слышишь? говори же!
Дай, боже, ей, — голубушка, ты слышишь? —
Чтобы она показывала правду.
Подумай, здесь ты вот, как перед богом,
И не должна ты огорчать судью
Ни запирательством, ни болтовнею,
Нейдушей к делу. Ну, да ты разумна.
Судья, ведь, знаешь ты, всегда судья.
И каждому, быть может, пригодится.
Лебрехт разбил, ты скажешь: хорошо;
А скажешь, Рупрехт, — ну, и это ладно!
Так скажешь, так, — меня не проведешь,
А как покончить, от тебя зависит.
А вздумаешь ты здесь болтать иное
И третье имя сдуру называть,
Смотри, дитя, я тратить слов не стану.
Тебе ни в Гуйзуме, чтоб чорт побрал
Их всех, ни в Нидерландах не поверит
Никто; ведь стены не свидетель,
А за себя стоять умеют люди;
Рупрехта твоего возьмет падучка!

ВАЛЬТЕР.

Когда же кончите вы ваши речи?
Такая болтовня ни то, ни се!

АДАМ.

Не понимает ваша честь?

ВАЛЬТЕР.

Кончайте.
Вы здесь уже довольно говорили.

АДАМ

По чести! Не учен я, ваша милость,
И господам не ясен из Утрехта,
Но здесь нужны совсем иные речи.
Клянусь вам, Ева знает, что мне надо.

МАРТА.

Ну, что ж ты? Говори теперь смелее!

ЕВА.

О, мама милая!

МАРТА.

Ну, ты! Живей!

РУПРЕХТ.

Ей Богу, трудно смело говорить,
Когда за плотку нас ухватит совесть.

АДАМ.

Молчать, нахал, ни пикнуть!

МАРТА.

Кто же был?

ЕВА

О Иисус!

МАРТА.

Разины! Негодяй!

О Иисус! Ведь этакая дура!

Что ж, Иисус разбил?

АДАМ.

Как можно, Марта!

Пусть девушка сама нам все расскажет.

Пугать дитя, — овечья морда!—Дура!

К чему все это? Пусть сама припомнит.

РУПРЕХТ.

Ну да, припомнит.

АДАМ.

Ты, болван, молчи!

РУПРЕХТ.

Сапожник ей припомнится ужю.

АДАМ.

Ах, чорт! Хожалого позвать! Ганфрид!

РУПРЕХТ.

Ну, господин судья, молчу, оставьте.

Она и до меня дойдет, пожалуй.

МАРТА.

Ты, слушай, не устраивай спектакля.
Я честно сорок девять лет, ты слышишь,
Жила, дай бог пятидесятый так же.
Мое рожденье — третье февраля,
Сегодня первое. Недолго. Кто же?

АДАМ.

Вот это так! Отлично, Марта Рульб!

МАРТА.

Сказал отец, кончаясь: „Слушай, Марта,
Ты честно замуж девушку отдай,
А если вырастет распутной тварью,
Так ты к могильщику сходи, дай грош,
Чтоб на спину меня он положил,—
Ей-богу, я в гробу перевернуся”.

АДАМ.

Не дурно.

МАРТА.

Что ж, почтить ты хочешь, Ева,
Отца и мать, как заповедь гласит
Четвертая? Скажи: к себе впустила
Сапожника или еще кого-то,
Ты слышишь? Только не был то жених.

РУПРЕХТ.

Ее мне жаль. Оставьте же кувшин;
Я отнесу его в Утрехт. Неужли
Такой кувшин хотел бы я разбить!

ЕВА.

Как недостойно это! Тьфу, стыдися,
Что не сказал: ну, я разбил кувшин!
Тьфу, Рупрехт, тьфу! О, как тебе не стыдно,—
Ты в этом деле мне не хочешь верить!
Дала ж тебе я руку, „да!” сказала,
Когда меня спросил ты: „Ева, хочешь?”
Ну, что ж, по твоему, сапожник лучше?
Когда б ты даже подглядел за дверью,
Что я с Лебрехтом из кувшина пью,
Ты знать бы должен, — Ева не изменит,
И все к ее же чести объяснится,
Когда не в этой жизни, то за гробом,
В тот день, когда мы все пред богом станем.

РУПРЕХТ.

Ей-богу, что мы это тянем, Ева!
Что у меня в руках, тому и верю.

ЕВА.

Положим, это был бы Лебрехт,
Но почему же, — вот как перед смертью
Я говорю, — тебе б я не открылась?
Перед соседями и батраками,
Положим, я хотела б это скрыть,
Но почему, Рупрехт, я не могла бы,
Тебе доверясь, на тебя сказать?
Ну почему же? Почему не так?

РУПРЕХТ.

Ах, чорт возьми! Уж если стыд забыла,
Скажи, что хочешь, мне-то что за дело!

ЕВА.

Какой ты скверный! О, неблагодарный!
Из-за тебя мне стыд забыть? Да хочешь, —
Могу одним я словом оправдаться,
Тебя же этим словом осрамить?

ВАЛЬТЕР.

Какое ж это слово? Ну, скорее.
Так это был не Рупрехт?

ЕВА.

Ваша милость,
Когда он сам так хочет, — нет, не он.
Из за него об этом я молчала:
Нет, глиняный кувшин не он разбил,
Он говорит, так можете поверить.

МАРТА.

Не Рупрехт, Ева? Что?

ЕВА.

Нет, мама, нет.
Вчера я вам неправду говорила.

МАРТА.

Да я тебе все кости обломаю!
(Ставит кувшин на пол).

ЕВА.

Как вам угодно.

ВАЛЬТЕР
(внушительно).

Марта!

АДАМ.

Эй, хозяин!

Вон выпвырнуть проклятую каргу!
Да почему ж никто иной, как Рупрехт?
Она ему тогда светила, что ли?
Я думаю, девица лучше знает.
Да будь я плут, коль не Лебрехт там был.

МАРТА.

Так это был Лебрехт? Лебрехт там был?

АДАМ.

Ну, Евочка, скажи, Лебрехт иль нет?

ЕВА.

Бесстыжий вы! Бессчастный! Как могли
Вы на Лебрехта говорить!...

ВАЛЬТЕР.

Девица!

Да как ты смеешь! Разве ты забыла,
Что ты к судье обязана почтеньем?

ЕВА.

Ну что! Судья туда ж! Да сам он стоит,
Ничтожный грешник, чтоб его судили,
Уж он-то лучше знает, кто там был!

(Обращаясь к судье).

Да разве он не сам вчера Лебрехта
Отправил со свидетельством в Утрехт
В комиссию рекрутского набора?
Так как же мог на Лебрехта сказать он,
Когда отлично знал, что тот в Утрехте?

АДАМ.

Ну кто ж иной? И не Лебрехт, — кой чорт!
И не Рупрехт, и не Лебрехт... Опомнись!

РУПРЕХТ.

Ей-богу, господин судья, позвольте
Сказать, что девушка теперь не лжет.
Лебрехта сам вчера я встретил, в восемь
Часов утра, когда в Утрехт он шел,

И если он не взгромоздился в фуру,
То уж такой-то косолапый парень
Не мог бы к той же ночи обернуться.
Конечно, третий кто-то виноват.

АДАМ.

Что, косолапый! Ах, овечья морда!
Не хуже всякого шагает парень.
Да будь я бессловесною скотиной,
Уж если даже маленькой овчарке
Порой не удастся рысью мчаться.

ВАЛЬТЕР.

Рассказывай.

АДАМ.

Простите, ваша милость!
Девушка вам служить едва ль сумеет.

ВАЛЬТЕР.

Служить? Едва ль сумеет? Почему же?

АДАМ.

Дитя еще. Добра, но безтолкова.
Недавно конфирмована. Стыдится,
Увидев бороду издалека.
В потьмах куда ни шло, но если днем,
Так пред судьей отпираться станет.

ВАЛЬТЕР.

Вы с нею очень кротки, господин
Судья, и снисходительны не в меру.

АДАМ.

Сказать по правде, господин советник,
Ее отец мне был хорошим другом.
Так будьте, ваша честь, великодушны,
И ведь не более, как только долг наш
Исполним мы, девушку отпустивши.

ВАЛЬТЕР.

Я чувствую великую охоту
Исследовать все дело до конца.
Ну, кто, дитя, кувшин разбил? Смелее.
Знай, ты теперь не перед тем стоишь,
Кто ни единой не простит ошибки.

ЕВА.

Мой дорогой, почтенный господин,
Не заставляйте, чтобы я сказала,

За мой отказ меня не обвиняйте.
 В том есть чудесное предуказанье
 Небес, чтобы мои уста сомкнулись.
 Что не Рупрехт разбил кувшин, могу я,
 Когда потребуете вы, в том клятву
 Перед священным алтарем принять.
 Все ж остальное, что вчера случилось,
 Здесь никому до этого нет дела,—
 Не может мать потребовать, чтоб рвали
 Одну единственную нить из ткани,
 Когда она сплелась со всею тканью.
 Я не скажу здесь, кто разбил кувшин,
 Иначе я чужую выдам тайну,—
 К кувшину не относится она.
 Когда-нибудь я матери откроюсь,
 Но здесь, перед судом, она не в праве
 Меня заставить говорить об этом.

АДАМ.

Ну да, не в праве мать. Но чести, нет.
 Да, девушка умеет помолчать.
 Когда она присягу принесет
 Перед судом, то иск отвергнуть надо,
 И спорить против этого не стоит.

ВАЛЬТЕР.

Что в объясненье скажете вы, Марта?

МАРТА.

Да если б возразить я не сумела,
 То я прошу вас, ваша милость, верить,
 Что это просто мой язык отсох.
 Представьте, что какой-нибудь пропащий,
 Чтоб честь свою восстановить пред всеми,
 В суде солгать осмелится и с ложной
 Своею клятвой к алтарю святому,
 А не к позорному столбу пойдет,
 Так это здесь случилось бы впервые.
 Будь эта правда, что вчера другой,
 Вошел в каморку Евы, а не Рупрехт,
 Будь это даже только лишь возможно,
 Поймите же, я б здесь не стала медлить.
 Я посадила бы ее на стул
 Здесь, перед дверью, и сказала б: Ева,
 Иди подальше, здесь тебе не место.
 Твоя коса одна тебе в наследство,
 На ней повесишься, так лучше будет.

ВАЛЬТЕР.

Вы успокойтесь, Марта.

МАРТА.

Я, однако,
Могу найти свидетельство иное,
Уж если Ева мне откажет в этом.
Уверена вполне, что только он,
Никто иной, кувшин мой сокрушил,
И если с клятвой отрицают это,
Так я и худшее подозреваю.
Иное преступление скрыто ночью
Вчерашнею, не только озорство.
Я вашей милости открою: Рупрехт
В набор попал, и должен он в Утрехте
На днях принять военную присягу.
Сыны отечества бегут нередко.
Допустим, нынче ночью он сказал бы:
«Что, Евочка? Бежим! Ведь свет велик.
Ключи от сундуков в твоих руках»...
Она бы поупрямилась немного,
А я случайно им бы помешала,—
Из мести он, и из любви она,—
Все остальное, что случилось, ясно.

РУПРЕХТ.

Воронья сыть! Откуда эти речи!
От сундуков...

ВАЛЬТЕР.

Молчи!

ЕВА.

Он, убежать!

ВАЛЬТЕР.

Здесь о кувшине речь. Скорее к делу.
Рупрехт его разбил, так докажете.

МАРТА.

Сначала докажу здесь, ваша милость,
Что Рупрехт мой кувшин разбил, а после
И в доме у себя я посмотрю.
Смотрите, за меня свидетель будет.
На каждое им сказанное слово,
И пусть бы в ряд построили их все,
Да это я уж и заране знаю,
Что и без вас со всеми ими справлюсь.
Вот, если вы Бригитту позовете,

Рупрехта тетку, я довольна буду,
Она его рассказы опровергнет.
Она в саду обоих в половине
Одиннадцатого, заметье, раньше,
Чем был кувшин разбит, застала в споре;
И как вся эта басня, что он сплел,
Расколется от головы до ног
От одного единственного слова,
Вы, ваша милость, поглядите сами.

РУПРЕХТ.

Кто встретил? Кто?

ФЕЙТ.

Сестра Бригитта?

РУПРЕХТ.

С Евой?

МАРТА.

Его, в саду, и с Евой, в половине
Одиннадцатого, а он болтает,
Что к Еве он в одиннадцать вломился;
Был спор, то ласки, то возня, как будто
Ее хотел он в чем-то убедить.

АДАМ

(про себя).

Ах, черт возьми! Ну, вывози, кривая.

ВАЛЬТЕР.

Зовите эту женщину.

РУПРЕХТ.

Да нет же

Здесь слова правды, это невозможно.

АДАМ.

Вот погоди, разбойник! Эй, хозяин!
Ганфрид!— Коль на бегу кувшины бьются...
Прошу вас, писарь, привести Бригитту.

ФЕЙТ.

Проклятый плут, послушай, что ты сделал?
Все кости обломаю...

РУПРЕХТ.

Да за что?

ФЕЙТ.

Зачем же промолчал ты, что в саду
Ты с девкой полчаса болтал и спорил?
Зачем о том молчал?

РУПРЕХТ.

Зачем молчал?
Да бог меня побей, коль это правда.
Докажет тетя Бригги, так повесь
Меня, да и ее к ногам, пожалуй.

ФЕЙТ.

Да уж доказывает, — слышишь это?
И ты, и эта недотрога Ева,
Вы сговорились, как вам отвечать
Здесь на суде. Какая-то есть тайна
Позорная, — о ней девчонка знает,
Да нам, тебя жалея, не расскажет.

РУПРЕХТ.

Что? Тайна?

ФЕЙТ.

А зачем ты уложился?
А? вечером зачем ты уложился?

РУПРЕХТ.

Я? вещи?

ФЕЙТ.

Да, штаны, белье, кафтаны.
Как будто путешественнику вскинуть
На плечи узел.

РУПРЕХТ.

Да в Утрехт мне надо!
Небесный гром! Ведь если в полк я должен!
Вы думаете, я ?...

ФЕЙТ.

Ага, в Утрехт!
Заторопился ты в Утрехт уж очень!
Позавчера еще не знал, на пятый
Иль на шестой день надобно итти.

ВАЛЬТЕР.

Старик не знает ли чего о деле?

ФЕЙТ.

Да уж не знаю, право, ваша милость.
Я дома был, когда кувшин разбился.
А что касается других наветов,

Сказать по правде, ничего такого,
 Что подозрение на него бросало б,
 За сыном за моим я не заметил.
 В его невинности я был уверен,
 И шел сюда, чтоб, этот спор покончив,
 Расторгнуть вместе с тем его помолвку,
 Назад потребовать его цепочку
 И пфенник свадебный, который Еве
 На стоворе он осёнью поднес.
 А если что о бегстве, об измене
 На голову мою седую рухнет,
 Так это так же ново мне, как вам, —
 И пусть ему сломает дьявол шею.

ВАЛЬТЕР.

Зовите же, судья, сюда Бригитту.

АДАМ.

А разве вашу милость это дело
 Не утомило? Затянулось очень.
 Еще хотели ваша милость в кассы,
 В регистратуру... А который час?

ЛИХТ.

Пробьет сейчас...

АДАМ.

Одиннадцать?

ЛИХТ.

Двенадцать.

ВАЛЬТЕР.

Ну что ж!

АДАМ.

Пора, — у вас вскружится голова.
 (Сморгает на часы).

Как честный человек — что вам угодно?

ВАЛЬТЕР.

Я думаю...

АДАМ.

Прервать разбор? Отлично.

ВАЛЬТЕР.

Позвольте! Думаю окончить дело.

АДАМ.

Вы думаете? Хорошо. Но только,
 По чести, завтра утром в девять, дело
 Я б, с позволения вашего, закончил.

ВАЛЬТЕР.

Чего хочу, известно вам.

АДАМ.

Исполню.

Хожалого пошлите, писарь; должен
Сейчас сюда он привести Бригитту.

ВАЛЬТЕР.

Чтоб время, дорогое для меня,
Сберечь, прошу, займитесь этим сами.
(Лихт уходит).

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без Лихта. После — девушки.

АДАМ

(вставая)

Не будет ли пока угодно вам
Немного освежиться?

ВАЛЬТЕР.

Гм! О, да.

Что я хочу сказать...

АДАМ.

— Позвольте также,

Наедине, пока придет Бригитта...

ВАЛЬТЕР

Наедине?

АДАМ

За дверью, если вам...

ВАЛЬТЕР

(про себя)

Ах, чорт!

(громко).

Так знаете ль, судья Адам,
Стакан вина мне дайте в перерыве.

АДАМ.

От всей души, охотно. — Эй, Маргрета!
Я буду счастлив, ваша милость. — Грета!
(Девушка входит)

ДЕВУШКА

Здесь.

АДАМ.

Что прикажете?... Вы, люди, прочь!
Французского?.. В переднюю!.. Иль с Рейна?

ВАЛЬТЕР.

С родного Рейна.

АДАМ.

Так... Вы, — марш. Я кликну.

ВАЛЬТЕР.

Куда?

АДАМ.

Иди, — того, с печатью, Грета...
Куда? За двери, в сени... Здесь... Вот ключ.

ВАЛЬТЕР.

Останьтесь.

АДАМ.

Живо! Марш... Иди, Маргрета!
И масло свежее, и сыр лимбургский,
И гусь копченый померанский, жирный.

ВАЛЬТЕР.

Постойте! Много так не хлопочите,
Прошу вас, господин судья.

АДАМ.

Ступайте,
Чтоб чорт вас взял! Идите, говорят вам!

ВАЛЬТЕР.

Их отослать хотите?

АДАМ.

Ваша милость?

ВАЛЬТЕР.

Что вы?..

АДАМ.

Когда позволите, уйдут
Они, пока не явится Бригитта.
Иль разве надо?..

ВАЛЬТЕР.

Хм! Как вы хотите.
Но только стоит ли их высылать?
Вы думаете, что еще не скоро
Она сюда придет?

АДАМ.

Сегодня день

Для сбора дров. Почти что все крестьянки
пошли в сосновый бор собирать валежник.
И очень может статься...

РУПРЕХТ

Тетка дома.

ВАЛЬТЕР.

Вот видите.

РУПРЕХТ.

Она сейчас придет.

ВАЛЬТЕР.

Сейчас придет. Пошлите за вином.

АДАМ

(про себя).

Проклятый!

ВАЛЬТЕР.

На закуску ничего,

Кусок сухого хлеба с солью только.

АДАМ

(про себя).

Минуты две бы с девкой мне побыть...

(Громко).

Сушеный хлеб и соль? Да что вы!.

ВАЛЬТЕР.

Да.

АДАМ.

По крайней мере, сыр? Ведь после сыру
Вино для языка приятней станет.

ВАЛЬТЕР.

Кусочек сыру, больше ничего.

АДАМ.

Иди. Камчаткою накроешь, белой.
Плоха, да настоящая.

(Девушка уходит).

Вот в этом

Есть выгода для нас, холостяков,
Что тем немногим, скудным, что другие
С женой, с детьми должны всегда делиться.
Мы вволю насладимся в час приличный,
И с кем хотим.

ВАЛЬТЕР.

Что я хочу спросить,—
Где вы расшиблись, господин судья?
Ведь голова у вас совсем разбита.

АДАМ.

Упал...

ВАЛЬТЕР.

Упали? Так. Когда? Вчера?

АДАМ.

Сегодня, утром рано, извините,
В шестом часу, едва с постели встал.

ВАЛЬТЕР.

Да кто же так вас?

АДАМ.

Господин советник,
По правде вам сказать, никто, как сам:
Ударился об дверь я головою,
И до сих пор не вспомнюсь, отчего.

ВАЛЬТЕР.

Затылком?

АДАМ.

Что? Затылком?

ВАЛЬТЕР.

Или лбом?

У вас две раны, спереди и сзади.

АДАМ.

— И так, и этак... Маргарета!

(О б е девушки с вином и пр. накрывают и уходят).

ВАЛЬТЕР.

Как?

АДАМ.

Сначала так, потом... Об угол печки
Сперва я лоб себе расшиб, потом
От печки навзничь на пол повалился,
И там себе затылок я разбил...

(Наливает).

Угодно вам?

ВАЛЬТЕР

(беря стакан).

Имейте вы жену,

Тогда б я, господин судья, подумал
Нивесть что.

АДАМ.

Как так?

ВАЛЬТЕР.

Уверяю вас,
На всем лице царапины я вижу.

АДАМ

(смеясь).

Нет, слава богу! Не от женских рук.

ВАЛЬТЕР.

Так. Преимущество холостяков.

АДАМ

(смеясь).

Прутья поставлен был, для шелковичных
Червей, здесь у меня сушиться к печке.
Здоровье ваше!

(Пьют).

ВАЛЬТЕР.

И как раз сегодня
Так странно вы лишились парика!
Вы париком закрыли б ваши раны.

АДАМ.

Одна беда придет, за ней другая.
Вот здесь, могу я предложить?

ВАЛЬТЕР.

Кусочек.

Из Лимбурга?

АДАМ.

Прямехонько оттуда.

ВАЛЬТЕР.

Но как же, чорт возьми, случилось это?

АДАМ.

Что?

ВАЛЬТЕР.

Как же вы лишились парика?

АДАМ.

Да вот, — я вечером вчера читал
Дела, и так как я очки засунул
Куда-то, то я так нагнулся низко,
Что от огня свечи парик мой ярко
Зажегся вдруг. Подумал я, что льется

Огонь с небес по грешной голове.
 Хватаюсь за парик, чтоб снять его,
 Но прежде чем распутал я завязки,
 Он, как Содом или Гоморра, вспыхнул,—
 Едва-едва три волоска я спас.

ВАЛЬТЕР.

Ах чорт! И в городе у вас другой?

АДАМ.

У парикмахера... Ну что ж, за дело!

ВАЛЬТЕР.

Не торопитесь, господин судья.

АДАМ.

Да что, часы летят. Еще стаканчик.

(Наливает)

ВАЛЬТЕР.

Когда тот парень правду говорил,
 Лебрехт свалился тоже неудачно.

АДАМ.

Клянуся честью.

(Пьет).

ВАЛЬТЕР.

Если ныне дело,
 Как я боюсь, распутано не будет,
 То все же вам виновника в Гуйзуме
 Не трудно будет уличить по ранам.

(Пьет).

Нирштейнер?

АДАМ.

Что?

ВАЛЬТЕР.

Иль добрый Оппенгеймер?

АДАМ.

Нирштейн. Да вы — знаток, клянуся честью.
 Я из Нирштейна получил его..

ВАЛЬТЕР.

Я пробовал его на месте.

АДАМ.

(опять наливает).

Марта,

Скажите, высоко ль окошки ваши?

МАРТА.

Мои окошки?

ВАЛЬТЕР.

Окна той каморки,

Где спит девица?

МАРТА.

Комнаты, конечно,

Все в первом этаже, внизу подвал,

Окно не выше, чем на девять футов;

Но если хорошенько разобрать,

Так прыгать там не так, чтобы удобно.

Два фута от стены там виноградник;

Он ветви узловатые развесил,

Обвивши колышки, вдоль всей стены,

И даже он окно совсем запутал.

Там разве только боров продерется,

Когда захочет от ловца бежать.

АДАМ.

Да там никто и не был.

(Наливает).

ВАЛЬТЕР.

Да?

АДАМ.

Конечно

(Пьет).

ВАЛЬТЕР

(Рупрехту).

Ты как плута, не в голову ль ушиб?

АДАМ.

Прошу...

ВАЛЬТЕР.

Не надо.

АДАМ.

Очень.

ВАЛЬТЕР.

Будет.

АДАМ.

Я налью.

ВАЛЬТЕР.

Вы слышали...

АДАМ.

Для круглого числа.

ВАЛЬТЕР.

Прошу вас.

АДАМ.

Да что ж, по теореме Пифагора.

(Наливает ему).

ВАЛЬТЕР

(опять Рупрехту).

Ты сколько раз плута в башку ударил?

АДАМ.

Один — господь. Два — хаос в темноте.

Три — свет. Люблю я выпить три стакана.

Из третьей чаши пьем по капле солнце,

А в остальных уж звездочки небес.

ВАЛЬТЕР.

В башку ты сколько раз плута ударил?

Рупрехта спрашиваю.

АДАМ.

Что, не слышишь?

Ударил сколько раз плута? Ну, живо!

Ах, божий гром, да парень сам не знает!

Забыл ты?

РУПРЕХТ.

Ручкой?

АДАМ.

Ну, почему я знаю!

ВАЛЬТЕР.

С окна, когда ты на него напал?

РУПРЕХТ.

Два раза.

АДАМ.

Негодяй! Вот это помниш!

(Пьет).

ВАЛЬТЕР.

Два раза! Уложить его ты мог бы

Ударами такими.

РУПРЕХТ.

Уложил бы,

Так уложил бы, да и был бы прав.

Лежи он мертвый здесь, так отпираться

Не стал бы я, сказал бы, — это я.

АДАМ.

Да, мертвый! Ну, еще бы! Но, однако...

(Наливает).

ВАЛЬТЕР.

Ты в темноте его не разглядел?

РУПРЕХТ.

Ни черточки, почтенный господин.

АДАМ.

А ты глаза бы пиялил больше... Ну же!

РУПРЕХТ.

Глаза! Уж я ли их не пиялил, только

Мне чорт засыпал их песком.

АДАМ

(в бороду).

Песком!

А ты б своих глазищ не пиялил этак!

За то, что любим, выпьем, ваша милость.

ВАЛЬТЕР.

За верность, правду, честь, судья Адам.

(Пьют).

АДАМ.

Теперь последнюю, коль вам угодно.

(Наливает).

ВАЛЬТЕР.

Судья Адам, у Марты вы бывали.

Не можете ль назвать мне, не считая

Рупрехта, кто еще был к Марте вхож?

АДАМ.

Не часто, ваша милость, извините.

Кто был к ней вхож, я не могу сказать..

ВАЛЬТЕР.

Как? Неужели вы из чувства дружбы

Вдову по временам не посещали?

АДАМ.

Нет, в самом деле, только редко.

ВАЛЬТЕР.

Марта!

Судье Адаму вы не угодили?

Он говорит, что вас не навещает.

МАРТА.

Не угодила, ваша милость? Нет,
Он, кажется, моим остался другом.
Но не могу похвастаться, чтоб часто
Его я видела в моем дому.
Недель уж девять у меня он не был,
И то зашел лишь мимоходом.

ВАЛЬТЕР.

Да что вы?

МАРТА.

Что?

ВАЛЬТЕР.

Недель уж девять?

МАРТА.

Девять.

В четверг уж десять. У меня семян
Просил он, скороспелок и гвоздики.

ВАЛЬТЕР.

А в праздники, когда идет на хутор?

МАРТА.

Ну да, ко мне в окно тогда заглянет,
Чтоб поздороваться со мной и с Евой,
Потом идет себе своей дорогой.

ВАЛЬТЕР

(про себя).

Ага! Уж не ошибся ль я...

(Пьет).

Сдается

Мне так, что если девушка полезна
В хозяйстве вам, то надо в благодарность
За это мать ее почаще навещать.

АДАМ.

Как, ваша милость?

ВАЛЬТЕР.

Как? Ведь вы сказали,
Что Ева помогает вашим курам,
Когда они больны. Еще сегодня
Она совет давала вам, не так ли?

МАРТА.

Конечно, это верно, ваша милость.
Позавчера послал он ей больную

Цесарку, — бедная едва дышала.
 Одну она спасла от типуна,
 И эту также вылечит лапшею, —
 Но благодарности не видно что-то.

ВАЛЬТЕР

(в недоумении).

Пожалуйста, судья Адам, налейте.
 И мне налейте. Выпьем по одной.

АДАМ

Готов служить. Я очень счастлив. Вот.
 (Наливает).

ВАЛЬТЕР.

Здоровье ваше!.. Рано или поздно
 Судья Адам придет.

МАРТА.

Ну, сомневаюсь.

Когда б такой Нириштейнер, что вы пьете
 И что, покойный муж мой, кастелян,
 К себе на погреб ставил, я имела б,
 Чтоб утопить судью, иначе было б;
 Но я ведь только бедная вдова,
 И что в моем дому его приманит!

ВАЛЬТЕР.

Ну, это к лучшему.

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Лихт, Бригитта с париком в руке. Девушки входят. Те же.

ЛИХТ.

Сюда, Бригитта.

ВАЛЬТЕР.

Ну, что же, писарь Лихт, вот эта?..

ЛИХТ.

Вот госпожа Бригитта, ваша милость.

ВАЛЬТЕР.

Итак, теперь вопрос мы разрешим
 Возьмите это, девушки.

(Девушки со стаканами и пр. уходят).

АДАМ.

Ну, Ева,
Уж закрути пилюлю мне сегодня,
Как следует, — я вечером за это
Приду к тебе покушать карася.
Пушай ее проклятая проглотит,
А велика, — не жалко, пусть подохнет.

ВАЛЬТЕР

(заметив парик).

А это что нам принесла Бригитта,
Парик?

ЛИХТ.

Угодно?

ВАЛЬТЕР.

Принесла Бригитта
Что за парик?

ЛИХТ.

Гм!

ВАЛЬТЕР.

Что?

ЛИХТ.

Простите.

ВАЛЬТЕР.

Ну, в чем же дело?

ЛИХТ.

Если вам угодно,
Через судью она спросить желает,
Кому принадлежит парик, — и станет
Дальнейшее, не сомневаюсь, ясно.

ВАЛЬТЕР.

Зачем же знать мне, чей парик? Пусть скажет
Бригитта, как она его нашла.

ЛИХТ.

Она нашла парик на частоколе
У Марты Руль. Висел он, как гнездо,
Запутавшись на виноградных лозах
Под тем окошком, где девица спит.

МАРТА.

Как? У меня? В саду?

ВАЛЬТЕР

(тихо).

Судья Адам,

Когда б вы мне хотели что доверить,
То будьте же добры, во имя чести
Суда, прошу вас, все откройте мне.

АДАМ

Я вам?

ВАЛЬТЕР.

Нет? Ничего?

АДАМ

(берет парик).

Клянуся честью.

ВАЛЬТЕР.

Ну что ж, парик не вам принадлежит?

АДАМ

Ну, что же, мне принадлежит парик.
Да, чорт возьми! Ведь это — тот же самый,
Который восемь дней назад я отдал
Ему, чтоб к Мелю отнести в Утрехт.

ВАЛЬТЕР.

Кому?

ЛИХТ.

Рупрехту?

РУПРЕХТ.

Мне?

АДАМ

Когда в Утрехт

Он восемь дней тому назад собрался,
Не вверил разве плуту я парик,
Чтоб парикмахеру его он отдал?

РУПРЕХТ.

Парик? Ну да. Он дал мне...

АДАМ

Почему же,

Бездельник, парика ты не отнес?
Ведь я ж тебе велел, так почему же
Его ты в мастерскую не отнес?

РУПРЕХТ.

Как почему?... Да бог меня убей,—
Его же в мастерскую я отнес.
И мастер Мель его...

АДАМ.

Его отнес?

Да как он в винограднике нашелся?
Ну, погоди, каналья, не уйдешь ты.
Сдается мне, что пахнет здесь шпионством
Или изменой, — как мне знать! — Позвольте
Мне женщину тотчас же допросить.

ВАЛЬТЕР.

А ваш парик?..

АДАМ.

Позвольте, ваша милость.

В четверг прошедший собирался парень
В Утрехт итти с отцовскими волами.
Пришел и говорит: „Судья Адам,
Вам в городе чего-нибудь не надо?“
Сынок, сказал я, если так ты ласков,
Возьми парик, отдай его поправить.
Но не сказал ему: иди и спрячь
К себе парик, надень его, пожалуй,
Иль в винограднике оставь у Марты.

БРИГИТТА.

Нет, господа, по-моему, — простите, —
Там был не Рупрехт. Шла вчера я ночью
К моей двоюродной сестре на хутор, —
У ней роды тяжелые, — и слышу:
Кого-то девушка в саду бранит.
И страх, и ярость ей сжимали горло.
„Да как тебе не стыдно! Тьфу, негодный!
Что делаешь? Уйди! Я кликну мать!“
Как будто бы испанец к ней пришел.
Я: — Ева! — ей кричу через ограду, —
Что, Ева? что такое? — Тихо стало. —
Ну, что ж? Ответишь? — „Что угодно, тетя?“ —
Что здесь? — я говорю. — „Чему ж здесь быть!“ —
Да что, здесь Рупрехт? — „Да, ну что же, Рупрехт!
Идите мимо“. — Так вот и кипит.
Ну, думаю, любовь здесь — точно ссора.

МАРИА.

Итак?

РУПРЕХТ.

Итак?

ВАЛЬТЕР.

Молчите! Пусть окончит.

БРИГИТА.

Кода же с хутора я возвращалась,
И к полуночи уж время было близко,
Гляжу, — в аллее лип у сада Марты
Передо мною вырос кто то лысый,
С копытом конским, и промчался мимо,
Вонюч, как дым от шерсти, смол и серы.
Я „С нами бог" шепчу, и отвернулась
В испуге, и гляжу, ну вот, ей-богу,
Светясь, как дерево гнилое, плешь
По липовой аллее убегала.

РУПРЕХТ.

Ах сто чертей!

МАРТА.

С ума сошли вы, Бригги?

РУПРЕХТ.

По-вашему, там чорт был?

ЛИХТ.

Тише! Тише!

БРИГИТА.

Что видела, что нюхала, то знаю.

ВАЛЬТЕР

(с нетерпением).

Был чорт там или нет, — не наше дело.
Его никто ни в чем не обвиняет.
О ком другом нам скажете, — отлично,
А от нечистого уж нас избавьте.

ЛИХТ.

Позвольте, ваша милость, ей докончить.

ВАЛЬТЕР.

Тупоголовые!

БРИГИТА.

Как вам угодно,
Но мой свидетель будет писарь Лихт.

ВАЛЬТЕР.

Как? Ваш свидетель будет?

ЛИХТ.

Да, отчасти.

ВАЛЬТЕР.

Не знаю, право же...

ЛИХТ.

Прошу покорно
 Прослушать до конца рассказ Бригитты.
 Что это чорт был, я не утверждаю;
 Но лошадиное копыто, плешь
 И смрадный дым, — все это в нас вселяет
 Почти уверенность... Ну, продолжайте!

БРИГИТТА.

Сегодня с удивленьем я узнала
 Все, что случилось у Марты Руль.
 Чтоб выследить разбившего кувшин,
 Того, кого я повстречала ночью,
 Я осмотрела место, где он спрыгнул,
 И след в снегу нашла я, господа, —
 И что за след, подумайте, нашла я?
 Направо — ясный, тонкий, ровный след,
 Совсем, как следует, нога людская,
 А слева безобразный, неуклюжий,
 Громадный след ножищи лошадиной.

ВАЛЬТЕР

(с досадою).

Ну что за вздор, безумный и зазорный!

ФЕЙТ.

Не может быть!

БРИГИТТА.

Да я вас уверяю!

Сперва у частокола, где он спрыгнул,
 Виднеется кругом изрытый снег,
 Как будто там в снегу свинья валялась;
 И след людской, и конский след оттуда,
 И след людской, и конский след, и след людской, и
 конский след,
 Вдоль сада, по аллее, дальше, дальше.

АДАМ.

Проклятье!.. Эта шельма, нарядившись,
 Как чорт, быть может...

РУПРЕХТ.

Что? Чтоб я?..

ЛИХТ.

Молчи!

БРИГИТТА.

Когда охотник выследит лисицу,
 Не так обрадуется он, как я.
 „Ну, писарь Лихт,— сказала я, увидев,
 Что, вами посланный, за мной идет он,—
 Ну, писарь Лихт, оставьте это дело,
 Не вам судить того, кто бьет кувшины, —
 От вас далеко он, сидит в аду:
 Смотрите след, которым он промчался”.

ВАЛЬТЕР.

Вы сами убедились?

ЛИХТ.

Ваша милость,
 Насчет следа все совершенно верно.

ВАЛЬТЕР.

Ну, что же, конский след?

ЛИХТ.

Да нет, людской,
 Но, praeter propter, точно лошадиный.

АДАМ.

Ей Богу, дело кажется серьезным.
 Есть много ядовитых сочинений,
 Где утверждается, что бога нет;
 Но дьявола отвергнуть, сколько знаю,
 Никто из атеистов не сумел.
 Мне этот случай кажется достойным
 Внимания. По-моему, должны мы
 Не торопиться с нашим заключеньем,
 И раньше запросить синод в Гааге,
 Согласно ли с законом мы поступим,
 Признав, что Вельзевул разбил кувшин.

ВАЛЬТЕР.

Да, только этого от вас и ждал я.
 А писарь Лихт что скажет?

ЛИХТ.

Ваша милость,
 Зачем синод, и сами вы решите.
 Пускай кончается, — если вам угодно, —
 Бригитта; сопоставив показания,
 Надеюсь, выясним мы это дело.

БРИГИТТА

„Ну, писарь Лихт, — я говорю, — давайте
Пойдемте-ка по следу мы, да взглянем,
Куда бы это чорт укрыться вздумал”.
А он: „Умно придумано, Бригитта;
И, может быть, не в сторону уйдем мы,
Когда отправимся к судье Адаму”.

ВАЛЬТЕР.

Ну, что же вы нашли?

БРИГИТТА

Сперва нашли мы
За садом, в липовой аллее, место,
Где, испуская серный дым клубами,
Передо мною чорт вскочил: примято,
Как будто пятился трусливый пес
От кошки, фыркавшей пред ним.

ВАЛЬТЕР.

Ну, что же дальше?

БРИГИТТА

Немного дальше памятник остался
У дерева, — я даже испугалась.

ВАЛЬТЕР.

Как? Памятник? Какой?

БРИГИТТА

Да как сказать..

АДАМ

(про себя).

Живот проклятый мой!

ЛИХТ.

Прошу вас, дальше,
Бригитта, продолжайте, я прошу вас.

ВАЛЬТЕР.

Куда привел вас след, хочу я знать.

БРИГИТТА

Куда? Ближайшею дорогой к вам,
Прямехонько, как писарь Лихт сказал.

ВАЛЬТЕР.

Сюда?

БРИГИТТА

От липовой аллеи, вдоль
Сажалки карпов, Старостиным полем,
Потом тропинкою через кладбище,
Сюда, скажу я вам, к судье Адаму.

ВАЛЬТЕР.

К судье Адаму?

АДАМ.

Что? Сюда? Ко мне?

БРИГИТТА

Да, к вам, сюда.

РУПРЕХТ.

Да неужели чорт

В суде живет?

БРИГИТТА

Уж я не знаю, право,
Живет ли в этом доме он; но здесь
Остановился он, я это знаю;
Прямехонько к порогу след приводит.

АДАМ.

Быть может, здесь он только мимоходом?

БРИГИТТА

Да, или мимоходом. Может быть.
А след отсюда...

ВАЛЬТЕР.

Был отсюда след?

ЛИХТ.

Следа отсюда не было, простите.

БРИГИТТА

Ну да, отсюда след затоптан.

АДАМ.

Затоптан. Мимоходом. Будь я плут,
Заметьте, господа, что парень ищет
Чего-то здесь в суде. Да будь я проклят,
У нас в регистратуре дело плохо.
Не сомневаюсь я, — мои расчеты
Все перепутаться теперь должны,
И я уж ни за что не поручусь.

ВАЛЬТЕР.

Я тоже.

(Про себя).

Гм! Не знаю, право, левой
Иль правою. Одна его нога...

Судья Адам, позвольте табакерку.

АДАМ

Как?

ВАЛЬТЕР.

Табакерку вашу.

АДАМ

(Лихту).

Вот, подайте.

ВАЛЬТЕР.

К чему же так? Достаточно ведь шага.

АДАМ

Исполнено... Советнику подайте.

ВАЛЬТЕР,

Я нечто вам бы на ухо сказал.

АДАМ

Быть может, после будет случай.

ВАЛЬТЕР.

Ладно.

(Лихт опять садится).

Скажите, господа, здесь есть, в Гуйзуме,
С уродливой ногою кто-нибудь?

ЛИХТ.

Конечно, кто-то есть у нас в селе...

ВАЛЬТЕР.

Да? Кто?

ЛИХТ.

Спросите, ваша милость, у судьи.

ВАЛЬТЕР.

Судьи Адама?

АДАМ

Ничего не знаю.

Уж десять лет судьей я здесь, в Гуйзуме,
А кривоногих не случалось видеть.

ВАЛЬТЕР

(Лихту).

Ну, кто по-вашему?

МАРТА.

Да пусть он ногу вынет!
Зачем под стол он ногу прячет? Можно
Подумать, — сам он этот след оставил.

ВАЛЬТЕР.

Судья Адам?

АДАМ.

Кто? Я? Да чорт я разве?
А это разве конская нога?
(Показывает свою левую ногу).

ВАЛЬТЕР.

Сказать по чести, так нога прямая.
(Тихо).

Кончайте же скорее заседание.

АДАМ.

Когда бы чорт имел такую ногу,
На бал итти он мог бы и плясать.

МАРТА.

И я скажу, — где господин судья...

АДАМ.

Что? Я?

ВАЛЬТЕР.

Кончайте ж, говорю, скорее.

БРИГИТТА.

Вот только, господа, одно сомненье
Наводит этот праздничный убор!

АДАМ.

Какой там праздничный?..

БРИГИТТА.

Да вот, парик!
Кто видел чорта в этаким наряде?
Как пышно взбито, сколько вбито сала!
Как у соборного декана в праздник.

АДАМ.

Да разве здесь мы можем знать, Бригитта,
Что у чертей в аду сегодня в моде!
Обычно чорт своими волосами
Доволен. На земле ж, я в том уверен,
Он прячется нередко под парик,
Чтобы втираться к благородным людям.

ВАЛЬТЕР.

Бездельник! Стоило бы вас отсюда
С позором выгнать! Что вас защищает,
Так это только честь суда! Кончайте
Скорее заседание!

АДАМ.

Я надеюсь...

ВАЛЬТЕР.

На что надеетесь? Увертки ваши вижу.

АДАМ.

Не верите ж вы, чтобы я, судья,
Парик мой в винограднике оставил?

ВАЛЬТЕР.

Избави бог! Ведь ваш парик, подобно
Содому и Гоморре, был сожжен.

ЛИХТ.

Простите, ваша милость, — это кошка
Вчера котят снесла в его парик.

АДАМ.

Вот, собралися на меня улики.
Но не спешите, я прошу вас. Будет
Иль честь мне, или поношение.
Пока молчит девица, не пойму я,
Как можете меня вы обвинять.
Здесь на судейском месте я в Гуйзуме
Сижу, и положил парик на стол:
Кто говорит, что это — мой парик,
Того зову в верховный суд в Утрехте.

ЛИХТ.

Гм! А парик-то вам идет, ей Богу,
Как будто бы на голове он вашей вырос.
(Надевает на него парик).

АДАМ.

Злословие!

ЛИХТ.

Не правда?

АДАМ.

Плащ в плечах
Широк мне, а парик еще мне шире.
(Смотрится в зеркало).

РУПРЕХТ.

Ну, что за негодай!

ВАЛЬТЕР.

А ты молчи!

МАРТА.

Ведь этакий судья проклятый, ну!

ВАЛЬТЕР.

Еще раз говорю, кончайте дело!

АДАМ.

Как вам угодно!

РУПРЕХТ

(Еве).

Ева, это — он?

ВАЛЬТЕР.

На что еще осмелится бесстыдник?

ФЕЙТ.

Ведь сказано, молчи.

АДАМ.

Ужо, скотина!

РУПРЕХТ.

Эх, конское копыто!

ВАЛЬТЕР.

Эй, хозяин!

ФЕЙТ.

Заткни же глотку.

РУПРЕХТ.

Я тебя достану!

Сегодня мне песку в глаза не бросишь!

ВАЛЬТЕР.

Ну, что ж, судья Адам, все нет у вас догадки?

АДАМ.

Когда позволите, я объявлю решение.

ВАЛЬТЕР.

Да, объявляйте.

АДАМ.

Дело рассмотрев,

Рупрехта, шельму, нахожу виновным.

ВАЛЬТЕР.

Отлично. Дальше что?

АДАМ.

На шею цепь

Надеть ему, а так как очень дерзко
Держался он перед своим судьей,
Так за решетку посадить в тюрьму.
Срок заключения после я назначу.

ЕВА.

Рупрехта?

РУПРЕХТ.

Как? Меня в тюрьму?

ЕВА.

На цепь?

ВАЛЬТЕР.

Не беспокойтесь, дети... Все сказали?

АДАМ.

Кувшин он возместит или нет, — как хочет.

ВАЛЬТЕР.

Отлично. Заседание закрыто.
Рупрехт обжаловать в Утрехте может.

ЕВА.

Обжаловать в Утрехте должен он?

РУПРЕХТ.

Что? Я?

ВАЛЬТЕР.

Конечно, чорт возьми! Пока же...

ЕВА.

А что пока?

РУПРЕХТ.

Итти в тюрьму я должен?

ЕВА.

На шею цепь! Так вот какой ваш суд!
Он сам, бесстыжий, он, что там сидит,
Он сам...

ВАЛЬТЕР.

Да слушай, чорт возьми! Молчи!
И волоска не тронут...

ЕВА.

Рупрехт! Эй!
Судья Адам кувшин у нас разбил!

РУПРЕХТ.

Ну, погоди же!

МАРТА.

Он?

БРИГИТА.

Вон тот?

ЕВА.

Ну да!

Он был вчера с твоею Евой, Рупрехт!
Держи его! Насыпь ему, как хочешь!

ВАЛЬТЕР

(встает).

Молчать! Кто беспорядок...

ЕВА.

Все равно!

Пусть будет цепь заслужена, мой Рупрехт!
Тащи его с судейского сиденья.

АДАМ.

Простите...

(убегает).

ЕВА.

Ну же!

РУПРЕХТ.

Стой!

ЕВА.

Скорее!

АДАМ.

Что?

РУПРЕХТ.

Ах, чорт хромой!

ЕВА.

Ну, что ж ты?

РУПРЕХТ.

Гром и буря!

Я только плащ держу.

ВАЛЬТЕР.

Оставь! Хожалый!

РУПРЕХТ

(бьет по плашу).

Бац! Раз! И бац! и бац! Еще один!
Еще один! Не по горбу, — по платью.

ВАЛЬТЕР.

Ты, грубиян! Веди себя пристойно!
Когда сейчас же ты не перестанешь,
Смотри, сегодня же ты на цепь сядешь.

ФЕЙТ.

Ну, успокойся, ты, повеса!

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без А д а м а . В с е переходят на переднюю часть сцены.

РУПРЕХТ.

Ева!

Я грубо оскорбил тебя сегодня,
Ах, сто чертей! сегодня и вчера.
Голубушка! невеста золотая!
Простишь ли ты меня когда-нибудь?

ЕВА

(бросаясь в ноги Вальтеру).

Вы не поможете, так мы погибли!

ВАЛЬТЕР.

Погибли?

РУПРЕХТ.

Господи! Да в чем же дело?

ЕВА.

Рупрехта мне спасите от набора!
Набор ведь этот, — мне судья Адам,
Как тайну, это рассказал, — идет
В Ост-Индию; отсюда ж, вам известно,
Из трех едва один назад вернется.

ВАЛЬТЕР.

В Ост-Индию? Да ты с ума сошла?

ЕВА.

В Бантам, — уж не скрывайте, ваша милость!
Вот здесь письмо секретное; в нем есть
Инструкции для сбора ополчения;
Они даны правительством недавно.
Как видите, о всем я верно знаю.

ВАЛЬТЕР

(берет письмо и читает его).

Неслыханно-предательская ложь!

Письмо подложное!

ЕВА

Подложное?

ВАЛЬТЕР.

Конечно!

Скажите сами, писарь Лихт, вот это —

Приказ, который прислан из Утрехта?

ЛИХТ.

Приказ? Ах, греховодник! Клок бумаги,

И это все он сам же сочинил.

Вербуются войска, но лишь для службы

Во внутренних провинциях; никто

Из них в Ост-Индию не будет послан.

ЕВА

Да, правда? Никогда?

ВАЛЬТЕР.

Клянуся честью!

А если б оказался я неправ —

Внесу за твоего Рупрехта выкуп.

ЕВА

(поднимаясь).

Как обманул меня злодей, о боже!

Он страшною тревогою терзал

Мне сердце и ко мне явился ночью,

Чтоб навязать мне отзыв о Рупрехте;

Доказывал, что можно по болезни

Его совсем освободить от службы;

Рассказывал, доказывал, забрался

Ко мне, чтобы свидетельство писать;

И мерзостей хотел таких, которых

Уста девичьи рассказать не смеют.

БРИГИТА

Ах, негодяй! Какой обманщик мерзкий!

РУПРЕХТ.

Забудь хромого чорта, милый друг!

Когда бы твой кувшин разбила лошадь,

Я ревновал бы столько ж, как теперь

(Целуются).

ФЕЙТ.

Ну то-то же, — целуйтесь, — мир да лад.
На Троицу, коли хотите, свадьба.

ЛИХТ

(у окна).

Смотрите, вон судья Адам, смотрите,
С холма на холм, как будто бы от казни,
Прямехонько по пашне так и машет.

ВАЛЬТЕР.

Как? Это вот судья Адам?

ЛИХТ.

Конечно.

ДРУГИЕ.

Теперь идет по улице. Смотрите!
Парик-то по спине его как бьется!

ВАЛЬТЕР.

Скорее, писарь Лихт, — назад зовите!
Чтоб злейших бед, спасаясь, не наделал.
Он с должности своей смещен, конечно,
А вас я назначаю, до дальнейших
Распоряжений, эту должность править;
Надеюсь я, что кассы все в порядке,
И я его преследовать не стану.
Верните же его, прошу вас очень.
(Лихт уходит).

ПОСЛЕДНЕЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без Лихта.

МАРГА.

Скажите, ваша милость, как найти мне
Правительство в Утрехте?

ВАЛЬТЕР.

А зачем вам?

МАРГА

(с раздражением).

Зачем? Не знаю! Только если здесь я
Насчет кувшина правды не добилась...

ВАЛЬТЕР.

Конечно! Извините! Возле рынка
В четверг и в пятницу там заседания.

МАРГА.

На этой же неделе буду там.

(Все уходят).

Перевел с немецкого

Федор Сологуб.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

PENTHESILEA

ТРАГЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пентесилея, царица амазонок.

Протоэ

Мероэ

Астерия

Верховная

Антилох

Ахилл

Одиссей цар

Диомед

Греки и амазонки.

} знатные амазонки.

жрица Дианы.

} греческих народов

.

Место действия: поле сражения близ Трои

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Появляются Одиссей и Диомед с одной стороны, Антилох — с другой,
за ними свита.

АНТИЛОХ

Привет, цари! Что нового с тех пор,
Как виделись при Трое мы недавно?

ОДИССЕЙ.

Да плохо, Антилох. Ты видишь, здесь
Сошлись греки с ратью амазонок,
Два войска, словно два насытых волка,
Клянусь, не знают сами для чего!
И если силой гнева Марс иль Делий
Их не уймут, и если громовержец
Их не разгонит блеском горних молний,
То разъяренные все будут падать,
Зубами будут глотки рвать друг другу.
Подайте воду в шлеме!

АНТИЛОХ

О, стихии!

Чего же нужно этим амазонкам?

ОДИССЕЙ.

Приняв совет Атрида, мы пошли.
Соединив отряды мирмидонян,
Ахилл и я; был слух, Пентесилея
Из скифских дебрей поднялась, и войско
С собою повела — одетых в кожи
И пьяных жаждой боя амазонок —
Через ущелья гор, чтобы избавить
Царя Приама в Трое от осады.
На берегу Скамандра слышим мы,
Что Деифоб, Приама сын, с отрядом

Своим из Илиона также вышел,
 Чтоб дружеский привет воздать парице,
 Идушей им на помощь. Мы спешим
 Тогда бегом, чтоб этих супостатов
 Нечистому союзу помешать.
 Всю ночь мы шли извилистой тропею.
 Но как мы изумились, Антилох,
 Когда в лучах зари, еще не яркой,
 В долине перед нами увидали
 Троянцев Деифоба в битве с войском
 Наездниц яростных! Пентесилея,
 Как ураган, что тучи в небе мечет,
 Ряды троянцев гонит пред собою,
 Как-будто хочет их с лица земного
 Смести и отогнать за Геллеспонт.

АНТИЛОХ

Клянусь богами, странно!

ОДИССЕЙ

Мы собрались,
 Чтоб путь пресечь троянским беглецам:
 Они неслись как шумная лавина,
 Мы копья сдвинули стеной сплошнойю,
 И в этот миг смутился Приамид.
 Посовещавшись быстро, мы решили
 Приветствовать царицу амазонок.
 Победный бег она остановила.
 Что б лучше мы могли тогда придумать?
 Афина, если б я ее спросил,
 Сама бы мне иного не шепнула.
 Должна, клянусь Гадесом, эта дева,
 Вооруженная и в нашу распря
 Попавшая внезапно, словно с неба,
 Вступить в наш спор, за нас или за них;
 И счесть ее должны мы другом, если
 Она врагом для тевкров оказалась.

АНТИЛОХ

Клянуся Стиксом, лучше не придумать!

ОДИССЕЙ

Так вот, нашли мы скифскую царицу,
 Ахилл и я. Воинственно ликует,
 Окружена толпою амазонок,
 Вооруженная, в пернатом шлеме.
 Колыша золото и пурпур кистей,

Ее скакун копытом роет землю.
 Задумавшись, она на войско наше
 Пустых очей мгновенный взор метнула,
 Как-будто перед нею были камни.
 Вот здесь моя ладонь вешает больше,
 Клянуся в этом, чем ее лицо.
 Но вот она взглянула на Пелида,
 И вдруг румянец хлынул ей до шеи,
 Лицо окрасив, словно вокруг нее
 Весь мир огнем сияющим зарделся.
 Взглянувши мрачно на него, царица
 Стремительным движением на землю
 С коня сошла, передала поводья
 Своей прислужнице и нас спросила,
 Зачем мы так торжественно пришли.
 Я ей сказал, как были рады встретить
 Мы, аргивяне, в ней врага троянцев,
 Какая злоба против Приамидов
 Горит в сердцах у греков, как полезно
 И нам, и ей вступить в союз для брани,
 И все, что мне минута подсказала.
 Но с изумленьем вижу, что царица
 Меня не слушает. Ее лицо
 Одно лишь удивленье выражает,
 Как-будто ей шестнадцать только лет,
 И с олимпийских игр она уходит.
 Своей подруге, близ нее стоящей,
 Кричит: „Такого мужа, о Протоэ,
 И мать моя, Отрера, не встречала!“
 Подруга смущена, молчит. Ахилл
 И я с улыбкою переглянулись.
 Она покоит опьяненный взгляд
 На светозарном облике эгинца.
 Когда ж он скромно подошел, она
 Вдруг вспомнила, что мне не отвечала,
 Пыланьем щек — то стыд ли были ль ярость—
 До пояса свой панцырь озарила
 Смущенная, но гордая дикарка
 И мне сказала, что Пентесилея
 Передо мной, царица амазонок,
 И что ответ пришлет мне из колчана.

АНИШЮХ.

Так, слово в слово, передал гонец,
 Но в целом стане греческом не понял
 Его никто.

ОДИССЕЙ

И вот, совсем не зная,
 Что думать нам об этом приключенья.
 Мы, оскорбленные, идем обратно.
 Позор наш тевкры словно угадали.
 Смеясь язвительно, они собрались,
 Готовя торжество, воображая,
 Что выиграли дело и что ярость
 Царицы против них была ошибкой,
 Которая немедля раз'яснится,
 И вестника опять послать хотели,
 Ей снова предложить союз сердечный,
 Уж раз отвергнутый. Но прежде чем
 Успел стряхнуть с доспехов пыль их вестник,
 Кентавриха, поводья отпустя,
 Бросается на греков и троянцев
 Подобно бурно-пенному потоку,
 И нас, как их, свирепо поражает.

АНТИЛОХ

Неслыханно, данайцы!

ОДИССЕЙ

Вспыхнул бой.
 С тех пор как фурии владеют нами,
 Земля такого боя не видала.
 Насколько знаю я, во всей природе
 Есть сила, есть сопротивление,— третье
 Немыслимо: вода погасит пламя,
 Или огонь иссушит влагу. Здесь же
 Такой была ее свирепость силой,
 Когда огонь не знает, не с водой ли
 Ему шипеть совместно, а вода —
 Не с пламенем ли к небу устремиться.
 Теснимый амазонками, троянец
 Спешит под щит данайца, грек его
 Спасает от преследующей девы.
 Забыв о похищении Елены,
 Троянец должен с греком вместе биться,
 Чтобы спастись от общего врага.

(Грек подает ему воду).

Спасибо! В горле пересохло.

ДИОМЕД

Ныне

На той равнине непрерывно битва

Бушует, яростнее с каждым мигом,
 Подобная грозе среди лесистых
 Ущелий. С этолийцами пришел я
 Вчера, чтоб наши силы подкрепить,—
 Вновь яростная битва разразилась,
 Как бы стремясь грозой своих ударов
 До тла все войско греков уничтожить.
 Уже погублен цвет страны,— Аристон,
 Менандр, Астианакс лежат в долине,
 Для той отважной дочери Арея
 Под лавры землю угучнив своими
 Прекрасными и юными телами.
 Она пленила больше, чем могли б мы
 Очами счесть и вывести на свободу
 Руками тех, кто нам еще остался.

АНТИЛОХ

Чего ж от нас ей надо? Неужели
 Никто не разгадал?

ДИОМЕД

Никто,— куда бы
 Грузило дум ни опускали мы.
 Порой, чтоб странную понять свирепость,
 С которою она в пылу сраженья
 Фетиды сына ищет, мы решали,
 Что злость к нему в ее груди бушует.
 Так бешено голодная волчиха
 Не мчится по оснеженному лесу
 За приглянувшеюся ей добычей,
 Как через наши строи за Ахиллом
 Царица гонится. Но вот недавно
 Ахилла жизнь была у ней во власти,
 Она ж ее с улыбкой возвратила.
 Не будь ее, сошел бы он в Аид.

АНТИЛОХ

Как? Если б не она?

ДИОМЕД

Сама царица!
 Когда вчера в вечернем полумраке
 На поле битвы встретился Ахилл
 С Пентесилеей, Деифоб примчался
 И амазонкам начал помогать.
 Настиг Пелида тевкр и так коварно
 Его мечом по панцырю ударил.

Что всколыхнулись вершины вязов,
 Она, бледнея, руки опустив,
 Мгновенья два стояла. Вспыхнув снова
 И бешено кудрями потрясая,
 Высоко поднялась на стременах,
 И, словно с неба прянув, Деифобу
 Молниеносный меч вонзила в горло,
 И вмиг непрощенный ее союзник
 Упал к ногам божественного сына
 Фетиды. Хочет ей ответить тем же
 В знак благодарности Пелид. Царица
 Пригнулась к гриве своего коня,
 Кусающего золото уздечки,
 Смертельного удара избежала,
 И улыбаясь усакала прочь.

АНТИЛОХ

Непостижимо!

ОДИССЕЙ

Ты какие вести

Принес?

АНТИЛОХ

Меня послал Агамемнон
 Спросить: когда все так переменялось,
 Не будет ли умней итти обратно
 Тебе? Хотим разрушить Илион,
 А не мешать походу вольной девы
 С какою-то, нам безразличной, целью.
 И потому, когда ты убедился,
 Что не с подмогой городу дарданцев
 Идет Пентесилея, то он хочет,
 Чтоб вы тотчас, во что бы то ни стало,
 В аргивские окопы поспешили.
 Когда ж она преследовать вас станет,
 То сам Атрид с войсками выйдет в поле,
 Чтобы узнать, что этот сфинкс двуликий
 Замыслил делать под стенами Трои.

ОДИССЕЙ

Клянусь Юпитером, согласен с этим.
 Не думаете ль вы, что Лаертиду
 Угодна безрассудная война?
 Отсюда прочь возьмите вы Пелида.
 Когда бросаются собаки с воем
 Оленю на рога, заботы полный,
 Охотник отзывает их назад;

Вцепившись все-таки в загривок зверя,
 Они за ним чрез горы и потоки
 Несутся в глушь лесную: так и он
 Освирепел с тех пор, когда увидел
 В лесу войны столь редкостную дичь.
 Удар стрелы его сковал: клянется,
 Что не отступит он, что амазонку
 Преследовать он будет, что ее,
 Схватив за косы шелковые, сбросит
 С ее, как тигр, пятнистого коня.
 Так попытай же, Антилох, коль хочешь,
 Над ним свое искусство убеждать,
 Хоть и дрожат у яростного губы.

ДИОМЕД

Обсудимте, цари, еще однажды,
 Как нам его безумное решение
 Умом холодным расколоть, что клином.
 Ларисец хитрый, ты найдешь, конечно,
 К его рассудку сокровенный доступ.
 А не послушает тебя, ну, ладно ж!
 Двух этолийцев кликну я; взваливши
 Безумца, как чурбан, к себе на спины,
 Перенесем его мы в стан аргивян.

ОДИССЕЙ.

За мной!

АНТИЛЮХ

А это что? Кто к нам спешит?

ДИОМЕД

Адраст идет. Расстроен он и бледен.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Военачальник и те же.

ОДИССЕЙ.

Ну что?

ДИОМЕД

Ты весть принес?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Мрачней которой

Ваш слух не слышал.

ДИОМЕД

Что же?

ОДИССЕЙ.

Говори.

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Ахилл в руках у амазонок. Стенам
Пергамским не грозит теперь паденье.

ДИОМЕД

О, боги олимпийцы!

ОДИССЕЙ.

Вестник бедствий!

АНТИЛОХ

Когда и где случился этот ужас?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Грозе подобный, новый натиск этих
Рассвирепевших дочерей Аррея
Ослабил строй отважных этолийцев.
Рекою девы бросили на нас
Дотоль непобедимых мирмидонцев.
Напрасно мы идем потоку бегства
Навстречу: в диком устремлении поднял
Он нас, и с поля бранного увлек.
Когда же мы смогли вздохнуть свободно,
Остался далеко от нас Пелид.
Тогда он вырвался из леса копий,
Из ада битвы, и спешит в смятении
С высокого холма, направив бег
Удачно к нам, и мы уже, ликуя,
Ему привет спасенья посылаем.
Но крики замерли у нас в груди,
Когда отпрянула его четвёрка;
Над жуткой бездной к облакам высоко
Взвились и вдруг остановились кони.
Теперь напрасно все, хоть он и мастер
Высокого искусства игр истмийских:
Испуганная пятится четвёрка
И подставляет головы бичу,
И, падая в запутанной упряжке,
В хаос влекутся кони с колесницей,
И с колесницей вместе сын богов
Упал, как бы опутанный силками.

АНТИЛОХ

Безумца что взманило!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Автомедон,

Возничий ловкий колесницы, быстро
Бросается к мятущимся коням,
И всю четвёрку поднимает смело.
Но ранее, чем он из всех узлов
Освободил запутанные бёдра,
Царица в тот овраг примчалась вместе
С толпой победоносных амазонок,
Отрезав всякий путь ему к спасенью.

АНТИЛОХ

О, боги!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Облак пыльный поднимая,
Порывный бег коня остановила
И, взор сверкающий подняв к вершине,
Откос, измерила в одно мгновенье.
И даже плем как-будто ужаснулся,
И к низу тянет поднятое темя.
И вдруг она отбросила поводья.
Глядим, — руками небольшими сжала
Свой лоб она, как бы лишаясь чувства,
А вокруг лица волною вьются кудри.
Поражены ее столь странным видом,
Вокруг нее столпились амазонки,
Царицу пылко убеждая в чем-то.
Одна, что кажется к ней очень близкой,
Ее рукою обняла, другая ж
Решительно коня взяла за повод.
Хотят ее насильно удержать.
Она ж...

ДИОМЕД

Осмелилась?

АНТИЛОХ

Ну, что же дальше?

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Попытки удержать ее напрасны.
Направо и налево с кроткой мощью
Раздвинувши подруг, тревожно рыщет
Туда, сюда оврагом, и глядит,
Откроется ли узкая тропинка

Желанью, у которого нет крыльев.
 И видим мы, — царица то повиснет,
 Безумная, на выступе утеса,
 То здесь стоит, сгорая от желанья,
 То там, полна безумною надеждой
 На том пути в силках схватить добычу.
 Она уж испытала много рытвин,
 В скале дождем изрытых, — все напрасно,
 И видит, — неприступна высота.
 Но в исступлении она кружится
 И на утес карабкается снова,
 Неутомимая, и в самом деле
 Нашла тропу, где и пройти то страшно.
 Взбирается на верхний край утеса,
 С вершиной ильмов вровень; вот достигла
 Гранитной глыбы; на площадке узкой
 Стоит, где устоять лишь серна сможет.
 Вокруг нее — зияющая пропасть,
 И ни вперед, и ни назад ни шагу.
 Пронзают воздух крики женских страхов.
 Внезапно конь и всадница несутся
 В падении осыпавшихся камней,
 Гремя, как-будто правят прямо в Оркус,
 К глубокому подножию скалы.
 Но не боится, не сломала шеи,
 И на утес карабкается вновь.

АНТИЛОХ

Пойми слепое бешенство тизны!

ОДИССЕЙ

Что ж Автомедон?

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Наконец поднялся.

Стоят в порядке кони с колесницей, —
 Гефест, пожалуй, за такое время
 Сковать бы мог такую же повозку, —
 Вскочил, хватает за поводья, — камень
 У нас, аргивян, отвалился с груди.
 Но не успел коней он повернуть, —
 Тропинку отыскиали амазонки,
 Ведущую полого на вершину,
 И, криком ликованья оглашая
 Вес дол, зовут царицу, в исступленьи
 Еще пытавшуюся взлесть на скалы.
 Она, услышав, прынула назад;

Бросает быстрый взгляд на эту тропку;
 Насторожившейся пантерой тотчас
 Туда спешит; а он, Пелид, исчез
 С конями, устремленными обратно;
 И вскоре затерялся в глубинах,
 И что с ним случилось, этого не знаю.

АНТИЛОХ

Погиб!

ДИОМЕД

Идем! Друзья, как поступить нам?

ОДИССЕЙ

Что сердце вам прикажет! Что ж, пари,
 Идем! Освободить его нам надо,
 Хотя б в бою на жизнь или на смерть, —
 Оружие Атридов дело кончит.

(Одиссей, Диомед, Антилох уходят).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Военачальник. Оряд греков, взбравшихся тем временем на холм.

МИРМИДОНЕЦ

(озирая местность).

Смотрите! Там, вздымаясь над горою,
 Не голова ли видится в доспехах?
 Волнами перьев осененный шлем,
 И мощная под этим шлемом шея!
 Плечо в сверканьи стали, и рука!
 И грудь широкая, смотрите, други,
 А вот и золотом горящий пояс!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Кто ж там?

МИРМИДОНЕЦ

Кто там? Я грежу, аргивяне?

Уж головы коней я вижу в ранах
 Кровавых! Только бёдра да копыта
 Еще скрывает высота холма.
 Теперь на горизонте боевая
 Вся колесница мне видна! Так солнце
 Восходит пышно в вешний день веселый!

ГРЕКИ.

Победа! Сын богов, Ахилл идет!
Он сам своей квадригой управляет!
Он спасся!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Олимпийцы! вечно славным
Да будет ваше царство. Одиссей!
Послать кого-нибудь к царям Аргоса!
(Один из греков поспешно уходит).
Подходит он, данайцы?

МИРМИДОНЕЦ.

О, смотри!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Что там случилось?

МИРМИДОНЕЦ.

Дух мне захватило.

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Ну, говори ж!

МИРМИДОНЕЦ.

О, как он держит коней
И левою рукою ими правит!
Как спины их бичом он полосует!
Как, возбужденные, под свист бича,
Божественные кони землю топчут!
Клубится пар из пастей, увлекая,
Клянуся всем живущим, колесницу!
Олень гонимый мчится не быстрее!
Слилися в круг вертящиеся спицы,
И взгляд за них проникнуть не сумеет!

ЭТОЛИЕЦ.

Но сзади...

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Что?

МИРМИДОНЕЦ.

У склона той горы...

ЭТОЛИЕЦ.

Там пыль.

МИРМИДОНЕЦ.

Там пыль, как туча грозовая.
Как молния пред ней блесит...

ЭТОЛИЕЦ

О, боги!

МИРМИДОНЕЦ

Пентесилея!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Кто?

ЭТОЛИЕЦ

Сама парица!

Преследует Пелида шаг за шагом

С неистовою шайкой дев своих.

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Мегера злобная!

ГРЕКИ

(зовут).

Спеша направить,

Божественный, сюда свой бег! Сюда!

Сюда!

ЭТОЛИЕЦ

Смотрите, как она сжимает

Коню ногами яростно бока!

К луке склонясь, впивает жадно воздух,

Спеша его преграду победить.

Летит, как бы излученная солнцем,

Стремительнее нумидийских стрел!

Не поспевает рать ее за нею,—

За быстрой гончей так дворняжки мчатся.

Как только перья шлема не отстанут!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

К Ахиллу близко?

ДОЛЮПЕЦ

Близко.

МИРМИДОНЕЦ

Нет, далеко!

ДОЛЮПЕЦ

Она все близится к нему, данайцы!

И каждый стук копыт кусок дороги

Меж нею и Пелидом поглощает.

МИРМИДОНЕЦ

Клянусь, защитою богов высоких,

К его величию она близка!

Уже она вдыхает пыль, что ветер

Из-под его колес назад относит!
 Уже ее проворный иноходец
 Из-под копыт своих бросает землю
 В его стремительную колесницу!

ЭТОЛИЕЦ,

Теперь, надменный и безумный, дразнит
 Ее, и по кривой стремится. Видишь:
 Прямым путем помчалась амазонка,
 И путь отрезан.

МИРМИДОНЕЦ,

Помоги, о Зевс!
 Уже она с ним рядом! Тень царицы,
 Как исполин в лучах зари, уже
 Его сокрыла.

ЭТОЛИЕЦ,

Нет, он вновь свободен.

ДОЛЮПЕЦ,

Бросает в сторону внезапно он
 Четвёрку всю!

ЭТОЛИЕЦ,

И к нам он мчится снова!

МИРМИДОНЕЦ,

Ага! Хитрец! Провел ее!

ДОЛЮПЕЦ,

Ого!

Неистовая, как промчалась мимо
 Его повозки!

МИРМИДОНЕЦ,

Мечется в седле.

И вдруг...

ДОЛЮПЕЦ,

Упала!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Что?

МИРМИДОНЕЦ,

Она упала!

Вот дева на нее одна свалилась!

ДОЛЮПЕЦ,

Еще одна.

МИРМИДОНЕЦ,

Опять...

ДОЛОПЕЦ

Одна еще.

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

А, падают?

ДОЛОПЕЦ

Все падают они.

МИРМИДОНЕЦ.

И лошади, и всадницы, все в кучу
Валятся, словно угли в очаге.

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Да превратятся в пепел!

ДОЛОПЕЦ

Пыль вокруг

Пронизана сверканием доспехов.
Там ничего и зоркий глаз не видит.
Запутанный клубок из амазонок
И коней разномастных: был яснее
Хаос начальный до создания мира.

ЭТОЛИЕЦ

Но вот повеял ветер, — посветлело,
И из упавших поднялась одна.

ДОЛОПЕЦ

Какое там веселое смятенье!
Как ищут копья там они и шлемы,
Что по полю рассыпались далеко!

МИРМИДОНЕЦ

Три лошади и всадница лежат,
Как мертвые.

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Уж не царица ль это?

ЭТОЛИЕЦ

Пентесилея, говоришь?

МИРМИДОНЕЦ

Царица?

Пусть мне глаза откажутся служить
Стоит!

ДОЛОПЕЦ

Да где?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Скажи!

МИРМИДОНЕЦ.

Клянусь Кронидом,
Вон там же, где упада: в тени дуба,
Склоняюсь к загровку своего коня,
Стоит, с земли не поднимая шлема,
Отбросив волосы рукою правой,
Со лба стирает пыль она иль кровь.

ДОЛОПЕЦ.

Да видит Зевс, — она!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Неуязвима!

ЭТОЛИЕЦ.

И кошка бы расшиблась, — ей ничто!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

А как Пелид?

ДОЛОПЕЦ.

Его хранят все боги!

На три стрелы ее опередил!
Теперь уж разве взглядами настигнет
Ахилла; не стремятся даже мысли
Уже за ним, в груди ее задохшись.

МИРМИДОНЕЦ.

Победа! Одиссея там я вижу!
И в солнечных лучах все войско греков
Из леса мрачного выходит вдруг!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Как? Одиссей? И Диомед? О, боги!
А что Ахилл? Еще далеко в поле?

ДОЛОПЕЦ.

Нет, камень только бросить. В колеснице
Несется он по холмам у Скамандра,
Где строится проворно наше войско.
Вот вдоль рядов уже он мчится.

ГОЛОСА

(издали).

Слава!

ДОЛОПЕЦ.

Аргивяне кричат.

ГОЛОСА.

Ахиллу слава!
Божественному слава! слава! слава!
Пелиду слава!

ДОЛЮПЕЦ

Вот остановился!

Коней остановил перед царями
Аргивскими. Вот Одиссей подходит.
Ахилл с сиденья спрыгнул, весь в пыли.
Поводья отдает! Вот обернулся,
Снимает шлем, для головы тяжелый.
И все пари Ахилла окружили!
Ликующие воины толпятся
Вокруг, его колени обнимая.
А рядом кони; пар от них клубится,
И шагом их проводит Автомедон.
Уже подходят к нам они ликуя!
Да здоровствует божественный Ахилл!
Смотрите же, — вот здесь он, здесь! Смотрите!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ахилл, за ним Одиссей, Диомед, Анилох, Автомедон с квадригой, войско греков.

ОДИССЕЙ

От всей души Эгинскому герою
Привет! Ты победитель даже в бегстве!
Клянусь Юпитером! Уж если даже
К ним спину обративши, силой духа
Ты побеждаешь вражескую силу,
То что ж, божественный, тогда случится,
Когда ты с ней лицом к лицу сойдешься?

АХИЛЛ

(держит шлем в руке и выпирает лоб. Два грека берут, не спрашивая,
его раненую руку и перевязывают ее).
Ну что там? Что?

АНИЛОХ

Ты выказал в сраженьи
Такое беспримерное проворство,
Сын Нереиды, что быстрее и вихрь,
Сорвавшийся с небесного простора,
Над изумленным миром не промчался б!
Услышь меня, Эринния! Когда бы
Я на твоей стремительной повозке
От совести моей над колесами
Ночей и дней бежал, грехи всей Трои
Принять на грудь свою я б не боялся.

АХИЛЛ

(двум грекам, которые, повидимому, его тяготят своим делом).

Ослы вы!

ГРЕЧЕСКИЙ ВОЖДЬ.

Кто?

АХИЛЛ.

Пристали!

ПЕРВЫЙ ГРЕК

(перевязывавший ему руку).

Стой! Ты ранен!

АХИЛЛ.

Ну что ж!

ВТОРОЙ ГРЕК.

Так стой!

ПЕРВЫЙ.

И дай перевязать.

ВТОРОЙ.

Сейчас готово.

ДИОМЕД

Мне сперва сказали,

Что отступление войска моего

Тебя заставило бежать. В то время

Свидетелем всех этих дел я не был, —

Улисс и я внимали Антилоху,

Который к нам Атридами был послан,

Но все меня, что вижу, убеждает,

Что в этом мастерском набеге было

Намеренье свободное. Наверно,

Когда еще на утреннем рассвете

Мы только-что готовились к сраженью,

Задумал под ноги царице кинуть

Ты этот камень, чтоб она споткнулась:

Богами вечными клянусь, — так верно

На этот камень ты ее навел.

ОДИССЕЙ.

Но ты, герой долопский, согласишься,

Что лучше ничего не остается —

Теперь вернуться с нами в стан аргивян.

Зовут сыны Атрея нас обратно.

Притворным отступлением заманим

В долину над Скамандром мы царицу,

Там Агамемнон выйдет из засады

И с сильным войском на нее ударит.

Клянуся громовержцем! только там

Ты уголишь тот пыл, что неотступно
Тебя гнетет, как юного оленя:
Успеха от души тебе желаю.
И мне противна до смерти мегера,
Всем подвигам мешающая нашим
На этом поле битв, и я охотно,
Сознаюсь, увидал бы след твоей
Ноги на розами цветущем лике.

АХИЛЛ

(взгляд его упал на коней).

Они в поту.

АНИЛЮХ

Кто?

АВТОМЕДОН

(трогая их шеи руками).

Как свинец.

АХИЛЛ

Веди ж их;

Когда на воздухе они простынут,
То вымой грудь и бёдра им вином.

АВТОМЕДОН

Вино несут.

ДИОМЕД

Ты видишь, превосходный,
Что ныне бой успеха нам не даст.
Везде, куда ты зоркий взгляд ни кинешь,
Усеяны холмы толпами женщин;
На ниву зреющую саранча
Таким густым не налетела б роем.
Не сразу достигается победа,
И только ты, никто иной не скажет,
Что он в лицо Кентаврихи смотрел.
Вперед стремимся в золотых доспехах,
И царское достоинство свое
Ей возвещаем зычным трубным гласом, —
Напрасно; из засады не выходит.
Кто б захотел хоть принесенный ветром
Вдали серебряный услышать голос,
Сперва в бою сомнительном, бесславном
Сойтись он должен бы с распутным сбродом,
Ее хранящим, адским псам подобным.

АХИЛЛ

(глядя в даль).

Все там еще она?

ДИОМЕД

Она?

АНТИЛОХ

Царица?

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Мешают перья шлемов. Расступитесь!

ГРЕК

(перевязывающий ему руку).

Постой одну минуту!

ОДИН ИЗ ЦАРЕЙ.

Там, конечно.

ДИОМЕД

Где?

ОДИН ИЗ ЦАРЕЙ.

Возле дуба, где она упала.

На голове уж веют перья шлема,

Несчастье позабыто.

ПЕРВЫЙ ГРЕК.

Ну, готово.

ВТОРОЙ.

Теперь с рукой что хочешь можешь делать.

ПЕРВЫЙ.

Теперь иди!

ГРЕКИ

(завязывают еще узел и опускают его руку).

ОДИССЕЙ.

Ты слышал ли, Пелид,

Что мы тебе сказали?

АХИЛЛ.

Мне сказали'?

А что? Чего хотите? Я не слышал.

ОДИССЕЙ.

Не слышал? Странно! Мы приказ Атрида

Должны поведать. Агамемнон хочет,

Чтоб тотчас мы в аргивский стан вернулись;

Прислал он Антилоха, как ты видишь,

Сюда с таким решением вождей.

Военный план — царицу амазонок

Назад к дарданским стенам заманить,
 И там, стесненная двумя войсками,
 Должна же в этом, положении трудном
 Она сказать, с кем хочет в дружбе быть.
 Пусть выберет, кого желает; мы же,
 По крайней мере, будем знать, что делать.
 Я доверяю разуму Пелида,—
 Поймешь ты мудрость этого решенья.
 Клянусь Олимпом, было бы безумно,
 Когда нас призывают к стенам Трои,
 Связаться с девами, еще не зная,
 Чего они хотят, не зная даже,
 От нас чего-нибудь они хотят ли?

АХИЛЛ

(надевая шлем).

Когда хотите, бейтесь как кастраты;
 Мужчина я, и против этих женщин,
 Хотя б совсем один, хочу стоять!
 Останетесь иль нет у этих сосен,
 Желаний тщетных полны, только взором
 За ней следя, вдали от ложа битвы,—
 Клянуся Стиксом, все равно; согласен
 На то, чтобы ушли вы к Илиону,—
 Чего божественная хочет, знаю;
 Оперенных мне сватов шлет она,
 И ветер их несет, ее желанье
 Как шопот смерти в уши мне вливая.
 Прекрасных никогда я не чурался;
 С тех пор как борода моя пробилась,
 Вы знаете, я каждой рад служить;
 Доныне я для этой недоступен,
 Клянуся Громовержцем, оттого лишь,
 Что не нашел еще в кустах местечка,
 Где без помехи мог бы заключить
 Ее в объятья, жаркие как лава.
 Идите же, друзья; вернусь я после;
 Пастуший час теперь не за горами;
 И если б даже месяцы и годы
 Пришлось мне свататься, — я колесницу
 Не раньше поверну к моим друзьям;
 Клянусь, что не увижу вновь Пергама,
 Пока не обручусь с моей невестой
 И, увенчав ее смертельной раной,
 Вниз головой по камням не промчу.
 За мной!

ГРЕК

(появляясь).

Пентесилея там, Пелид!

АХИЛЛ

Я к ней иду. Опять в седле царица?

ГРЕК.

Еще не села. К нам идет пешком,

А рядом с ней гарцует конь персидский.

АХИЛЛ

Ну, так! И мне, друзья, коня подайте.

Вы, мирмидонцы храбрые, за мной!

(Уходит. Войско трогается).

АНТИЛОХ

Неистовый!

ОДИССЕЙ.

Ну что же, не поможет

Твое здесь красноречье, Антилох?

АНТИЛОХ.

Давайте силой мы...

ДИОМЕД

Уж он далеко!

ОДИССЕЙ.

Проклятая с Кентаврихой война!

(Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Мероэ. Астерия. Свита. Войско амазонок.

АМАЗОНКИ.

Триумф тебе, могучая царица!

Венком из роз венчанная, триумф!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я не увенчана! Нет мне триумфа!

Меня опять влечет на поле битвы.

Упрямый, юный бог войны да будет

Повергнут. Десять тысяч солнц, слитых

В один костёр, не так заблещут ярко,
Как блеск моей победы над героем.

Дрожу тебя, возлюбленная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прочь!

Я так хочу. Скорее остановишь
Ты бурное паденье водопада,
Чем громовой поток моей души.
Хочу в пыли у ног моих увидеть
Надменного, который в славной битве
Смутил во мне воинственную гордость,
Как никогда никто до этих пор.
Ужели я, врагов могучих ужас,
Надменная царица амазонок,
Иду к нему, а он стоит, и медный
Героя панцырь зеркалом мне служит?
Отягощенная богов проклятьем,
Когда бегут передо мною греки,
А я героя вижу, разве я
Не чувствую себя насквозь пронженной,
Непобедимая, врагов угроза?
Где место, где бы не взросло чувство,
Которое меня на землю бросит?
Хочу я броситься в смятенье битвы,
Где ожидает он меня, насмешник,
И победить его, — или не жить!

ПРОТОЭ.

О, если бы ты голову, царица,
На эту верную склонила грудь!
Удар, тебя так сильно поразивший,
И кровь зажег, и разум возмутил:
Твое трепещет тело молодое!
Мы молим, — отложи свои решенья,
Пока ты ясность духа не вернешь.
Побудь со мной и отдохни немного.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Зачем? К чему? Да что такое? Разве
Случилось что?

ПРОТОЭ.

Из-за одной победы,
Что юную твою пленяет душу,

Ты хочешь вновь начать игру войны?
 Затем, что не исполнено желанье,
 Что в сердце затаилось, как ребёнок
 Рассерженный, ты хочешь прочь отбросить
 Удачу, нам дарованную небом?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да будет проклят этот жребий дня!
 С коварною судьбой соединившись,
 Моей души любимые подруги
 Хотят мне повредить, меня обидеть!
 Как только славы жадная рука
 Коснется, и Ахилл промчится мимо,
 Вот-вот схвачу я кудри золотые,—
 Но вражья сила каждый раз помехой,
 И вся душа моя полна упрямства.
 Прочь, прочь!

ПРОТОЭ

(про себя).

О, силы неба, защитите!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я думаю, — моя ли только воля
 Влечет меня назад на поле битвы?
 Народ ли то, предчувствие ли смерти
 В безумном упоении победы
 На битву внятным шумом крыльев манит!
 Зачем, — как будто бы над нами Вesper,
 И кончен труд, — мы к отдыху стремимся?
 У нас в житницах, в связанных снопах,
 Лежит сокровище роскошной жатвы,
 До неба громоздясь; во горний свет
 От нас затмился гибельною тучей
 С угрозой разрушительною молний.
 Не поведете вы толпы плененных,
 Увенчанных цветами юных греков
 При звучных гласах трубных и кимвальных
 В цветущие, родные нам долины.
 Из-за холма или из рощи каждой
 Я все Пелида жду; вот-вот ворвется
 На наш веселый праздник, и за вами,
 И за толпою плененных будет гнаться
 До самых стен родимой Фемискиры,
 И в храме, посвященном Артемиде,
 Сорвет с них цепи из цветущих роз,
 А нас замкнет в свинцовые оковы.

Неистовая, мне ль его бежать,
 Когда пять дней я напрягала силы
 Лишь для того, чтобы его повергнуть,
 Чтобы, ударом верным пораженный,
 Он под копыта моего коня
 Упал, как упадет плод созревший!
 Нет, прежде чем чудесно начатого
 Чудесно не закончу, и чело
 Обильной вязью роз не увенчаю,
 И в ликованьи дочерей Арея
 Не возведу я на вершину счастья,
 Или пока вся эта пирамида
 На них и на меня не рухнет тяжко,
 Я буду проклинать покорных сердцем.

ПРОТОЭ

Твой взор, о госпожа, горит так чуждо,
 Загадочно, что злые мысли встали,
 Как бы рожденные предвечной ночью,
 В моей груди, пророча нам несчастье.
 Войска, которых странно ты страшилась,
 Рассеялись, как по ветру солома;
 Едва вдали копье увидеть можно,
 Лишь только ты здесь с войском появилась,
 Ахилл уже отрезан от Скамандра.
 Не раздражай его, и уклоняйся.
 Клянусь Юпитером, что первый шаг свой
 Направит он к данайским укреплениям.
 Я буду отступать пред ним последней.
 Клянусь Олимпом, ни единый пленник
 Отбит не будет им! Не должен блеск
 Его доспехов, издалека видный,
 Пугать войска, и коней дальний топот
 Смущать улыбку хоть единой девы.
 В залог я голову тебе отдам.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(внезапно обращаясь к Астерии).

Неужли так, Астерия?

АСТЕРИЯ.

Царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Возможно ль, как того Протоэ хочет,
 Назад итти мне с войском к Фемискире?

АСТЕРИЯ.

Прости, царица, как же я осмелюсь...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Скажи же смело.

ПРОТОЭ

(робко).

Если б пожелала

Ты благосклонно внять совету всех

Подруг...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Вот эту я хочу услышать!

Или так быстро я переменялась?

(Пауза. Она собирается с духом).

Скажи, Астерия, возможно ль мне

Войска вести назад, к отчизне нашей?

АСТЕРИЯ.

Когда позволишь, госпожа, признаюсь,

Что я дивлюсь всему тому, что вижу,

И разум мой в сомнении немалою.

С Кавказа я, собрав родные рати,

На сутки позже двинулась в поход,

И твоего мы не догнали войска,—

Оно неслось стремительным потоком;

Мы лишь сегодня в сумерки пришли

Сюда, совсем готовые для боя.

И радостно звучит из тысяч уст

Известие: одержана победа,

Закончена по общему желанью

Война наездниц. Радуюсь тому,

Что сбылись быстро так мольбы народа

Без помощи моей, в обратный путь

Велю своим всем снова собираться.

Но любопытно стало мне взглянуть

Хваленую победную добычу;

Узрел мой взор лишь горсть рабов дрожащих

И полбденевших, — аргивян подонки,

Свои щиты отбросившие в бегстве,

В кустах твоей подобранные ратью.

А у Троянских гордых врат стоит

Все греческое войско: Агамемнон,

И Менелай, Аякс и Паламед;

Перед тобою стоя, угрожают

Улисс, и Диомед, и Антилох,

А этот юноша, сын Нереиды,

Которого ты розами должна

Была украсить, пред тобой кичится.

Он хочет, — громко говорит он это, —
 Твой царственный затылок растоптать.
 И спрашивает дочь Арея, надо ль
 Итти домой, ликуя о победе!

ПРОТОЭ

(пылко).

Ты лжешь! Царицы мужество, величье
 И красота героев поразили.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Молчи, противная! Мила мне речь
 Астерии, — достоин лишь единый
 Моих ударов, — он еще свободен.

ПРОТОЭ.

Ослеплена ты страстью, госпожа.
 Не так...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ехидна! Укrotи язык свой!
 Царицу ты осмелилась прогневать!
 Прочь!

ПРОТОЭ.

Пусть я навлеку твой гнев, царица
 Пусть лучше никогда я не увижу
 Лица царицы, чем трусливо стану
 Предательницей лстивой в этот миг.
 Когда огонь любви в тебе пылает,
 Тебе ль войну девичью продолжать!
 Ведь лев с копьём померяться не может,
 Когда он наглотается отравы,
 Охотником подложенной коварно.
 Пелида, — вечными клянусь богами, —
 Взволнованная, ты не победишь.
 Верней, клянуся, до захода солнца
 Всех юношей, с безмерными трудами
 В бою упорном покоренных нами,
 Лишимся мы в неистовстве таком.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как непонятно, странно! Что трусихой
 Тебя внезапно сделаю?

ПРОТОЭ.

Меня?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Кого ты победила?

ПРОТОЭ.

Ликаона.

Он юноша. В Аркадии он — царь.
Ты видела его?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, да. Он — тот,

Что трепеша стоял с измятым шлемом,
Когда вчера я к пленным...

ПРОТОЭ.

Трепеша!

Пелид ни разу не был так отважен!
Склонился он, стрелой моей сраженный,
К моим ногам, — и поведу я гордо
Его на праздник роз, — так гордо, как
Лишь мы вести в священный храм умеем.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Неужли? Как же ты зажглась, однако!
Ну что ж! Он от тебя не будет отнят!
Ведите же ей пленника ее,
Отдайте Ликаона аркадийца!
Бери же, невоинственная дева,
И с ним беги, чтоб не утратить друга,
Из шума битвы, спрячась с ним в ограду
Благоуханной сладостно бузины,
В ущелье дальних гор, где сладострастных
Наслушаетесь песен соловьиных,
И торжествуй, развратница, тот праздник,
Которого душа твоя так жаждет.
Но навсегда сокройся с глаз моих,
Не смей входить в столицу; пусть тебя
Возлюбленного ласки утешают,
Когда отчизна, слава и любовь,
Царица, друг, — все для тебя померкло.
Иди, освобождай! Ты мне противна,
И о тебе я слышать не хочу!

МЕРОЭ.

Царица!

ДРУГАЯ

(из свиты).

Что ты говоришь!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Молчите!

Всем буду мстить, кто за нее попросит

АМАЗОНКА

(появляясь).

Ахилл идет, царица, на тебя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Идет! Я рада! Девы, быстро в битву!
 Мне копья меткие скорей несите,
 И самый грозный меч подайте мне!
 Вы, боги, подарить должны мне радость,
 И юношу, желаемого страстно,
 Сраженного к моим ногам повергнуть.
 Всю меру счастья требую от вас,
 На всю мне жизнь отпущенную вами.
 Астерия! Ты поведешь войска,
 Ты греков отвлеки и позаботься,
 Чтоб пыл сраженья мне помехой не был,
 И ни одна из дев пускай не смеет
 Приблизиться к Пелиду! Той стрела
 Смертельная отточена, кто тронет
 Его иль кто кудрей его коснется!
 Одна лишь я могу сразить героя.
 Вот это, милые, должно железо
 К моей груди его склонить без боли.
 Об'ятием нежнейшим (что ж мне делать!
 Железом мне пленить героя надо!),
 Весенние цветы, его примите,
 Чтобы себя нигде он не поранил.
 Кровь сердца моего пролить мне легче.
 Не успокоюсь, прежде чем Пелида,
 Подобно чудной птице, из простора
 Низвергну; вот уж он у ног моих
 Со сломанными крыльями, о девы,
 Лежит, не разроняв пурпурных перьев.
 И пусть блаженные приходят тени
 Тогда отпраздновать победу нашу.
 На родину тогда пойдем ликуя,
 И буду я для вас царицей роз.
 Идем!

(Уходя, замечает плачущую Протоэ и беспокойно оборачивается
 Затем, внезапно падая ей на шею).

Сестра души моей! Протоэ!
 Пойдешь за мною?

ПРОТОЭ

(плача).

За тобой хоть в ад!
 Могу ль сойти к блаженным без тебя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты лучшая из всех подруг! Ты хочешь?
Идем, сразимся, будем побеждать,
Иль обе, или ни одна, а лозунг:
Иль розы на главе героев наших,
Иль на могилах наших кипарисы.

(Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Появляются верховная жрица Дианы с ее жрицами, за ними следует группа молодых девушек, с корзинами роз на головах, и пленные, сопровождаемые несколькими вооруженными амазонками.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, милые мои, о розы-девы,
На плод трудов своих взглянуть мне дайте.
Здесь, где журчит один источник в скалах,
Под тенью пиний что нам угрожает!
Рассыпьте вашу жатву предо мною.

МОЮЩАЯ ДЕВУШКА

(высыпая свою корзину).

Смотри, сорвала эти розы я!

ДРУГАЯ

(делая то же).

Я эту горсть!

ТРЕТЬЯ.

А эту я сорвала!

ЧЕТВЕРТАЯ.

А я роскошную весну всю эту!

(Остальные следуют).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Цветов, цветов, как на Гиметских склонах
Такой благословенный день, Диана,
Не занимался над твоим народом!
И матери несут дары, и девы;
Не ослепляясь роскошью двойною,
Я знаю, кто мне лучший дар принес.
Но разве это весь ваш сбор, о дети?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Мы большего, чем видишь, не нашли.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Так ваши матери усердней были.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

На тех полях, святая жрица, легче
Сбирать в бою нам пленников, чем розы.
Когда вокруг, по всем холмам вплотную
Виднеется покос из юных греков,
Серпа лишь резвой жницы ожидая,
То скудно так цветет окрест в долинах,
Так недоступна, — ты поверь мне, — роза,
Что лучше сквозь ограду стрел и копий
Пройти, чем через сеть ее колючек.
Вгляни на пальцы, — я прошу тебя.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА

Я на скалу осмелилась взобраться,
Чтобы сорвать единственную розу,—
И, бледный в чашечке темно-зеленой,
Еще едва просвечивал бутон,
На зов любви еще не раскрываясь.
Взяла ее, споткнулася, и в пропасть
Упала вдруг! Я думала, — погибну,
Несчастная, во мраке смертной ночи.
На счастье мое здесь россыпь роз
В цвету стояла, — амазонки десять
Еще побед отпраздновать могли бы.

ЧЕТВЕРТАЯ ДЕВУШКА

Я сорвала тебе, святая жрица,
Одну лишь розу, — сорвала одну,
Но эта роза, роза — посмотри же! —
Достойна увенчать чело царя;
Не может пожелать Пентесилея,
Иной, когда она сразит Ахилла.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Когда сразит его Пентесилея,
Ты эту царственную дай ей розу.
Так позаботься же ее сберечь.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Когда наездницы под звон кимвалов
Опять пойдут на поле битвы, с ними
Пойдем и мы, — позволь нам! — не за тем,
Чтобы сбираньем роз и заплетаньем
Венков украсить матерей победу.

Смотри, рука уже метать готова,
 Стрела моя, свистя, находит цель.
 Так мне уже венок цветущий надо,—
 И пусть он храбро борется в сражении,
 Тот юный, для кого натянут лук.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Ну да, тебе, конечно, лучше знать!
 Уж розы на его челе ты видишь!
 Весной, чрез год, при новом цвете роз,
 Ты юношу себе найдешь в сражении.
 Теперь же матерей торопит радость:
 Скорее же венки из роз свивайте!

ДЕВУШКИ

(друг другу).

Скорей за дело! Как же нам начать?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(второй).

Главкотоэ, ко мне!

ТРЕТЬЯ

(четвертой).

Ко мне, Хармион!

(Сядется попарно).

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Мы для Орнитии венок свиваем.
 Алыцест в высоком племе ею взят.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА

А мы Партеньон, сестры: Атенея,
 С Медузой на щите, она пленила.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(вооруженным амазонкам).

Вы что ж своих гостей не веселите?
 Не стойте так беспомощно, вы, девы,
 Как-будто обучать любви вас надо!
 Сказали б им приветливое слово!
 Их, утомленных битвою, спросили б,
 Чего они хотят, чего им надо!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Они твердят,— нам ничего не надо!

ВТОРАЯ

На нас сердиты.

ТРЕТЬЯ.

Только подойдем,—
Упрямцы отвернутся и бранятся.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ну, если злятся, сделайте их снова
Вы добрыми! И для чего на них
Вы так неистово в бою бросались?
Скажите им, что будет, в утешенье:
Тогда не будут так неумолимы.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА
(пленному греку).

Не хочешь ли ты, юноша на мягком
Ковре возлечь? Не хочешь ли, осыплю
Весенними цветами там, под лавром,
Тебе, усталому, на отдых ложе?

ВТОРАЯ
(также).

Не хочешь ли, чтоб ароматы персов
Смешала я с водою ключевою,
И запыленные омыла ноги?

ТРЕТЬЯ.

Сок апельсинов разве ты отвергнешь,
Моей рукой любовно принесённый?

ТРИ АМАЗОНКИ.

Скажите! Чем же вам служить?

ГРЕК.

Ничем!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Что, странных чужеземцев, вас печалит?
Когда покоятся в колчане стрелы,
Зачем страшитесь вы наших лиц?
Не львиная ли шкура вас пугает?
Ты, с поясом, ответь! Чего боишься?

ГРЕК
(посмотрев на нее резко).

Кому сплели венки из роз? Скажите?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Кому же, как не вам!

ГРЕК.

Признались в этом,
Чудовища! Убравши нас цветами,
Вы, как зверей, нас в жертву поведете.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Ошибся, юноша! В храм Артемиды,
Во тьму дубрав дубовых поведем вас,
Где ждет восторг без меры и порядка!

ГРЕК

(изумленный, подавленным голосом другим пленным).
Сны странные такие где приснятся!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Появляется военачальница. Те же.

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Высокочитимая, еще ты здесь!
Меж тем, отсюда на метанье камня,
Войска готовятся к кровавой битве!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Войска! Не может быть! Но где ж?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

В лошине,
К Скамандру прилегающей. Когда ты
Прислушаешься к ветру с этих гор,
Услышишь громовой призыв царицы,
Бряцание оружия, ржанье коней
И звуки труб, литавров и кимвалов,—
Весь славный голос битвы слышен будет.

ЖРИЦА

Домчится быстро кто на холм?

ДЕВУШКИ.

Я! Я!

(Бегут на холм).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Царица? Нет, скажи! Непостижимо!
Зачем, когда еще бушует битва,
Она готовить праздник роз велела?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Как, праздник роз? Кому ж приказ был отдан?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА,

Мне! Мне!

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Когда и где?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Совсем недавно,

В тени под обелиском я стояла,
 Когда Пелид и вслед за ним она
 Подобно ветру мимо пролетели.
 Спросила я спешившую: „Как дело?" —
 „На праздник роз, — как видишь!" закричала,
 И, мимо мчась, мне крикнула со смехом:
 „Смотри, чтобы достало роз на всех!"

ПЕРВАЯ Ж Р И Ц А

(девушкам).

Ее ты видишь?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(с холма).

Ничего не видно!
 Не различить мне шлема ничьего.
 Покрыли тени туч кругом все поле,
 И лишь доносится нестройный гул
 От натиска столпившихся героев,
 Друг друга ищущих в долине смерти.

ВТОРАЯ ЖРИЦА

Она прикрыть лишь отступление хочет.

ПЕРВАЯ

Конечно.

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Нет, поверьте, в бой готова,
 Стоит Пентесилея пред Пелидом,
 И так бодра, как тот персидский конь,
 Что, вздыбясь, высоко ее вздымает.
 Из-под ресниц горят ее глаза,
 Она вздыхает весело, свободно,
 И юная, воинственная грудь
 Теперь лишь истый битвы дух вдыхает.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Но что стремится царицу, Олимпийцы?
 К чему, когда крутом так много пленных
 Во всех лесах кишат, еще к чему же
 Пентесилее надобно стремиться?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

К чему царице надобно стремиться?

ДЕВУШКИ
(с холма).

О, боги!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Что? Рассеялась ли тень?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Достопочтенные, приблизьтесь!

ВТОРАЯ ДЕВУШКА.

Что там?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

К чему еще ей надобно стремиться?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Смотрите же, смотрите, как, сквозь тучи
Прорвавшись внезапно, солнца луч
Пернатый шлем Пелида позлащает!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Чей шлем?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Да чей же шлем, как не Пелида!

Стоит Ахилл на холме, весь блистая,
Закован в сталь он весь и конь его;
Сапфир и хризолит так не сверкают!
Земля вокруг, пестреющая цветом,
Окутанная вся во мрак ненастья,
Ничто, как только темный фон иль фольга,
Чтобы усилить блеск его роскошный!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Народу что за дело до Пелида?
Пристойно ль дщери дарственной Арея
В сражении с одним врагом бороться?

(Камазонке).

Беги проворно, Арсиноэ, к ней
И передай от имени богини:
Явился Марс уже своим невестам;
И я ее на родину теперь
Зову вести увенчанного бога,
Не медля больше здесь, и в светлом храме
Торжествовать священный праздник роз!

(Амазонки уходят).

Где слыхано подобное безумство!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Не видите ль вы, дети, и царицу?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(с холма).

Да вот она! Все поле заблистало!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Где появилась?

ДЕВУШКА

Во главе всех дев!

Сияя в золотых своих доспехах,
Полна отваги бранной! Не похоже ль
Как-будто, подстрекаемая рвением,
Она опередить и солнце хочет,
Чтоб юное чело лобзать! Смотрите!
Когда б она на небо полетела,
Чтоб с золотым соперником сразиться,
То конь, потворствуя ее желанию,
Но мог бы окрыленное подняться.

ВЕРХОВНАЯ Ж Р И Ц А

(военачальнице).

И не нашлося ни единой девы,
Чтоб удержать, предостеречь царицу?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Нет, все ее высокие подруги
Восстали против; здесь, на этом месте,
Протоэ сделала все, что возможно.
Исчерпано искусство красноречья,
Чтоб убедить вернуться в Фемискиру;
Но не склонилась к голосу рассудка.
Опаснейшей из стрел Амура, слышно,
Поражено ее младое сердце.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Что говоришь ты?

ПЕРВАЯ Д Е В У Ш К А

(с холма).

Вот и повстречались!

Держите, боги, вашу землю крепко,—
Пока я говорю, они помчались,
Как две звезды, одна другой навстречу!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(военачальнице).

Царица? Нет, не может быть, подруга!
Стрелой Амура? Но когда? И где?

Она, носящая алмазный пояс,
 Дочь Марса, у которой нет и груди,
 Куда б отравленной стрелою метить!

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Так говорит народная молва.
 Мероэ рассказала мне об этом.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Ужасно!

(Амазонка возвратилась).

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Говори, с чем ты вернулась.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Исполнила? Передала царице?

АМАЗОНКА

Мать чтимая, прости, — уж было поздно.
 Я не могла найти Пентесилею,
 То здесь, то там мелькавшую средь женщин;
 Но встретив на мгновенье там Протоэ,
 Передала я ей твое желанье;
 Она ж мне возразила, — не ручаюсь,
 Что не ослышалась в смятении я.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Ну, что ж?

АМАЗОНКА

Она коня остановила,
 От слез туманным взором на царицу
 Взглянула; и когда я ей сказала,
 Как недовольна ты ее безумством
 Из-за одной главы затеять битву,
 Она ответила: „Вернися к жрице,
 Пусть на коленях молится она,
 Чтобы одна его глава слетела.
 Иначе нет спасенья ей и нам”.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Она прямой дорогой мчится в Оркус!
 И если б и не встретила Пелида,
 Так от врага в груди она падет.
 И всех влечет она с собою в бездну;
 Я вижу челн, нас, скованных, везущий
 В Элладу через волны Геллеспонта,
 Весь лентами украшенный злорадно.

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Что до того? Близка злосчастья весть.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Предводительница. Те же

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

Беги, беги! Спасай плененных, жрица!
На нас нахлынуло все войско греков!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, боги-олимпийцы! Что случилось?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Царица где?

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

Поражена в бою,
Все войско амазонское разбито.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Безумная! Что ты сейчас сказала!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

(вооруженным амазонкам).

Ведите пленных.

(Пленных уводят).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Где? Когда? Скажи!

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

Позволь тебе все кратко рассказать!
Царица и Ахилл, под'явши копья,
Как две стрелы громовых, повстречались,
Что из-за туч несутся друг на друга;
Слабее грудей, — копья расщепились:
Но устоял Пелид, Пентесилея ж,
Почуя смерти сень, с коня упала.
Когда она, его покорна мести,
В пыли лежала, думали мы все,
Что в ад ее он тотчас ниспровергнет;
Но бледный он стоит, непостижимый,
Как смерти тень. Вдруг крикнул: „На меня
Как смотрит умирающая, боги!“
Спешит сойти он с лошади скорей,
И между тем как ужасом об'яты
Стояли девы, помня повеленье
Царицы и не смея тронуть меч.
К упавшей подошел Пелид отважно.

„Пентесилея!" он зовет, склонившись,
В объятиях царицу поднимает,
И, громко проклиная свой удар,
Он жалобно зовет царицу к жизни.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Как, он? Он сам?

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

„Проклятый, прочь!" гремит
Ему все войско. „Отплатите смертью",—
Кричит Протоз: — „если не отступит,
В него пушу острейшую из стрел!"
И чуть его конем не растоптавши,
Из рук его царицу вырывает.
Меж тем злосчастная в себя приходит.
Растерзана одежда на груди,
Коса растрепана, сама чуть дышит.
Ведут за строй, вокруг нее хлопочут.
Но он, непостижимый тот долопец, —
Как-будто бы в закованной груди
Весь гнев его в любовь преобразился,—
И он зовет: „Помедлите, подруги!
Ахилл приветствует вас вечной дружбой!"
И меч бросает, щит бросает прочь,
С груди своей доспехи он срывает,
Идет, — и можно бы его руками,
Лишь захоти, иль кольями свалить, —
Идет отважно следом за царицей,
Как-будто знает он, безумец смелый,
Что жизнь его священна нашим стрелам.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Но кто ж вам дал приказ безумный этот?

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

Царица! Кто ж иначе?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Как ужасно!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Смотрите! Вот, при помощи Протоза,
Она идет — прообраз злополучья!

ВТОРАЯ

О, боги вечные! Смотреть печально!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Пентесилея, ведомая Протоэ и Мероэ, свита,

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(слабым голосом.)

Всех, всех собак, спустите на него!
Смолою факелов слонов дразните!
Ножами колесниц его разрежьте,
И силу мышц колесами дробите!

ПРОТОЭ.

Любимая! Мы молим!

МЕРОЭ.

Нас послушай!

ПРОТОЭ.

Ведь за тобой несется по пятам
Пелид; коль жизнью дорожишь, — беги!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ведь мне вот эту грудь разбить, Протоэ,
Не все ль равно, как если б лиру в гнев
Топтала я за то, что тихо имя
Она мое с вечерним ветром шепчет?
Склонилась пред медведем я; пантеру
Ласкала я, что с тихим возбужденьем,
С таким же, как мое, ко мне приникла.

МЕРОЭ.

Не хочешь убежать?

ПРОТОЭ.

Бежать не хочешь?

МЕРОЭ.

Спасть не хочешь?

ПРОТОЭ.

Имени найти

Нельзя тому, что здесь должно свершиться!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Моя ль вина, что я на поле брани
Должна искать его любви, сражаясь?
Чего хочу я, обнажая меч?
Хочу ли в Оркус я его низвергнуть?
Хочу, клянусь я вечными богами,
Его на эту грудь привлечь, — и только!

ПРОТОЭ.

То бред!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Несчастливая!

ПРОТОЭ.

Ума лишилась!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Лишь об одном все думает она.

ПРОТОЭ.

Паденье отняло у ней сознание!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с вынужденною решимостью).

Пусть будет воля ваша. Я решилась.
И сердце, если нужно, я заставлю,
И выполню шутя суровый долг.
Вы правы. Для чего я, как ребенок,
Лишь потому, что не сбылось желанье,
Богов моих отвергну? Прочь идите!
Мне счастье, говорю я, было б любо;
Но не упало с облаков оно,
Я небо завоевывать не стану.
Уйти отсюда! Дайте мне коня, —
Вас поведу на родину обратно.

ПРОТОЭ.

О госпожа, благословенно трижды,
Достойное парицы, это слово!
Иди, — готово все.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(увидав в руках детей венки из роз, с внезапно загоревшимся лицом) .

А, посмотрите!

Кто приказал вам розы собирать?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА.

Забывчивая, спрашиваешь? Кто же
Иной...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Чем кто?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Отпраздновать победу

Пора, — се твои так пылко девы ждали.
И не твои ль уста нам повелели?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Мне так противно ваше нетерпенье!
 В бою кровавом, в смертной суматохе
 Я проклиная эту жажду оргий!
 В груди невинной дочери Арея
 Проклятье псам сорвавшимся, желаньям!
 Они орут, как медный голос труб,
 Всех полководцев зовы покрывая!
 Или победа наша? Что же, вместе
 С насмешкой ада близится триумф?
 Прочь с глаз моих!

(Ломает венки).

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА.

Что делаешь, царица!

ВТОРАЯ

(подбирая розы).

Весна на много миль кругом на праздник
 Нам роз не даст.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пусть вся весна иссохнет
 Сама, и пусть планета, где мы дышим,
 Раздавлена лежит подобно розам!
 Когда б могла я весь венец миров
 Подобно этим, из цветов, разрушить,
 О, Афродита!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Бедная царица!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Погибшая душа!

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

Она в добычу
 Эринниям судьбою отдана!

ЖРИЦА

(с холма).

Пелид, — о, девы, заклинаю в а с, —
 Уж близок, — на один полет стрелы!

ПРОТОЭ.

Беги, — я умоляю на коленях!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Утомлена душа моя смертельно!
 (Садится).

ПРОТОЭ.

Что делаешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Бегите, коль хотите.

ПРОТОЭ.

На что?..

МЕРОЭ.

На что?..

ПРОТОЭ.

Решилась ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Остаться!

ПРОТОЭ.

Безумная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я не могу стоять.

Не поломать же кости мне. Оставьте!

ПРОТОЭ.

Потерянная женщина! Ты слышишь,
Пелид уж близок.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пусть же он приходит.

Пусть в сталь закованной пятой наступит

На мой затылок. Разве эти щеки,

Цветущие такие, отличаться

Должны от грязи, из которой вышли?

Пусть лошадьми растопчет он меня,

И тело, что так полно свежей жизни,

Бессильно брошенное в чистом поле,

Собакам пусть на утреннюю пищу

И гнусному отродью птиц оставит.

Быть лучше прахом, чем немилрой другу.

ПРОТОЭ.

О, госпожа!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(срывая шейное украшение).

Проклятье мишуре!

ПРОТОЭ.

О, боги вечные! Но эту ль волю

Твои уста недавно возвешали?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прочь шлем! Поникли? Вас я проклиная.

Мечей и стрел беспомощнее вы.

Будь проклята рука, что украшала
 Меня для битвы, прокляты уста,
 Что мне шептали: „Это для победы".
 Притворщицы, обстали с зеркалами
 Меня вы, справа, слева, восхваляя
 Мою закованную медью стройность.
 Чуму зову на ваши злые чары!

ГРЕКИ

(за сценой).

Вперед! Пелид, вперед! Утешен будешь!
 Еще немного, и она — твоя!

ЖРИЦА

(с холма).

Дианой заклинаю, уходи же,
 Иль ты погибла.

ПРОТОЭ

Жизнь моя! Сестрица!

Не хочешь ты бежать?

(Пентесилея прислоняется к дереву, слезы струятся у нее из глаз).

ПРОТОЭ

(внезапно растрогавшись, опускаясь возле нее).

Ну, как ты хочешь.

Не можешь, и не хочешь, — пусть! Не плачь!
 Я остаюсь с тобой. Что невозможно,
 Что выше сил твоих, что не сумеешь
 Ты сделать, пусть мне боги помешают
 Потребовать того! Идите, девы,
 И возвращайтесь в родимый край.
 С парицею остануся я здесь.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

И ты! И ты безумной потекаешь?

МЕРОЭ.

Иль бегство невозможно?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Невозможно?

Ничто извне, ни рок ее не держит,
 Лишь сердце глупое.

ПРОТОЭ.

Ее судьба!

Ты думаешь, оковы неразрывны,
Не правда ль? Легче б их она сломала,
Чем чувство, над которым ты смеешься.
Что в ней царит, лишь ей известно. В каждой
Груди, что чувствует, уже загадка.
К высокому она стремилась в жизни,
И уж его коснулась, и не хочет
Рука за что-нибудь другое взяться.
Приди на грудь мою. О чем тоскуешь,
Скажи, о чем ты плачешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Больно, больно.

ПРОТОЭ.

Где?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Здесь.

ПРОТОЭ.

Могу ль помочь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ничем, ничем.

ПРОТОЭ.

Ну, успокойся; кончится все скоро!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(вполголоса).

Безумная!

ПРОТОЭ

(также).

Молчи, прошу тебя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

А если бы бежать я захотела,
Скажи, — куда бежать мне?

ПРОТОЭ.

Прямо в Фарсос,

Там ты нашла бы, это мне известно,
Твои войска разбитые все вместе.
Ты отдохнула б, раны залечила б,
А с ближнею зарею, — если хочешь, —
Ты поведешь наездниц снова в битву.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Когда б могла! Но где же взять мне силы?
Все трудное, что в силах человека,

Я сделала, — к безмерному стремилась, —
 Всю жизнь свою поставила я на кон,
 И выпала решающая кость,
 Должна постигнуть я, — что проиграла!

ПРОТОЭ

Нет, нет, родная! Этого не думай!
 Так низко не оценивай себя!
 Хоть плохо думаешь о том залоге,
 Из-за которого играешь, все же
 Случившимся не обесценен он.
 Вот нить из перлов, розовых и белых,
 Вкруг шеи вьется, — в ней ли все богатство,
 Которого душа твоя желает?
 Подумай, там, когда придешь ты в Фарсос,
 Предела нет твоим высоким целям.
 Но, может быть, теперь почти уж поздно.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с тревожным движением).

Ну, что ж я медлю! Как досадно это!
 Высоко ль солнце?

ПРОТОЭ.

Над твоим челом;
 Придешь туда до наступленья ночи.
 Мы заключим союз, от греков втайне,
 С дарданцами, достигнем в тишине
 Той бухты, где стоят их корабли;
 И в ночь, по знаку данному, вдруг пламя
 Обнимет их; стан греков будет взят,
 Стесним их войско спереди и сзади,
 И разобьем, рассеем по стране,
 И каждый грек по нашей воле будет
 Настигнут нами, схвачен и увенчан.
 Какое счастье мне, — увидеть это!
 Не отдыхать хочу, — сражаться рядом
 С тобой, без усталы, под зноем солнца,
 Все силы истощать, пока желанье
 Возлюбленной сестры я не исполню,
 И после всех усилий, побежденный,
 Не склонится Пелид к ее ногам.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(все это время пристально смотрела на солнце).

О, если б крыльями прорезать воздух
 Могла я вдруг!

ПРОТОЭ.

Что ты?

МЕРОЭ.

Что ты сказала?

ПРОТОЭ.

Что видишь ты?

МЕРОЭ.

К чему она стремится?

ПРОТОЭ.

Любимая, скажи!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Высоко, знаю,

Парит в далеком, вечном, знойном круге
Он вокруг моей тоскующей груди.

ПРОТОЭ.

Но кто, царица дорогая?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Знаю!

Куда ведет дорога?

(Оправляется и идет).

МЕРОЭ.

Ты решилась?

ПРОТОЭ.

Так ты несешься ввысь? — Теперь, царица,
Подобна исполину будь! Не падай,
Хотя б весь Оркус на тебя свалился!
Стой, твердо стой, как арка: каждый камень
Стремится вниз, все вместе — зиждут своды.
Подставь чело, как верхний камень свода,
Небесным молниям, скажи: „Разите!“
И пусть они тебя до пят расщеплют,
Но лишь сама в себе не колебайся,
Пока дыханьем этой юной груди
Цемент и камни жизни тесно слиты.
Иди. Дай руку мне.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Куда ж итти мне?

ПРОТОЭ.

Ты можешь там утес избрать надежней,
Иль здесь удобную долину выбрать,—
Ну, что же выбрать хочешь ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Утес!

Там ближе мне к нему. За мной идите.

ПРОТОЭ.

К кому, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Руку, дорогие!

ПРОТОЭ.

Как только ты того холма достигнешь,

Ты в безопасности.

МЕРОЭ.

Иди же.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(внезапно, дойдя до моста, останавливается).

Слушай!

Я уступлю, — но мне еще осталось...

ПРОТОЭ.

Что надобно тебе?

МЕРОЭ.

Ну, что?

ПРОТОЭ.

О, горе!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Одно еще, и я сойду с ума.

Признать должны и сами вы, подруги,—

Не все возможное мы испытали.

ПРОТОЭ

(с негодованием).

Но если так, то лучше б мы погибли!

Спасенья больше нет!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(испуганно)

Да что такое?

Что сделала я ей, скажите, девы!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ты думаешь?...

МЕРОЭ.

Ты хочешь здесь еще?...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, ничего, что вас бы прогневило.

Хочу я Иду взгромоздить на Осу

И почивать спокойно на вершине!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ты хочешь Иду?...

МЕРОЭ.

Взгромоздить на Оссу?

ПРОТОЭ

(взывая).

Спасите, боги, вы ее!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Погибла!

МЕРОЭ

(робко).

Титанам этот труд, моя царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, да, но чем же хуже я титанов!

МЕРОЭ.

Чем? Их?

ПРОТОЭ.

О, небо!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Что ты говоришь!

МЕРОЭ.

Подумай, как же сделаешь ты это!

ПРОТОЭ.

Подумай, — что с тобою будет?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Глупо!

Схвачу я пламя кудрей золотое,

И мой он будет!

ПРОТОЭ.

Кто?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Он, Гелиос!

Когда он головы моей коснется!

(Амазонки без слов, в ужасе переглядываются)

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ее возьмите силой!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(смотрит в реку.)

Я безумна!

Вот он у ног моих. Возьми меня!

(Хочет броситься в реку, Протоэ и Мероэ ее удерживают).

ПРОТОЭ.

Несчастливая!

МЕРОЭ.

Вез чувств упала, словно

Одна ее одежда, в руки к нам.

ЖРИЦА

(с холма).

Ахилл идет! Уж виден! И не может
Его сдержать отряд весь амазонок!

АМАЗОНКИ.

О, боги, защитите от насилья

Царицу амазонок!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(жрицам).

Прочь! Ступайте!

В сражениях кровавых нам не место.

(Верховная жрица со жрицами и девушки с розами уходят)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Отряд амазонок с луками в руках. Те же.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

(кричит вглубь).

Назад, смельчак!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Не слушает он нас!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Владычицы, коль нам нельзя бороться,
Его отваге что же помешает?

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Что делать? Говори, Протоэ!

ПРОТОЭ

(занятая паришей).

Десять

Пустите тысяч стрел в него.

МЕРОЭ

(свите).

Воды!

ПРОТОЭ.

Но только чтоб не ранили смертельно!

МЕРОЭ.

Ну, зачерпните ж в шлем воды.

ОДНА

(из свиты парицы).

Несу.

(Зачерпывает и дает).

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

(Протоэ).

Спокойна будь! Не бойся!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Здесь постройтесь!

Ссадните щеки, кудри опалите!

Пусть смерть его лобзает, пролетая!

(Приготавливают луки).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Ахилл без шлема, доспехов и оружия, сопровождаемый несколькими греками.

Те же.

АХИЛЛ.

Ну, для кого же эти стрелы, девы?

Не этой ли незащищенной груди?

Не снять ли мне и шелковый нагрудник,

Чтобы открыть вам беззаботность сердца!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Ну, что ж, сними, коль хочешь.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Нет, не надо.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Стрелу туда, где держит руку он!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Чтобы проткнуло сердце, словно лист,
Скорей стреляй!

МНОГИЕ

Бей! Нападай!

(Стреляют через его голову).

АХИЛЛ

Оставьте!

Очами поразите вы вернее.
Клянусь Олимпом я, что не шучу,
И, в сердце вами раненый глубоко,
Обезоруженный во всяком смысле,
Я к вашим маленьким ногам склоняюсь.

ПЯТАЯ АМАЗОНКА

(которую ранили копьем, из-за сцены).

Благие боги!

(Падает).

ШЕСТАЯ АМАЗОНКА

(также).

Горе!

(Падает).

СЕДЬМАЯ АМАЗОНКА

(также).

Артемиды!

(Падает).

ПЕРВАЯ.

Безумец ты!

МЕРОЭ

(хлопоча возле царицы).

Несчастливая царица!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Назвался безоружным!

ПРОТОЭ

(также).

Умирает!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

А воины его нас избивают!

МЕРОЭ

А девы так и падают вокруг!

Что делать нам?

} вместе.

} вместе.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Готовьте колесницы!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Собаками его!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Пускай камнями

Его засыплют с башен на слонах!

ОДНА

(из амазонских княжен, внезапно оставляя паришу)

Ну, хорошо, попробую мой лук!

(Снимает с плеча лук и натягивает его).

АХИЛЛ

(обращаясь то к одной, то к другой амазонке).

Не верится: как серебро звенящий,

Речей неправду голос ваш казнит.

Голубоглазая, не ты же хочешь,

Да и не ты, краса кудрей шелковых.

Смотрите, если бы на спешный призыв

Собаки ваши на меня напали,

Вы бросились бы вашими телами

Меня от них прикрыть и защитили б

Сгорающее к вам любовью сердце.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Наглец!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Послушайте, как он кичится

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Он думает, что лестью нас...

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

(тайнственно обращаясь к первой).

Отерпэ!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

(оборачиваясь).

Смотри! Искусница стрелять из лука!

Тихонько разомкнитесь, девы!

ПЯТАЯ АМАЗОНКА

Что там?

ЧЕТВЕРТАЯ АМАЗОНКА

Молчи! Увидишь!

ВОСЬМАЯ АМАЗОНКА.

Вот! Возьми стрелу!

АМАЗОНСКАЯ КНЯЖНА

(кладя стрелу на лук).

Хочу Пелиду раздробить я череп!

АХИЛЛ

(греку возле него, уже наведшему лук).

Стреляй!

АМАЗОНСКАЯ КНЯЖНА.

О, небожители!

(Падает).

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Ужасный!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Сама, сраженная, упала!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Боги!

А там еще один отряд подходит!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Диомед с этолийцами появляется с другой стороны. Вскоре
затем Одиссей со стороны Ахилла с войском.

ДИОМЕД

Вы, этолийцы храбрые мои,

Вперед!

(Ведет их через мост).

ПРОТОЭ.

Святая Артемида! Где ты!

Спаси нас от беды!

(Несет парипу, с помощью амазонок, снова на авансцену).

АМАЗОНКИ

(в смятении).

Попались мы!

Окружены, отрезаны! Бегите,

Спасайтесь, кто может!

ДИОМЕД

(Протоэ).

Эй, сдавайтесь!

МЕРОЭ

(бегущим амазонкам).

Безумные! Что делаете! Стойте!..
Протоэ! Посмотри!

ПРОТОЭ

(все еще возле парицы).

Беги за ними!

И, если можешь, — нас избавь от плена!

(Амазонки рассеиваются. Мероэ следует за ними).

АХИЛЛ

Ну, где же голова парицы?

ГРЕК.

Там.

АХИЛЛ

Десяток царств отдам я Диомеду.

ДИОМЕД

Сдавайтесь, — говорю вам!

ПРОТОЭ.

Победитель

Ее возьмет, не ты! Чего ты хочешь?

Она принадлежит Пелиду!

ДИОМЕД

Дайте

Ее сюда!

ЭТОЛИЕЦ

Давай!

АХИЛЛ

(отталкивая этолийца).

Тот станет тенью,

Кто здесь парицы вздумает коснуться.

Она моя! Вам нечего здесь делать!

ДИОМЕД

Ну да! Твоя! А по какому праву, —
Да видит Зевс, — и по какой причине?

АХИЛЛ

Как ни суди, — она моя. Отдай.

ПРОТОЭ.

Великодушен ты. Я не боюсь.

АХИЛЛ

(принимая парицу в с в о и об'ятия).

Ну, ничего.

(Диомеду).

Иди, преследуй, бей

Наездниц, — я побуду здесь с минутой.

Прочь! Я хочу. Не возражай. Гадесу

Не уступлю ее, — тебе подавно.

(Кладет ее у подножья дуба).

ДИОМЕД

Пусть так! За мной!

ОДИССЕЙ

(проходя с войском по сцене).

Счастливей час, Ахилл!

Прислать тебе звенящую кадригу?

АХИЛЛ

(склонившись над парицею).

Не надо. Здесь останусь.

ОДИССЕЙ.

Ну, как хочешь.

За мной! Пока бабье не собралось.

(Одиссей и Диомед с войском уходят).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Ахилл. С в и т а греков и амазонок.

АХИЛЛ

(освобождая парицу от панцыря).

Она не дышит!

ПРОТОЭ.

Пусть бы эти очи

Для томного навек сомкнулись мира.

Я одного боюсь, чтоб не проснулась.

АХИЛЛ.

Куда ее я ранил?

ПРОТОЭ.

Встала бодро

Она, хоть твой удар был близок к сердцу.

Сюда ее с трудом мы привели,
 На этот холм хотели мы взобраться.
 Но было ль больно ей, иль огорченье
 Ее томило, — не могла она
 Перенести, что ты был победитель.
 Повиноваться отказались ноги;
 И, с бредом на тускнеющих устах,
 Она упала на руки мне снова.

АХИЛЛ.

Ты видишь, — вздрогнула?

ПРОТОЭ.

Вы, Олимпийцы!

Так не до дна еще испита чаша?

Несчастливая она! Смотрите!

АХИЛЛ

Дышит.

ПРОТОЭ.

Коли тебе знакомо состраданье,
 И чувство в этом сердце шевелится,
 И смерти ей не ищешь, и в безумство
 Мятущуюся душу гнать не хочешь,
 То сделай, что прошу.

АХИЛЛ.

Скажи скорее!

ПРОТОЭ.

Уйди, уйди, о несравненный! Пусть,
 Проснувшись, тебя она не видит.
 Пускай уйдут соратники твои,
 И пусть, пока в дыханьи гор не встанет
 Светило дня, никто не подойдет,
 Не скажет ей убийственного слова:
 „Ты пленница Ахилла“.

АХИЛЛ.

Ненавидит

Меня?

ПРОТОЭ.

Не спрашивай, великодушный!
 Когда она, держася за надежду,
 Вернется к жизни, пусть не победитель
 Безрадостно ей встретится сначала.
 Ведь многое таится в сердце женщин.
 Что свету дня себя явить не хочет.

Пускай потом, как хочет рок, царица,
Как пленница, приветствует тебя,
Но сжался, этого не требуй раньше,
Пока ее душа к тому готова будет.

АХИЛЛ.

Хочу с ней поступить, скажу тебе,
Как поступил я с гордым Приамидом.

ПРОТОЭ.

Ужасный, как!

АХИЛЛ.

Ее страшит ли это?

ПРОТОЭ.

Нет имени тому, что сделать хочешь!
И это тело юное, ужасный,
Прелестное, как девочка с цветами,
Бесстыдно хочешь ты, подобно трупу?..

АХИЛЛ.

Скажи ей, я ее люблю.

ПРОТОЭ.

О, боги!

АХИЛЛ.

Пред небом, да! Люблю, как любит муж:
Желаньем полон, и стыдлив; невинен,
И все же страстно жаждет обладанья.
Хочу ее моей царицей сделать.

ПРОТОЭ.

О, боги вечные! Скажи мне снова,
Ты хочешь?

АХИЛЛ.

Что ж, могу ль остаться?

ПРОТОЭ.

Дай мне,

Божественный, твои лобзать стопы.
Теперь тебя бы я везде искала,
Хотя б у Геркулесовых Столбов!
Смотри: глаза открыла!

АХИЛЛ.

Шевельнулась.

ПРОТОЭ.

Теперь мужчины прочь отсюда, ты же,
Пелид, скорей за этим дубом спрячься!

АХИЛЛ.

Уйдите же, друзья!

(Свита Ахилла уходит).

ПРОТОЭ

(Ахиллу, спрятавшемуся за дубом).

Еще подальше!

И, умоляю, не являйся раньше,

Чем позову тебя. Ты позволяешь?

Кто знает, что в ее душе творится!

АХИЛЛ.

Пусть будет так.

ПРОТОЭ.

Теперь, — смотри за нею.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Ахилл. Свита амазонок.

ПРОТОЭ.

Пентесилея! Видящая сны!

В сверкающих обителях каких

Ты, беспокойно трепеща, витаешь,

Как-будто бы не мило это тело,

А счастье, как юный царь, стучится

К тебе, царица, в грудь, и в изумленьи,

Что опустела милая обитель,

Готово отвернуться и уж к небу

Полет свой беглый вновь направить хочет.

Иль гостя, глупая, пленить не хочешь?

Приди на грудь мою, царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Где я?

ПРОТОЭ.

Не узнаешь ты голоса сестры?

Иль разве этот мост и эти скалы

Тебя к местам цветущим не вернули?

Смотри, — вокруг тебя столпились девы

Как бы у врат неведомого мира

Они стоят, приветствуя тебя.

Вздыхаешь? Что страшит тебя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Протоэ!

Что за ужасный сон приснился мне!

Как сладко мне, до слез, что я, проснувшись,
 Могу мое истерзанное сердце
 К твоей груди прижать, сестра моя!
 Мне снилось, что в яростном сраженьи
 Пелид сразил меня копьем: на землю
 Упала я в моей стальной кольчуге;
 Земля дрожит от моего паденья.
 Пока в испуге войско разбегалось,
 А я была недвижно распростерта,
 Он соскочил с коня уже; ко мне
 Шагами победителя приблизясь,
 Беспомощную он меня хватает,
 Подъемлет кверху мощными руками,
 И я, без сил схватиться за кинжал,
 К нему попалась в плен; вот, издеваясь,
 Меня к нему в палатку поведут.

ПРОТОЭ.

Царица дорогая! Он не станет,
 Великодушный, над тобой смеяться.
 Когда б сбылся твой сон, поверь мне, ты бы
 Пережила приятную минуту,
 И ты б увидела, наверно, в прахе
 Перед тобой склоненного Пелида.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Проклятье тем, кто дожил до позора!
 Проклятье мне, когда приму я мужа,
 Не покоренного мечом достойно.

ПРОТОЭ.

Царица, успокойся.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Успокойся?

ПРОТОЭ.

Не у моей ли верной ты груди?
 Что б ни назначила тебе судьба,
 Мы вместе понесем, спокойна будь.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Моя душа была тиха, как море,
 Лежащее в защите скал; не видно
 Малейшего движения волны.
 Но слово: „успокойся!“ всколыхнуло
 Меня, как ветер волны океана.
 Что было здесь, что требует покоя?

Так странно вы стоите, смущены,
И взоры вы бросаете,— о, небо! —
Как-будто бы чудовище за мною
Вам угрожает диким своим видом.
Ты слышишь, это был лишь сон, не явь.
Как! Было? Да? Все было? Как? Скажи!
А где ж Мероэ? Мегарис?

(Озирается и замечает Ахилла).

Ужасно!

Вот и стоит чудовище за мною.
Теперь, пока рука свободна...

(Выхватывает кинжал).

ПРОТОЭ.

Что ты!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О, ты, негодная, еще мешает.

ПРОТОЭ.

Ахилл! Спаси ее!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Безумна ты!

Он мне ногой наступит на затылок!

ПРОТОЭ.

Ногой, безумная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прочь! — говорю я.

ПРОТОЭ.

Несчастливая, смотри же на него!

Стоит он за тобою безоружен.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как? Что?

ПРОТОЭ.

Ну да! Готовый, если хочешь.

Надеть оковы на себя.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, что ты?

ПРОТОЭ.

Ахилл! Она не верит мне. Скажи ты!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Он у меня в плену?

ПРОТОЭ.

Иначе как же?

АХИЛЛ

(выступив из-за дуба).

Конечно, благородная царица!
Отныне я всю жизнь мою отдам,
Чтоб трепетать в оковах этих взоров.

(Пентесилея закрывает лицо руками).

ПРОТОЭ.

Ну вот, ты слышала из уст его, —
Повергся он, как ты, при встрече, в прахе:
Пока ты бездыханная лежала,
Его обезоружили, — не так ли?

АХИЛЛ.

И привели к ногам твоим, царица!
(Преклоняет пред нею колени).

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(после короткой паузы).

О, если так, приветствую тебя,
Румяный, юный бог, улада жизни!
Теперь опять, о сердце, кровь мою
Стреми; она, как-будто поджидая
Прибытия его, в груди стояла.
Вы, вестники крылатые веселья,
Вы, соки юности моей, раскройтесь,
По жилам растекайтесь ликуя,
И пусть, как знамя красное, повеет
Благая весть от всех моих сокровищ:
Сын Нереиды, юный бог — он мой!
(Встает).

ПРОТОЭ.

Царица дорогая, успокойся!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(идя вперед).

Вперед, венчанные победой девы,
Вы, дочери Арея, с головы
До пят еще покрыты пылью битвы,
Вперед, вперед, и за руки ведите
Пленных вами юношей — аргивян.
Вы, девушки, с кошницами спешите.
Где роз нам взять, чтобы столько сплести венков?
Ступайте на поля, вокруг, — скажу я, —
И эти розы, что весна отвергла,

Согрейте на полях дыханьем вашим!
 За ваше дело, вы, Дианы жрицы!
 Пускай сверкающие двери храма
 Благоуханного с великим шумом
 Мне распахнутся, словно двери рая!
 Бык тучный нужен мне, короткорогий.
 Сверкающим железом опрокинем
 Его, безгласного, в священном месте,
 Чтоб содрогнулись основы зданья.
 Проворные служительницы храма,
 Где вы? С поверхности тяжелых плит
 Проворно кровь, прилежные, смывайте
 Персидскими шипящими маслами.
 Наденьте легковейные одежды,
 Наполните свои золотые чаши.
 Гремите, трубы, бубны и кимвалы.
 Пускай от сладкозвучных ликований
 Трепещет прочный свод небесной тверди!
 Протоэ! Помоги мне ликовать,
 Придумай, о сестра моя, подруга,
 Скажи, как мне отпраздновать теперь
 Торжественнее самого Олимпа
 Брак этих призванных к войне невест
 С сынами Инаха, с сынами Марса!
 О где, Мероэ, ты? Мегарис где?

ПРОТОЭ

(подавляя волнение).

И радость, и печаль тебе вредны
 И одинаково влекут к безумью.
 Мечтой уже летишь ты в Фемискиру,
 И если так пределы переходишь,
 То мне сказать одно довольно слово,
 Чтобы оно порыв твой охладило.
 Взгляни вокруг, обманутая, где ты?
 Где твой народ? Где жрицы? Где Мероэ?
 Астерия? Мегарис? Где они?

ПЕНТЕСИЯ

(у ее груди).

О дай, Протоэ, сердцу моему
 На две минуты в тот поток веселья.
 Как запыленной девочке, войти.
 Касанье каждое могучих волн
 Ручья с моей груди смывает пятна.
 Ужасные отходят Эвмениды,

От близости богов яснее воздух,
И тотчас бы вмешалась я в их хор;
Не так, как раньше, к смерти я готова.
Но прежде ты скажи: прощаешь мне?

ПРОТОЭ

О, госпожа моя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я знаю, знаю, —

Все лучшее во мне подарок твой
Несчастье, говорят, нас очищает.
Любимая, я этому не верю.
Оно меня гневало; на богов
И на людей я страстно восставала.
Как странно! Было каждое лицо
С чертами радости мне ненавистно
У матери играя на коленях,
Дитя смеялось над моим страданьем.
Теперь хочу вокруг довольных видеть,
Всех осчастливить я хочу. О, друг мой!
Страдания творят людей-героев,
Но богом делает одна лишь радость.
Теперь скорей, однако, к делу. Войско
Должно готовым к возвращенью быть.
Лишь отдохнут животные и люди,
Мы вместе с пленниками в трудный путь
Итти должны к полям родимым нашим.
Где Ликаон?

ПРОТОЭ

Кто?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с нежным неудовольствием).

Кто? А ты не знаешь?

Красавец тот, Аркадии герой,
Твоим мечом добытый. Что ж не здесь он?

ПРОТОЭ

(смущенно)

Еще томится он в лесах, парица,
Где остальных содержат пленных. Надо,
Чтоб, следуя закону, он не раньше
Предстал передо мной, как в Фемискире.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Позвать его! В лесу еще, — когда
Ему у ног моей Протоэ место!

Прошу, любимая, его ты кликни.
Стоишь ты возле, заморозком майским,
И радоваться жизнью мне мешаешь.

ПРОТОЭ

(про себя).

Несчастная! — Ну хорошо, идите
И делайте, что вам велит царица.
(Кивает амазонке, та уходит).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Кто с розами мне девушек покличет?
(Замечает розы на земле).
Смотри! Лежат, душистые какие,
На этом месте!

(Проводит рукою по лбу).

Ах, мой сон дурной!

(К Протоэ).

Дианы жрица здесь не проходила
Верховная?

ПРОТОЭ.

Как-будто нет, царица.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Откуда ж розы взялись здесь?

ПРОТОЭ

(быстро).

Вот странно!

Сбравшие цветы в равнине дети
Оставили здесь целую корзину.
Но это нам благоприятный случай:
Я подберу душистые цветы
И заплету венок Пелиду. Хочешь?
(Садится у дуба).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прекрасная! Как трогательно это!
Да, да! А те махровые цветы
Тебе, — венок плести для Ликаона.
(Подбирает тоже розы и садится рядом с Протоэ).
Я музыки хочу. Я неспокойна.
Пускай поют. Пусть утешают звуки.

ДЕВУШКА

(из ее свиты).

Чего желаешь?

ДРУГАЯ.

Песнь победы?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Гимны.

ДЕВУШКИ.

Обманутая! Пусть. Играйте! Пойте!

ХОР ДЕВУШЕК

(с музыкой).

Арей бежит. Смотрите, как, дымяся,
Стремятся кони белые к Аиду.
Ворота распахнули Эвмениды,
Ужасные, и запирают снова.

О Д Н А ИЗ ДЕВУШЕК.

Где медлишь, Гименей?
Зажги свой факел и свети, свети!
Где медлишь, Гименей?

ХОР.

Арей бежит! и т. д.

АХИЛЛ

(во время пения приближается к Протоэ потихоньку).

Скажи! Чем кончится? Я знать хочу!

ПРОТОЭ.

Я умоляю, — потерпи минуту
Одну, великодушный, — ты увидишь.

(Когда венки свиты, Пентесилея обменивается венком с Протоэ, он и обнимаются и рассматривают их. Музыка умолкает. Амазонка возвращается).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Исполнила?

АМАЗОНКА.

Предстанет пред тобою
Герой Аркадии, Ликаон, скоро.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Ахилл. Амазонки.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Приди, о, нежный Нереидин сын,
Приди к ногам моим сюда поближе!
Смелей вперед! Меня ты не боишься?
Тебе победой я не ненавистна?
Боишься той, что в прах тебя повергла?

АХИЛЛ

(у ног ее).

Цветы боятся ль солнца!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Хорошо!

Так на меня смотри ты, как на солнце.

Владычица Диана, ранен он!

АХИЛЛ.

Царапина на локте, и не больше.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прошу тебя, Пелид, не верь, что я
На жизнь твою когда-то покушалась.
Моя рука тебя сразила, правда,
Когда же ты упал, то стала я
Завидовать тебя принявшей пыли.

АХИЛЛ.

Молчи о том, когда меня ты любишь.
Уж заживает.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Ты меня прощаешь?

АХИЛЛ.

От радостного сердца.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты мне скажешь,

Что делает крылатая любовь,
Надев на льва строптивого оковы?

АХИЛЛ.

Шершавые его ласкает щеки,
И укрощает.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Вот теперь и ты

Свободен менее, чем дикий голубь,
Которого петлей поймает дева.
Знай, юноша, что чувства в этой груди,
Подобные рукам, тебя ласкают.

(Оббивает его венками).

АХИЛЛ.

Кто ты — чудесная жена?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Постой!

Сказала: тихо! Ты потом узнаешь.
Теперь лишь это легкое плетенье
Из роз вокруг чела, потом на шею,
На плечи, на руки, и вниз к ногам,
И снова к голове, вот так. Ты что
Вдыхаешь?

АХИЛЛ.

Аромат сладчайших уст.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(откидываясь назад).

То розы испускают ароматы. —
Нет! Нет!

АХИЛЛ.

Я у ствола хотел прильнуть к ним.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Созреют лишь, любимый, — рви тогда.
(Возлагает еще венок ему на голову, и опускает его).
Вот как, — о, посмотри, прошу тебя, —
Идет к нему смягченный розы блеск!
Сияет лик его грозово-темный,
И юный день, о, милая подруга,
Когда от гор его низводят оры,
Алмазы сея под его шагами,
Не так красив и мил, как он. А очи
Его, не правда ль, как они сияют?
Клянусь! Таким увидев, сомневаюсь,
Что это он.

ПРОТОЭ.

О ком ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О Пелиде.

Скажи, сильнейшего из Приамидов
Не ты ль свалил перед стенами Трои?
И ты, пронзив вот этими руками
Бегущую стопу, за колесницей
Вниз головой его вдоль стен повлек?
Скажи! Чем ты взволнован? Что с тобой?

АХИЛЛ.

Да, я.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(пристально на него посмотрев).

Сознался он.

ПРОТОЭ.

Да, он, царица;
Его узнать ты можешь по примете.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Какая же примета?

ПРОТОЭ.

Вот доспехи.

Фетида, мать богов, их у Гефеста,
У бога пламени, ему достала!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так вот привет тебе, — мой поцелуй.
Неукротимейший, ты — мой! Ты мне,
О, юный бог войны, принадлежишь;
Кто спросит, чей ты, назови меня.

АХИЛЛ.

О, светозарное явление, словно
С небес сошедшее непостижимо,
Кто ты? Как назову тебя, когда
Моя душа восхищенная спросит
Сама себя, кому принадлежит?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты так меня зови, чтобы мой образ
В твоём уме был этим словом вызван.
Дарю тебе кольцо я золотое.
Вот эти знаки — для тебя охрана.
Ко мне оно тебе откроет доступ.
Кольцо теряют, имя забывают!
Забудешь имя, потеряешь перстень, —
Мой образ в памяти твоей предстанет?
Закрыв глаза, его сумеешь вызвать?

АХИЛЛ.

Запечатлеется, как на алмазе.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Узнай, что я — царица амазонок.
Народ мой от Арея происходит.
Отрера — мать великая моя,
Народ зовет меня — Пентесилея

АХИЛЛ.

Пентесилея.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, я так сказала.

АХИЛЛ

Я в смертный час шепну: Пентесилея.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Дарю тебе свободу, — ты по воле
Остаться можешь иль бежать отсюда.
Другую цепь я знаю, легче роз,
Но меди крепче; сердце обвивая
Твое, она тебя ко мне привяжет.
Когда, звено к звену, она сомкнется,
И так огонь страстей ее спаяет,
Что время не разрушит, и ни случай;
Вернешься ты, как требует обычай,
Ко мне, мой юный друг, и позабочусь
Исполнить все, чего ты пожелаешь.
Скажи, согласен?

АХИЛЛ.

Да, вернусь, как конь,
Почуявший родного стойла запах.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Итак, надеяться я буду. Ныне
Обратно в Фемискиру мы идем;
Моя добыча вся твоею будет.
Тебе дадут пурпурные шатры,
Да и в рабах не будет недостатка,
Чтобы служить твоей державной воле.
Но так как от заботы не свободна
В походе я, — ведь сам ты понимаешь,
То с пленными останься ты иными.
Лишь в Фемискире, сыну Нереиды,
Могу тебе предаться я всецело.

АХИЛЛ

Пусть будет так.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(Протоэ)

Теперь скажи мне, где
Аркадец твой томится?

ПРОТОЭ.

О, царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как хочется мне, милая Протоэ
Чтоб ты его венчала!

ПРОТОЭ.

Он придет,
Венок, ему сплетенный, не увянет.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(вставая).

Теперь меня зовут дела другие,
Пусти меня.

АХИЛЛ

Как?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Дай мне встать, мой друг.

АХИЛЛ

Бежишь? Меня ты оставляешь раньше,
Чем чувству, наполняющему грудь,
Ты дашь, любимая, исход чудесный?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Друг, в Фемискире.

АХИЛЛ.

Здесь, моя царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, в Фемискире, в Фемискире, друг.
Пусти меня!

ПРОТОЭ

(удерживая ее беспокойно).

Царица, что ты хочешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(холодно).

Войска смотреть! Клянуся Стиксом, странно!
С Мероэ говорить хочу, с Мегарис.
Иль только мне и дела, что болтать?

ПРОТОЭ.

Еще бегущих войско гонит греков.
Мероэ пусть заботится о нем.
Ты отдыхай теперь. Лишь только враг
Отброшен будет за Скамандр, победно
Перед тобой твое предстанет войско.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(соображая).

Сюда? На это поле? Это верно?

ПРОТОЭ

Наверное. Надейся.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(Ахиллу).

Ты не медли.

АХИЛЛ.

Чудесная жена, скажи, зачем,
 Ведя войска, подобная Афине,
 Низверглась ты как-будто с облаков
 И в спор наш из-за Трои вдруг вмешалась?
 От головы до ног закрыта медью,
 Как фурия пылая злостью странной,
 Гонима кем же ты на племя греков?
 Тебе лишь стоило бы нам явить
 Спокойно красоту свою, чтоб видеть
 Весь род мужей во прахе пред собою.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Ах, Нереидин сын! Мне не дана
 Нежнейшая услада юных женщин;
 На празднике, подобно вашим девам,
 Когда соперничать в веселых играх
 Сильнейшие сойдутся, я не смею
 Возлюбленного высмотреть себе;
 Движением цветка или смущенным
 Моим лицом его завлечь не смею.
 Где соловьем напоен лес гранат,
 На утренней заре сказать не смею,
 Прижав на грудь его, — что это он.
 Я юношу, избранника души,
 Должна искать в кровавом поле битвы
 И захватить железною перчаткой
 Того, кем нежная томится грудь.

АХИЛЛ.

Откуда, от кого берет начало
 Закон неженственный, — прости меня, —
 И людям, и природе столь противный?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Откуда все святое происходит,
 О юноша: с горы времен, которой
 Никто не посетил, которой тайну
 Закрыло небо облачным дыханьем.
 Праматерей решение это было,
 Сын Нереиды; мы ему покорны,
 Как ты заветам праотцев своих.

АХИЛЛ.

Скажи яснее!

ПЕНТИСИЛЕЯ.

Хорошо. Так слушай.

Там, где владычествуют амазонки,
Богослушные когда-то жили,
Свободные, воинственные скифы.
Любому племени земному равны.
Из рода в род, из века в век считали
Своим Кавказ плодоносящий скифы.
Когда Вексорис, эфиопский царь.
Придя к подножию Кавказа, быстро
Поверг во прах дружины шедших в битву,
Он старцев и детей губил в долинах,
Где их настиг его разящий лук:
Весь целиком погиб могучий род.
А победители вселились дерзко,
Как варвары, в домах у нас; питались
Плодами щедрой нашей почвы; чтобы
Излить на нас всю меру поношенья,
Они нарушили завет любви
И, оторвавши от могилы мужа,
Жену к позорному влачили ложу.

АХИЛЛ.

Губительна была судьба, царица,
Чтоб царству женщин даровать начало.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Но все, что человек снести не в силах,
Мятежно с плеч своих он сбросит; терпит
Он только гнет умеренных страданий.
Лежали жены по ночам, таяся,
Во храме Марса, бились о ступени
И плакали, молясь об избавленьи.
Когда же был назначен день для свадьбы
Вексориса с царицею Танаис,
Сокрыли в опозоренных постелях
Они блестяще-острые кинжалы,
Что сами в очагах своих сковали
Из игл, запястий, пряжек, чтобы ими
Тела гостей облобызать на свадьбе.
В начале пира брачного царица
Супругу в сердце свой кинжал вонзила.
Закончил Марс тот пир за эфиопа,
И в ночь одну кинжалами все племя
Убийц до смерти заласкали жены.

АХИЛЛ

Да, женщины способны это сделать.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

И вот что было решено народом:
 Свободны, словно ветер в чистом поле,
 Свершившие подобный подвиг жены
 И не подвластны больше роду мужей.
 Свое у них да будет государство,
 И в нем уже не станет раздаваться
 Повелевающее слово мужа.
 Закон себе уставят сами жены,
 Самих себя храня и защищая.
 И Танаис да будет там царицей.
 Тот муж, чей взор увидит это царство,
 Сомкнуть свои глаза навеки должен.
 И где еще родится мальчик, в ласке
 Тирана зачатой, его отправить
 За дикими отцами в Оркус надо.
 Арея храм наполнился сейчас же
 Толпою, чтоб великую Танаис
 Венчать защитницей таких порядков;
 В торжественный тот миг, когда она
 К ступеням алтаря пришла — громадный
 Лук золотой, эмблему царства скифов,
 Одним царям доступный только, взять
 Из рук украшенных верховной жрицы,
 Вдруг голос раздался, сказавший так:
 „Будить насмешки мужей только будет
 Такое царство, и падет при первом
 Нашествии воинственных соседей.
 Ведь слабы руки женщин, полнотою
 Грудей стесненные, и силой лука
 Легко, как руки мужей, не управят”.
 Царица призадумалась недолго,
 Смущенная соблазном этих слов;
 Но вдруг, презревши робость тайной мысли.
 Грудь правую оторвала, и женщин,
 Могущих лук натячь, кропила кровью,
 Но, не dokonчивши, без чувств упала.
 Так вот откуда слово „амазонки”!
 Потом венец надели на Танаис.

АХИЛЛ

Клянусь я Зевсом, ей не нужно груди.
 Такая мужей всех бы покорила,
 И я пред ней склоняюсь всей душою.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Молчанием был встречен этот подвиг,
И только слышно было, как со звоном
Из рук верховной жрицы, смертно-бледной
И неподвижной, выпал этот лук.
Огромный, золотой, эмблема власти,
На мраморе ступеней трижды прынул,
Звуча, как колокол, скатился на пол,
И молчаливый, точно смерть, лежал.

АХИЛЛ.

Надеюсь, в царстве жен не подражает
Никто ее примеру?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Нет, конечно,—
Не все так пламенно свершали это.

АХИЛЛ

(с изумлением).

Как! Значит все же? Невозможно!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что ты?

АХИЛЛ.

Чудовищная сказка, значит, правда?
И все эти цветущие обличья
Вокруг тебя, краса и слава женщин,
Блещающие словно алтари,
Пред коими любовь колена клонит,
Позорно так ограблены они?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Ты этого не знал?

АХИЛЛ

(прижимаясь лицом к ее груди).

О ты, царица!

Хранилище нежнейших, юных чувств
Безумно, варварски...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Но будь спокоен.

Сюда переселилися, налево,
Все эти чувства, где им ближе к сердцу.
Надеюсь, ты их все найдешь во мне.

АХИЛЛ.

Предутренние сны правдоподобней,
Клянусь, мне кажется, чем этот миг.
Но дальше...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что?

АХИЛЛ.

Конца ты не сказала.

Как это царство гордых амазонок,
Меж помощи мужей возникнув, может
Без их участия продолжаться? Или
Девкалион порою вам бросает
Одну из глыб своих вниз головою?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Когда, по годовым подсчетам, царство,
Где смерть сбирала дань, царица хочет
Пополнить, то зовет она сильнейших
Из жен...

(Останавливается и глядит на него).

Чему ты улыбнулся?

АХИЛЛ.

Я?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Мне показалось, ты смеешься, милый

АХИЛЛ.

Красе твоей. Рассеян я. Прости.
Подумал я, что ты с луны спустилась

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

(после паузы).

Когда, по годовым подсчетам, царство,
Где смерть сбирала дань, царица хочет
Пополнить, то зовет она сильнейших
Из жен со всех концов своей земли
В столицу, и во храме Артемиды
Мы молим, чтобы в юные их чресла
Был послан плод от семени Арея.
Тот день проходит нежен, тих. Зовется
Он праздником цветущих дев. Мы ждем,
Когда снега растают и лобзанья
Свои весна дарует мирным долам.
Дианы жрица чтимая идет
Во храм Арея и возносит к богу,
Пред алтарем повергшись ниц, мольбы

Мудрейших матерей народа. Если
 Захочет бог молитвы те услышать,—
 А часто он отказывает: горы
 Немного снега отдают долинам,—
 Он нам укажет через жриц своих
 Народ прекрасный, смелый, тот, который,
 Представ пред нами, нам ею заменит.
 Лишь только названы страна и племя,
 Во всех концах начнется ликование.
 Невесты Марса — называют дев,
 Им матери дарят оружие,— стрелы,
 Кинжалы,— все их члены облачают,
 Усердно, с ликованием служа им,
 В железную венчальную одежду.
 Назначен день веселый отправления,
 Раздастся звук смятенных труб, садятся
 Отряды дев, шепчась, на коней; тихо,
 Как-будто стук копыт закутан в войлок,
 В сиянии ночи полем, лесом едут
 К стоянке дальней избранных. Достигнув
 Страны, помедлим у ее границы
 Еще два дня,— животные и люди;
 И, словно огнекрасный вихрь, ворвемся
 В толпу мужей, и вдруг сметаем
 Их, обреченных, падающих, точно
 То семена с вершин деревьев, если
 Их сотрясаешь над родимой нивой.
 В Дианин храм ведем и чтим их там
 Чредой священных празднеств, о которых
 Я только имя знаю,— праздник роз.
 Никто туда под страхом смертной казни
 Войти не смеет, кроме дев избранных,
 Пока цветущий не взойдет посев;
 Потом одариваем их по-царски
 И отправляем в праздник Материнства
 Домой на пышно убранных повозках.
 Но праздник этот вовсе не веселый,
 Сын Нереиды,— многие заплачут,
 И не одно дивится сердце, скорбью
 Охваченное мрачною, как можно
 Танаис прославлять на каждом слове.
 О чем ты думаешь?

АХИЛЛ.

Я?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты.
АХИЛЛ
(рассеянно).

О многом,
Возлюбленная, что в слова замкнуть
Я не могу. Ты и меня отправишь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Не спрашивай. Не знаю, милый.

АХИЛЛ.

Странно!
(Погружается в размышления).
Но ты еще одно мне объясни.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Охотно, друг, отвечу.

АХИЛЛ.

Как понять мне,
Что ты меня преследуешь так рьяно?
Как-будто я тебе знаком.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Конечно.

АХИЛЛ.

Но как?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Над глупою не посмеешься?

АХИЛЛ
(улыбаясь).

И я, как ты, скажу: не знаю.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Слушай.

Узнаешь все. Веселый праздник розы
Я в жизни видела уж двадцать раз
И три, но видела лишь издалика.
И вот из храма средь дубовой рощи,
Когда кончалась мать моя Отрера,
Я слышала веселый крик,—Арей
Избрал меня невестою своею.
По своему желанью никогда
Царевны рода моего не вступят
На праздник тех цветущих дев; сам бог,
Одной из них возжаждав, призывает
Ее к себе устами главной жрицы.
В моих руках кончалась мать, бледнея,

Как раз в тот час, когда в мои палаты
 С великим торжеством был принесен
 Арея зов, — сразившись у Трои,
 Его вести венчанного оттуда.
 Случилось, что нигде наместник бога,
 Желанный для невест, не находился,
 Лишь среди греческих вождей, у Трои,
 Везде звучали радостные крики.
 На площадях повсюду гимны пелись
 О подвигах, — о яблоке Париса,
 О похищении Елены, об Атридах,
 Ладей водителях, о споре мужей
 За Бризеиду, о сожжении лодок,
 О гибели Патрокла и о мщеньи
 Твоем, о тех торжественных поминках
 И обо всем, что в эти дни случилось.
 Я, горькая, слезами обливаясь,
 Лишь половину слышала того,
 Что в смертный час Отрепы мне сказали.
 „Позволь с тобой остаться, — я взывала,—
 И наглядеться на тебя, о мать,
 А эти женщины пускай уходят!"
 Но уж давно великая царица
 Меня хотела видеть в ратном поле,
 Чтоб без наследницы не стал престол
 Честолюбивых происков предметом.
 Она сказала: „Милое дитя,
 Арей зовет, иди, венчай Пелида,
 Будь матерью счастливою, как я".
 Мне сжала нежно руку, и почил.

ПРОТОЭ.

Итак, она тебе назвала имя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как мать, что верит дочери своей,
 Она его назвала мне, Протоэ.

АХИЛЛ.

А что об этом говорит закон?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Не подобает дочери Арея
 Искать противника, — она должна
 Избрать того, кого ей бог откроет.
 Но благо ей, когда она стремится
 Туда, где лучшие стоят. Не так ли,
 Протоэ?

ПРОТОЭ.

Да.

АХИЛЛ

И что ж?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

В слезах томилась

Я долго, — целый месяц, полный скорби,—
У гроба отошедшей, и короны,
Беспарственно лежавшей, не касалась,
Пока меня насильственно не кинул
На трон стократный зов народа: он,
В поход спеша, дворец нетерпеливо
И шумно окружал. Я появилась,
Взволнована мучительной печалью,
Во храме Марса: лук мне дали в руки,
Звнящий символ царства амазонок.
Дух матери носился надо мною,
И самое святое, мне казалось,
Ее последнюю исполнить волю.
Тогда, цветы душистые рассыпав
На саркофаг Отреры, я пошла
Со всею вместе ратью амазонок
К Дарданской крепости, не столько Марсу,
Меня позвавшему к тем стенам богу,
Как матери желая угодить.

АХИЛЛ.

Недолго горе затмевало силу,
Которую твоя делеет грудь.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Любила я ее.

АХИЛЛ.

И что ж?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так сильно,

Что в час, когда мы подошли к Скамандру,
И все долины, где я проносила,
Звучали откликами битв троянских,
Исчезла скорбь; в душе моей возникнул
Великий мир воинственных утех.
Я думала: „Когда бы все предстали
Истории великие мгновенья,
Все повторились, если бы весь стан
Героев тех, которых славят песни,
Сошел ко мне от звезд, — я не нашла бы

В них лучшего, чтоб розами венчать,
 Чем тот, о ком мне мать моя сказала.
 Любимый, дикий, нежный и ужасный,
 Сразивший Гектора! Пелид! Моя
 Мечта всегдашняя в часы дневные,
 Мой вечный сон был ты! Передо мною
 Раскинулся весь мир узорной вязью,
 И каждая петля ее большая
 Один из подвигов твоих являла.
 Я в сердце белом, чистом, словно шелк,
 Цветами пламенными выжгла каждый.
 Я видела, как наземь перед Троей
 Бегущего поверг ты Приамида,
 Как ты, пылая торжеством победы,
 Глядишь вокруг, а по нагой земле
 Влечется, весь в крови, его затылок,
 Как царь Приам перед тобой склонился,—
 И думала я, проливая слезы,
 Что все ж одно, о беспощадный, чувство
 В груди, как мрамор твердой, затрепешет.

АХИЛЛ.

Любимая!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Но что со мною случилось,
 О друг, когда тебя я увидела!
 Когда стоял ты на берегу Скамандра,
 Героями Эллады окруженный,
 Дневное солнце между тусклых звезд!
 Так было бы со мной, когда бы сам он
 На белых конях с грохотом с Олимпа
 Низвергнулся, он сам, мой Марс, бог битв,
 Чтобы приветствовать свою невесту.
 Как ослепленная, перед тобою
 Стояла я, как странник ночью темной,
 Когда блеснет вдруг молния, ворота
 В Элизиум с сиянием и с громом
 Открывши и закрывши пред душою.
 Пелид, я угадала в то мгновенье,
 Какое чувство хлынуло мне в грудь.
 То бог любви меня настиг. Я быстро
 Решилась одного из двух добиться:
 Иль победить тебя, или погибнуть;
 И я теперь сладчайшего достигла.
 Куда ты смотришь?

(Слышен вдали звон оружия).

ПРОТОЭ
(шопотом).

Сын богов, немедля
Ты ей открыться должен, — умоляю!

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(срываясь).

Подруги, близко аргивяне! В битву!

АХИЛЛ
(удерживая ее).

То — пленники. Спокойна будь, царица.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
То — пленники?

ПРОТОЭ
(шопотом Ахиллу).

Улисс, клянуся Стиксом!
Твои, теснимые Мероэ, отступают.

АХИЛЛ
(про себя).

Окаменели б лучше!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Что такое?

АХИЛЛ
(с напускною веселостью).

Ты мне родишь, конечно, полубога!
Пусть Прометей, от ложа своего
Восставши, возвестит земным народам:
Вот человек, какого я желал!
Но не пойду с тобой я в Фемискиру,
А ты пойдешь со мной к цветущей Фтии:
Туда, когда народ мой войны кончит,
Ликующий, я уведу тебя,
И на престоле предков увенчаю.
(Шум продолжается).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Как? Ничего не понимаю!

АМАЗОНКИ
(беспокойно).
Боги!

ПРОТОЭ
Сын Нереиды, хочешь?..

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Что же? Что там?

АХИЛЛ.

Нет, не пугайся ничего, парица.
 Уж близок час, когда и ты узнаешь,
 Какой удел тебе судили боги.
 Да, правда, силою любви я — твой ;
 Носить я буду вечно эти узы,
 Но счастьем бранным ты мне отдана.
 И это ты к моим ногам поверглась,
 Когда в бою мы встретились, — не я.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(загораясь негодованием).

Чудовище!

АХИЛЛ.

Не гневайся, парица!
 Не властен сам Кронион в том, что было.
 Собою овладей, и слушай твердо,
 Что скажет вестник. Кажется, подходит
 Ко мне с какой-то он дурною вестью.
 То весть не для тебя, ты понимаешь,
 Твоя судьба навеки решена,
 Ты — пленница моя, и Цербер даже
 Тебя б не так неистово хранил.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я — пленница твоя?

ПРОТОЭ.

Он прав, парица.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(вздымая руки).

О, силы неба! Вас я призываю!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Входят военачальник, свита Ахилла с его доспехами. Те же.

АХИЛЛ.

Что ты приносишь мне?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Спешу, Пелид!

Переменилось счастье брани; снова
 Оно влечет к победе амазонок.
 Сюда они стремительно несутся,
 И их военный клич: Пентесилея!

АХИЛЛ

(встает; сбрасывает венки).

Оружие сюда! Коней ведите!
Моею колесницей растопчу их!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(дрожащими губами).

Ужасный! Посмотрите! Он ли это?

АХИЛЛ

(дико).

Они еще далеко?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Здесь в долине

Их полумесяц виден золотой.

АХИЛЛ

(вооружаясь).

Увесть ее.

ГРЕК.

Куда же?

АХИЛЛ.

В лагерь греков.

Туда приду я скоро вслед за вами.

ГРЕК

(Пентесилее).

Вставай!

ПРОТОЭ.

Моя царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(вне себя).

Зевс, зачем же

Ты ни одной мне молнии не бросишь!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Одиссей и Диомед с войском. Те же.

ДИОМЕД

(проходя по сцене).

Беги, герой долопский! Прочь отсюда!

Единственный, тебе еще открытый,

Наездницы отрезавают путь.

Спешу.

(Уходит).

ОДИССЕЙ.

Царицу уведите, греки!

АХИЛЛ

(военачальнику).

Алексис, помоги ей, будь мне другом!

ГРЕК

(военачальнику).

Она нейдет.

АХИЛЛ

(прислуживающим ему грекам).

Копье и щит мне дайте!

(Окликает сопротивляющуюся царицу).

Пентесилея!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нереидин сын!

Итти за мной не хочешь в Фемискиру?

Итти не хочешь в этот храм, который

Вздывается над дальними дубами?

Приди, еще не все сказала я.

АХИЛЛ

(облеченный в доспехи, подходит и протягивает ей руку).

Во Фтию, милая.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О, в Фемискиру!

Я умоляю, — в Фемискиру, друг,

Где над дубами храм Дианы виден.

И если б край блаженных был во Фтии,

То все же, все же в Фемискиру, друг мой,

Где над вершинами Дианин храм.

АХИЛЛ

(поднимая ее).

Должна меня простить ты, дорогая;

Такой же храм я у себя воздвигну.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Мероэ, Астерия с войском амазонок. Те же.

МЕРОЭ.

Вали его!

АХИЛЛ

(выпускает царицу и оборачивается)

На бурях вы примчались?

АМАЗОНКИ

(врезаясь между Пентесилеею и Ахилем).
Освободить ее!

АХИЛЛ.

Клянусь моей десницей!
(Хочет увлечь за собою парицу).

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(привлекая его к себе).
За мной не хочешь? Нет?
(Амазонки нацеливают луки).

ОДИССЕЙ.

Безумец! Прочь!
Не место здесь упрямыться. За мною!
(Он увлекает Ахилла прочь. Все греки уходят).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Верховная жрица Дианы со жрицами. Те же без греков.

АМАЗОНКИ.

Царица спасена! Мы победили!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(после паузы).

Будь проклята позорная победа!
Язык, ее хвалящий, проклиная
И воздух, разносящий те слова!
Иль несогласно честным бранным нравам
Ему досталась я на поле битвы?
О, если род людской не подражает
Волкам и тиграм в спорах меж собою,—
Возможен ли, спрошу, такой обычай,
Чтоб сдавшийся, чтоб пленник смел уйти
От победителя и сбросить узы?
Сын Нереиды!

АМАЗОНКИ.

Боги, нас услышьте!

МЕРОЭ.

Прошу тебя, о жрица Артемиды
Достопочтенная, приблизься.

АСТЕРИЯ.

В гнев,
Что мы ее избавили от рабства!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(выступая из толпы женщин).

Теперь сама достойно ты, царица,
 Должна сознаться я, позорной речью
 Деянья дня безумного венчаешь.
 Не только ты презрев обычай, в поле
 Сражения противника искала,—
 Не только ты его не поразила,
 Сама упав пред ним,— не только ты
 Его за то и розами венчаешь:
 На верный твой народ ты негодуешь,
 Порвавший цепь твою, его бежишь,
 И победителя зовешь ты снова.
 Ну что же, дочь великая Танаис,
 Прошу — ошибка то была, не больше,—
 Прощения за быстрый наш поступок.
 Теперь о пролитой жалею крови;
 Из-за тебя потерянных желала б
 От всей души я пленников вернуть.
 Скажу я смело именем народа:
 Стопы направь теперь, куда ты хочешь,
 Беги за ним, одежды развевая,
 За тем, кто заковал тебя в оковы,
 Ему отдаться там, где он разбит был,—
 Так хочет ведь закон войны священный!
 Но мы,—но нам ты разрешишь, царица,
 Войну прервав, стоны свои направить
 Обратно в Фемискиру, в край родимый.
 По крайней мере, мы не можем греков,
 Что там бегут, молить, чтобы остались,
 Или, как ты, держа венок победный,
 Просить их в прах у наших ног склониться.

(Пауза).

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(шатаясь).

Протоэ!

ПРОТОЭ

Милая!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Прошу, останься!

ПРОТОЭ

На смерть, ты знаешь! Что дрожишь, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Нет, ничего, сейчас приду в себя.

ПРОТОЭ.

Велико горе, — встретить его с величием.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Мы потеряли их?

ПРОТОЭ.

Кого, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Весь юный сонм, который мы пленили?

Я виновата?

ПРОТОЭ.

Успокойся. Снова

В иной войне все это ты вернешь нам.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(у ее груди).

О, никогда!

ПРОТОЭ.

Царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Никогда!

Хочу я схорониться в вечном мраке!

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ.

Вестник. Те же.

МЕРОЭ.

К тебе, царица, вестник!

АСТЕРИЯ.

Что за вести?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(слабо радуясь).

Пелид прислал! Ах, что же я услышу?

Протоэ, пусть уходит он!

ПРОТОЭ.

Что скажешь?

ВЕСТНИК.

Меня прислал к тебе Ахилл, царица,

Венчанный камышом сын Нереиды,

Чтоб возвестить тебе через меня:

Тебя желанье гложет, — полонивши

Его, вести к себе в твой край родимый.

Но и в его душе горит желанье
Тебя пленить и увести с собою,—
Так он тебя на смертный поединок
Зовет еще один, последний раз,
Чтоб меч решил, судьбы язык железный,
Перед лицом всеправедных богов,
Кто, ты или он, из вас двоих достоин,
По их святому заключению, в прахе
У ног противника распростереться.
Отважишься ль на этот поединок?

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(быстро побледневши).

Пусть молния спалит тебе язык,
Болтун проклятый, если слово скажешь!
Приятней слушать громыханье камня
В его падении бесконечном в пропасть,
Когда скользит он по отвесным скалам.

(К Протоэ).

Ты повторишь мне это слово в слово.

ПРОТОЭ
(дрожа).

Пелея сын послал его сюда;
Тебя он вызывает снова в поле.
Ты откажись. И „нет!“ — скажи ему.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, это невозможно.

ПРОТОЭ.

Как, парица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пелея сын зовет меня на битву?

ПРОТОЭ.

Сказать мне: „Нет!“ и отпустить его?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пелея сын зовет меня на битву?

ПРОТОЭ.

На битву, госпожа, я так сказала.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Тот, кто всю слабость перед ним мою
Узнал, на бой зовет меня, Протоэ?
Грудь верная моя его взволнует,
Когда ее копьем изранит он?

И что я здесь ему шептала, только
 Как музыка речей ему звучало?
 Не думает о храме под дубами?
 Или моя рука венчала камень?

ПРОТОЭ

Забудь жестокого.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(пылая).

Так хорошо же,
 Найду я сил ему противостать!
 Повергнется он в прах, хотя б хранили
 Его гиганты сами и лапиты!

ПРОТОЭ.

Царица милая!

МЕРОЭ.

Подумай раньше!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(прерывая ее).

Вы пленников своих себе вернете!

ВЕСТНИК.

Согласна ты сразиться?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, согласна.

Пусть он перед лицом богов и фурий,
 Которых я зову, меня встречает.
 (Гремит гром).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Тебя я оскорбить, Пентесилея,
 Могла. Но ты пойми, что скорбь...

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(подавляя слезы).

Оставь!

Увидишь, — ты не даром говорила.

МЕРОЭ.

Достойная, уговори царицу!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ты слышала ль, царица, гневный голос?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Со всеми громами его зову я.

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
(волнуясь).

Царевны!

ВТОРАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Невозможно!

ТРЕТЬЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Нет, не надо!

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(раз'ярьсь).

Сюда, Ананке! Где твои собаки?

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Устали мы. Нет сил.

ВТОРАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Все в беспорядке.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Твои, Тирроэ, где слоны?
ПРОТОЭ.

Царица!
Его собаками, слонами хочешь?...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Серпами блещущие колесницы,
На поле битвы жатву режьте, режьте,
Спешите в шумные ряды жнецов!
А вы людскую ниву молотите,
Чтоб стебель и зерно навек погибли,
Вы, всадницы, вокруг меня сбирайтесь!
Все адское величие войны
Зову сюда, весь ужас, всю погибель!

(Схватывает у одной амазонки лук. Амазонки со сворами собак
Затем слоны, факелы, колесницы и т. п.).

ПРОТОЭ.
Царица милая! Меня послушай!

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(обращаясь к собакам).

Гей, Тигрис, ты мне нужен! Гей, Леене!
Гей, гей, Меламп со спутанною шерстью!
Гей, Акле, лисолов! Гей, Сфинкс! Гей, ты,
Алектор, обгоняющий всех ланей!
Гей, гей, мой Оксус! Вепря ты сильнее!
Гей, Хиркаон! Ты тигра не боишься!
(Сильный удар грома).

ПРОТОЭ.

Царица, вне себя!

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Она безумна!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(опускаясь на колени с видом безумной, меж тем как собаки поднимают ужасный вой).

Тебя, Арея грозного, тебя,
Родоначальник мой, я призываю!
Прошу твоей железной колесницы!
Ты ею разрушаешь, истребитель,
И стены, и ворота городов,
И множества людские топчешь ею.
Прошу твоей железной колесницы!
Легко, легко вскочу я в колесницу,
Схвачу поводья, по полям промчуся,
И, как стрела громовая из тучи,
На грека этого удар обрушу!
(Встает).

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Царевны!

ВТОРАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Эй, безумную держите!

ПРОТОЭ.

Послушай же меня!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(напрягая лук).

Эй, веселее!

Ну что, покорны ли еще мне стрелы?

(Прицеливается в Протоэ)

ПРОТОЭ

(падая ниц).

О, боги! О!

ЖРИЦА

(быстро становясь сзади царицы).

Ахилл зовет!

ВТОРАЯ ЖРИЦА

(также).

Пелид!

ТРЕТЬЯ ЖРИЦА

Здесь, за тобой!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(оборачиваясь).

Где?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Разве то не он был?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, фурии еще здесь не собрались!
За мной, Ананке! Все за мной идите!
(Уходит со всем обозом под сильные удары грома).

МЕРОЭ

(поднимая Протоэ).

Ужасная!

АСТЕРИЯ.

За ней спешите, девы!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(смертельно бледная).

О, боги вечные! Что с нами будет?
(Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Ахилл, Диомед, затем Одиссей, позже вестник.

АХИЛЛ.

Послушай, Диомед, будь друг, — ни слова
Изо всего, что я тебе открою,
Не говори ворчливому Улиссу.
Противно, тошно мне бывает, если
Усмешку на его губах увижу.

ДИОМЕД.

Послал ли ты к ней вестника, Пелид?
Ужель послал?

АХИЛЛ.

Тебе признаюсь, друг.
Но ты не возражай мне, понимаешь?
Влюбилась эта странная царица,
И фурия, и грация, в меня.
На зло всем женщинам Эллады, — Стиксом
Клянусь и всем Гадесом! я влюблен.

ДИОМЕД.

Что?

АХИЛЛ.

Да. Но хочет сказка, ей святая,
Чтоб я был их мечом в бою повержен.
Иначе ей нельзя меня любить.
И я послал...

ДИОМЕД

Безумец!

АХИЛЛ

Нет, ты слушай!

Чего не видел ты на свете сам
Своими синими очами, в мыслях
Того себе представить ты не можешь.

ДИОМЕД

Ты хочешь? Да?

АХИЛЛ

(после паузы).

Чего же я хочу?

Ну, что ж ужасного ты в этом видишь?

ДИОМЕД

Ее на бой ты вызвал только ради
Того, чтоб ей?...

АХИЛЛ

Тучегонитель видит,

Она мне не опасна! Верь, скорее
Ее рука с ее сразится грудью
И, сердце ранив, вскрикнет о победе,
Чем на меня поднимется! На месяц
Хочу ее покорствовать желанью,
На месяц, на два, только; от того
Из'еденный волнами перешеек
Ведь не обвалится. Потом свободен,—
Она сама сказала мне, — я буду,
Как дичь в лесу. Когда пойдет за мною,
Клянусь Юпитером! я буду счастлив
И возведу ее на трон отцовский.

(Входит Одиссей).

ДИОМЕД

Сюда, Улисс, прошу тебя.

ОДИССЕЙ

Пелид!

Царицу вызвал ты на поле брани.
Ты хочешь утомленные войска
Сомнительному жребию подвергнуть?

ДИОМЕД

Не в жребии тут дело и не в битвах;
Он просто хочет в руки ей отдаться.

ОДИССЕЙ.

Что

АХИЛЛ

(кровь бросается ему в голову).

Убери свое лицо, прошу я!

ОДИССЕЙ.

Он хочет?

ДИОМЕД

Слышишь сам. Разбить ей шлем,
Борцу подобно, злобою пылая,
Ударить в щит, чтоб сыпалися искры,
И все затем, чтоб, словно побежденный,
Упасть безгласно к маленьким ногам.

ОДИССЕЙ.

Да не с ума ль он сходит, сын Пелея?
Ты слышал, что он?..

АХИЛЛ

(сдерживая себя).

Я прошу тебя,

Не распускай ты губ своих, Улисс!

Клянусь богами праведными, эти

Твои слова меня на драку тянут.

ОДИССЕЙ

(гневно.)

Клянусь Копитом огненным! Хочу я

Узнать, солгали уши мне, иль нет!

Тидея сын, теперь тебя прошу я

Мне с клятвой подтверди, чтоб ясно понял

Я все, о чем хочу тебя спросить.

Пелид парице в плен отдаться хочет?

ДИОМЕД

Ты слышал сам.

ОДИССЕЙ.

Он хочет в Фемискиру?...

ДИОМЕД

Ну, да.

ОДИССЕЙ.

И наш эллинский спор за город
Дарданцев он, безумный, хочет бросить,
Как детскую игру, на произвол
Судьбы, игрой поярче увлеченный?

ДИОМЕД.

Юпитер видит!

ОДИССЕЙ

(скрепчивая руки).

Не могу поверить!

АХИЛЛ.

Он говорит о Трое!

ОДИССЕЙ.

Что?

АХИЛЛ.

Ну, что?

ОДИССЕЙ.

Сказал ты что-то!

АХИЛЛ.

Я?

ОДИССЕЙ.

Да, ты.

АХИЛЛ.

Сказал:

О Трое говорит он.

ОДИССЕЙ.

Да, конечно!

Как одержимый, спрашиваю, разве
Весь спор эллинский о дарданских стенах
Уж позабыт, как сон передрагветный?

АХИЛЛ

(подходя к нему).

О, Лаэртид, когда б дарданский город
Вдруг опустился так, чтоб голубое
На этом месте озеро плескалось;
Когда б рыбак седой при лунном свете
Челнок привязывал к вершинам башен;
Когда бы шука воцарилась в доме
Царя Приама, или пара гадин
Елены ложе стала б осквернять, —
Я так же бы остался равнодушен.

ОДИССЕЙ.

Клянусь я Стиксом! Говорит он твердо!

АХИЛЛ

Клянусь я Стиксом! Гадесом! Лернейским
Болотом! миром верхним, миром нижним,
И всяким третьим, — я решился твердо.
Хочу Дианин храм я увидеть!

ОДИССЕЙ

(почти на ухо Диомеду).

Не отпускай его, о Диомед,
Когда его ты любишь!

ДИОМЕД

Я? Еще бы!

Ты тоже? Ну, так дай свои мне руки!

(Вестник входит).

АХИЛЛ

Ну, что? Согласна? Что? Скажи, согласна?

ВЕСТНИК

Да, Нереидин сын, она согласна.
Подходит уж; но с ней слоны, собаки
И шайка целая наездниц диких.
Зачем они при поединке, странно!

АХИЛЛ

Отлично. Дань обычаю. За мною!
Клянусь богами вечными, забавна!
С собаками?

ВЕСТНИК

Ну да.

АХИЛЛ

И со слонами?

ВЕСТНИК

И посмотреть, Пелид, так ужаснешься.
Когда бы на Атридов нападать
В троянский лагерь шла она, ужасней,
Свирепей ополчения не могло быть.

АХИЛЛ

(в бороду).

Приручены конечно! Все за мною!
О, кротки, как сама она!

(Уходит со свитою).

ДИОМЕД.

Безумец!

ОДИССЕЙ.

Связать, скрутить! Дослушайте же, греки!

ДИОМЕД.

Сюда идут уж амазонки. Прочь!

(Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Верховная жрица, бледная; многие другие жрицы и амазонки.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Сюда веревок, жены!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Мать святая!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Свалите на землю ее! Вяжите!

О Д Н А ИЗ АМАЗОНОК.

Ты о царице говоришь?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О суке!

Руками уж ее не удержать нам!

АМАЗОНКИ.

О, мать почтенная, ты вне себя!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ее сдержать пришли мои три девы,—
Их в ярости повергла в прах; Мероэ,
За то, что на коленях перед нею
Ее молила, нежно именую,
Собаками велела затравить.
А я поодаль стала от безумной;
Она, склонясь, обеими руками
Схватила камень, бешено метнула
В меня свирепый взгляд, и я погибла б,
Когда б в толпе народа не укрылась.

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

О, как ужасно!

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

Жутко мне, подруги!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Вот, с пеной на устах, среди собак
Беснуется теперь, зовет их: — Сестры! —
Их, воющих. Подобная менаде,
Несется по полям и луком машет;
Свор смертоносных, вокруг нее бегущих,
Злость разжигает на поимку дичи,
Какой, — кричит, — земля еще не знала.

АМАЗОНКИ.

Аида боги так ее карают!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Проворней же, о, дочери Арея,
На перекрестке растяните сети,
Прикройте хворостом, и только ступит
Ее нога в петлю, ее валите
На землю вы как бешеного пса.
Связав, ее отправим в Фемискиру
И попытаемся спасти царицу.

ВОЙСКО АМАЗОНОК

(за сценою).

Победа! Слава! Слава! Взят Ахилл!
Герой в плену! Венком из роз готова
Уже его царица увенчать!
(Пауза).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(от радости сдавленным голосом).

Я не ослышалась?

ЖРИЦЫ и АМАЗОНКИ.

Благие боги!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Не ликования ли это крики?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Высокочитмая, то — крик победы.
Блаженной вести я еще не знала!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Кто принесет мне вести?

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

Тэрпи, живо!

Скажи, что видишь ты на том холме?

АМАЗОНКА

(перед этим взобравшаяся на холм, в ужасе.)

О, сумрачные боги ада, вас

Зову в свидетели! О, что я вижу!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ну что ж? Медузу, что ли, увидала?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Что видишь? Говори!

АМАЗОНКА

Пентесилея

Ползет, с жестокими смешавшись псами,

Людской забыв свой облик, разрывает

Ахилла тело, в клочья разрывает.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, ужас! ужас!

ВСЕ.

Страшно!

АМАЗОНКА

Вот идет

Сюда, как мертвая бледна, и с нею

Решение кровавой той загадки.

(Сходит с холма).

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Мероэ. Те же.

МЕРОЭ.

О, слушайте меня, святые жрицы

И непорочные Арея дщери:

Я — словно африканская горгона.

От слов моих вы в камень превратитесь.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Скажи нам вести злые.

МЕРОЭ.

Вам известно, —

К любимому навстречу устремилась,

Всем бранным ужасом вооружась,
 Она, которую назвать мне страшно.
 В смятении молодых своих страстей
 И в пламенном желаньи обладать им,
 Окружена слонами, воющими псами,
 И лук держа в руке, туда явилась.
 Война не так дика, не так отвратна,
 Когда, свирепствуя средь граждан, входит
 Она, обрызганная кровью тень
 Страдания и страха, и возносит
 Над процветаньем городов свой факел.
 Ахилл, как уверяют в войске, вызвал
 Ее нарочно в бой, чтоб добровольно
 В бою отдаться ей, — о, неразумный!
 И он ее, — как всемогущи боги! —
 Любил, плененный юностью ее;
 За ней хотел идти он в храм Дианы.
 Предчувствий сладких полн, идет он к ней,
 Друзей далеко позади оставив.
 Но вот она с своей ужасной стаей
 Напала на него, а он для виду
 Невинно лишь копьем вооружился.
 Он слушает, вращая стройной шеей,
 Бежит в испуге, — вот стоит, — вот снова
 Бежит как молодой олень, в ущельи
 Услышав дальний рык свирепый, львиный,
 Зовет чуть слышно: „Одиссей!“ В смятении
 Глядит вокруг, опять: „Тидид!“ взывает,
 И хочет побежать назад, к своим;
 И уж стоит, отрезанный толпою,
 И руку поднимает, и таится,
 К земле склонясь, несчастный, за сосною,
 Что ветки темные склонила тяжко.
 Тем временем с собаками подходит,
 Охотнику подобная, царица,
 Вокруг леса и горы озирая.
 И вот, когда Ахилл, раздвинув ветви,
 К ее ногам хотел упасть: „Ага! —
 Кричит, — оленя по рогам узнала!“
 И напрягает с силою безумной
 Свой лук, сведя концы до поцелуя.
 Подъемлет лук и целится; стреляет,
 Стрелу вонзает в шею, он упал.
 Народ победным воем разразился.
 Но жив еще несчастнейший из мужей.
 Торчащую из горла далеко

Стрелу он вынимает; на земь
 Упал; поднялся, убежать он хочет,
 Но та кричит: „Ату, Тигрис, Леэне!
 Гей, Сфинкс! Меламп! Дирке! Ату, Гиркаон!“
 Бросается к нему со всею сворой,
 Его за шлем хватает, — о Диана! —
 Подобно суке, с псами заодно,
 Один кусает грудь, другой — затылок,
 И валят так, что почва сотряслась.
 А он, весь в пурпуре своей крови,
 Ее щеки касаясь нежной, кличет:
 „Пентесилея! о, невеста! что ты?
 Так это — праздник роз, обещанный тобою?“
 Ах, львица бы послушалась его,
 Голодная, что за добычей дико
 В пустынях снежных заывая рыщет.
 Она же бьет его, сорвавши панцырь,
 И зубы в белую вонзает грудь,
 И состязается она со псами, —
 Оксус и Сфинкс вонзили зубы справа,
 Она же слева. Кровь струилась с губ
 И с рук ее, когда я подошла к ней.

(Пауза, полная ужаса).

Меня, подруги, выслушали вы,
 Так отвечайте, дайте знак, что живы.

(Пауза).

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

(плача на груди второй).

Такая дева! Чистая такая!
 О Гермия! Искусная в работах!
 Такая в пляске дивная и в пеньи!
 Полна достоинств, прелести, ума!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Нет, не Отрерой рождена! Горгона
 Ее в дворце столицы породила!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

(продолжая).

От соловья она произошла,
 Что в тихой роще жил, где храм Дианы.
 Она качалась на ветвях дубов,
 И щебетала, пела, щебетала,
 И ночь была тиха, и путник слушал,
 И грудь его переполняли чувства.

Она не растоптала червяка
 Ползущего, свивая пятна колец.
 Стрелу, что вепрю поразила грудь,
 Она вернула б, словно очи зверя
 В тоске смертельной звали к милосердию,
 И на колени стать была готова.

(Пауза).

МЕРОЭ.

Теперь безмолвно, ужасом полна,
 Стоит над трупом. Кровь собаки лижут.
 Победоносный лук за плечи бросив,
 Вперила взор, как-будто в лист пустой,
 В безбрежность пред собою, и молчит.
 Нам ужас косы зыблет. В вопрошаем,—
 Что сделала? Молчит. Нас узнаешь ли?
 Молчит. За нами ты пойдешь? Молчит.
 Меня об'емлет ужас, — к вам бегу я.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Пентесилея. Труп Ахилла, покрытый красным ковром. Протоэ и прочие.)

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Смотрите же, смотрите! Вон, идет,
 Ужасная, увенчана крапивой,
 И с ней боярышника стеблей тощих,
 Как лавр, вплела себе. Идет за трупом,
 Привесив лук торжественно, но гнусно,
 Как будто смертный враг сражен был ею!

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

О, эти руки!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Отвернитесь, девы!

ПРОТОЭ

(падая на грудь верховной жрицы).

О, мать моя!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(с отвращением).

Диану призываю,—

Я не виновна в этом мерзком деле.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Становится перед верховной жрицей.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Кивает ей, смотрите!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Дочь Гадеса!

Прочь, гнусная! Сокройся! Покрывало

Возьмите это, и ее покройте.

(Срывает с себя покрывало и швыряет его парице в лицо).

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

О, словно труп живой, она недвижна!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Кивает головой...

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

Кивнула снова...

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Кивает вниз, глядит под ноги жрицы.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Смотрите!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

От меня чего ты хочешь?

Ступай к воронам, призрак! Прочь! Исчезни!

Твой взгляд всю радость жизни убивает.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Ну, поняли ее.

АМАЗОНКИ.

Теперь спокойна.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Пелида надо, так она хотела,

К ногам верховной жрицы положить.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

Но почему к ногам верховной жрицы?

ЧЕТВЕРТАЯ АМАЗОНКА.

Что думает она?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Что это значит?

Что значит труп передо мной? Пусть горы

Непроходимые его покроют

И вместе память о твоём деянии!

Людских имен не стоишь ты! Иль скажешь,

Что я тебя на ужас тот подвигла?

Когда из нежных уст любви исходит
Приказ к свирепостям, то пусть примчатся
К нам фурии нас кротости учить.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

И все, и все она глядит на жрицу!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

В лицо ей прямо.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

Пристально и твердо,
Как бы насквозь ее увидеть хочет.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Иди, Протоэ, я прошу тебя,
Веди ее, — быть с нею не могу я.

ПРОТОЭ

(плача).

О, горе мне!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Решись!

ПРОТОЭ.

Ее деянье
Чрезмерно гнусно; дай мне здесь остаться.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Утешься. Вспомни мать ее. Иди же,
Ей помоги, и уведи ее.

ПРОТОЭ.

Нет, не хочу ее больше видеть!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА,

Рассматривает тонкую стрелу!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Вертит ее и крутит!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

Измеряет!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Не эта ли стрела его сразила?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Да, верно.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Как от крови очишает!
Как пятна все до одного стирает!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Что думает она при этом?

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Перья

Стрелы как гладит, крутит, как ласкает!
Так бережно! Вот, все теперь в порядке.
О, посмотрите ж!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Так она всегда?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

И прежде так же было?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Лук и стрелы

Своими чистила руками часто.

ВТОРАЯ ЖРИЦА

О, чтילה их, уж что и говорить!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Теперь с плеча колчан она снимает,
Стрелу в свое обратно ставит ложе.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Теперь готова.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Сделала уж все.

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Теперь опять на мир она взирает.

МНОГИЕ ЖЕНЩИНЫ

(сразу).

О, скорбный взор! Недвижный, как пустыня
Песчаная, бестравная навеки!
Сады, сожженные горящей лавой,
Извергнутой из жарких недр земли
На все цветения ее же лона,
Яснее все же, чем ее лицо.

(Пентесилея сотрясается вся вдруг от ужаса, роняет лук).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, страшная!

ПРОТОЭ

(в испуге).

Ну, что еще случилось?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Из рук ее упал на землю лук!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Колеблется!

ЧЕТВЕРТАЯ АМАЗОНКА.

Звенит, кружит, упал!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Трепещет на земле.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

И умирает,

Как-будто родила его Танаис.

(Пауза).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(внезапно обращаясь к Пентесилее).

Прости меня, великая парипа!

Диана вечная тобой довольна,—

Ты укротила снова гнев ее.

И основательница царства женщин,

Великая Танаис, утверждаю,

Свой лук достойней не употребила б.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Молчит.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Глаза раскрыты.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА.

Поднимает

Окровавленный палец. О, смотрите!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

О, этот взор! Как нож, он сердце ранит!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА.

Гляди, слезу смахнула.

ВЕРХОВНАЯ Ж Р И Ц А

(снова припадая на грудь Протоэ).

О Диана!

Что за слеза!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

О, это — та слеза,

Что в грудь людскую падает глубоко,
И бьет во все набаты чувств земных,
И восклицает: „Горе! горе!“ чтобы
Весь род ее, легко подвижный, хлынул
Из глаз и, в озера собравшись, гибель
Ее души оплакивал бы там.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(с горечью).

Так вот, не хочет ей помочь Протоэ,
И здесь она должна с тоски погибнуть.

ПРОТОЭ

(борется с собою . Затем приближается к царице, и прерывистым
от слез голосом):

Не хочешь ли прилечь, моя царица!
Приди на верной груди отдохнуть.
Ты в этот страшный день сражалась долго,
Страдала много, — от страданий многих
Приди на верной груди отдохнуть.

(Пентесилея озирается, словно ища где сесть).

ПРОТОЭ.

Несите ж ей... вы видите, устала...

(Амазонки подкатывают камень. Пентесилея опускается на него.
Протоэ держит ее за руку. Затем садится и Протоэ).

ПРОТОЭ.

Меня узнала, милая?

(Пентесилея смотрит на нее, и взгляд ее слегка оживляется).

ПРОТОЭ.

Протоэ,

Которая тебя так нежно любит.

(Пентесилея нежно гладит ее щеки).

ПРОТОЭ.

Перед тобой склониться сердце жаждет
И хочет слез...

(Целует царицыну руку).

Ты очень утомилась?
 Ты ремесло свое не утаишь.
 Не пачкать рук, не будет и победы.
 По мастерской и мастеру наряд.
 Но все же, если б ты теперь почмыла
 Лицо и руки? Принести воды?
 Царица милая!

(Пентесилея оглядывает себя и кивает).

ПРОТОЭ.

Ну да, согласна.

(Делает знак амазонкам. Те идут за водою).

Тебе поможет это, освежит,
 И, на коврах прохладных протянувшись,
 Ты от дневной работы отдохнешь.

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Ее водой обрызгнуть, — посмотрите,
 Придет в себя.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Конечно, я надеюсь.

ПРОТОЭ.

Надеешься? Я этого боюсь.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА
 (видимо раздумывая).

Боишься! Почему? Хотя и трудно,
 Но только нужно было б труп Ахилла...

(Пентесилея бросает на нее молниеносный взгляд).

ПРОТОЭ.

Оставь!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Нет, нет, царица, ничего!
 Не бойся, все останется как было.

ПРОТОЭ.

Сними свой лавр, — твое чело он ранит.
 Что победила ты, ведь все мы знаем.
 И шее дай свободу. Так! Смотри!
 Вот рана, и глубокая! Бедняжка!
 Тебе все это не легко досталось,
 Зато теперь ты можешь ликовать!
 О Артемида!

(Две амазонки приносят большую, плоскую мраморную чашу,
 наполненную водою).

ПРОТОЭ.

Здесь поставьте чашу.

Я омочу чело твое, — позволишь?

Не испугаешься? Что делать хочешь?

(Пентесилея соскальзывает со своего места, опускаясь на колени перед чашею, и льет себе на голову воду).

ПРОТОЭ.

Смотри-ка! Ты — проворная, царица!

Тебе так легче стало?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(оглядываясь):

Ах, Протоэ!

(Снова обливается водою.)

МЕРОЭ

(радостно).

Заговорила!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Боги!

ПРОТОЭ.

Так, отлично!

МЕРОЭ.

Вернулась к нам и к жизни!

ПРОТОЭ.

Превосходно!

Всю голову ты в воду опусти.

Так, так! Еще! Как лебедь молодая!

МЕРОЭ.

О, милая!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Как голову склонила!

МЕРОЭ.

Как с головы ее вода струится!

ПРОТОЭ.

Теперь готова ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ах, как чудесно!

ПРОТОЭ.

Теперь пойдем назад, на место сядем.

Скорей мне валли покрывала, жрицы,

Чтоб высушить намокшие ей кудри!

Твое, Фания! Тэрпи! Живо, сестры!
И голову, и шею ей покроем,—
Так, так! Теперь на место поведем.

(Покрывает царицу, помогает ей сестр и крепко прижимает к груди).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что я?..

ПРОТОЭ.

Все хорошо. Иль нет?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(шепчет).

Прекрасно.

ПРОТОЭ.

Родная! Милая! О, жизнь моя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Уж я в Элизиуме? Да? Скажите!
Ты — не одна ль из вечно-юных нимф,
Которые царице чтимой служат,
Когда она, окружена дубравным
Шептаньем тихим, в грот хрустальный сходит?
И, чтоб меня порадовать, ты облик
Моей Протоэ милой приняла?

ПРОТОЭ.

Нет, славная моя царица, нет же.
Здесь я, твоя Протоэ, что тебя
В объятьях держит; то, что здесь ты видишь,
То — мир еще наш бранный, на который
Лишь издалека вечные взирают.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так, так. Ну, что же, хорошо. Что ж делать!

ПРОТОЭ.

Что, госпожа моя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, я довольна.

ПРОТОЭ.

Любимая, тебя нам не понять.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Живу, и рада. Отдохнуть мне дайте.

(Пауза).

МЕРОЭ.

Как странно!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Что за странный оборот!

МЕРОЭ.

Когда бы выпытать ее искусно!

ПРОТОЭ.

Но что же вызвало в тебе виденье,
Что ты уже спустилась в царство теней?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(после паузы, судорожно).

Так хорошо мне, сестры, так блаженно!
Смотри, Диана, к смерти я созрела!
Хоть и не знаю, что со мной здесь было,
Но умереть могу я, твердо веря,
Что здесь Пелида победила я.

ПРОТОЭ

(тихо верховной жрице).

Теперь скорей бы труп убрать!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(быстро приподнимаясь).

Протоэ!

Ты с кем?..

ПРОТОЭ

(так как обе уносящие все еще медлят).

Скорей, безумные!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Диана!

Так это правда?

ПРОТОЭ.

Милая, о чем ты?

Сюда! Сдвигайтесь!

(Делает знак жрицам закрыть своими телами поднятый труп).

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(радостно подносит руки к лицу).

О, святые боги!

Мне духу не хватает оглянуться.

ПРОТОЭ.

Что ты задумала? Что думаешь, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(оглядываясь).

Ты притворяешься.

ПРОТОЭ.

Клянусь я Зевсом,
Владыкой вечным в небесах!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с возрастающим нетерпением).

О девы,

Так не толпитесь!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(вмешиваясь в толпу женщин, тесно окружающих труп).

Милая парица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(поднимаясь).

Диана! Почему нельзя? Богиня!
Уже стоял он за моей спиной.

МЕРОЭ.

Смотрите! В ужасе она!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(амазонкам, несущим труп),

Постойте!

Что вы несете? Знать желаю я.

(Пробивается сквозь толпу женщин к трупу).

ПРОТОЭ.

Не спрашивай, о, милая парица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Здесь он, о девы? Это — он?

ОДНА ИЗ НЕСУЩИХ

(опуская труп).

О ком ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Возможно это, я признать готова.
Да, ласточке могу подбить крыло я,
Чтоб можно было вылечить крыло;
Оленя стрелами гоню я в рошу.
Но у стрелка коварное искусство,
И если выстрел метить в сердце счастья,
То боги злобные направят нашу руку.
Попала я так метко? Это он?

ПРОТОЭ.

Олимпа грозной силой заклинаю,
Не спрашивай.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О, если б эти раны
Зияли мне навстречу адской пастью,
Я все-таки хочу их видеть.

(Поднимает ковер).

Кто же
Из вас, ужасные, свершил все это?

ПРОТОЭ.

Не знаешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Артемиды! О святая!
Теперь твое дитя совсем погибло!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Вот упадет сейчас!

ПРОТОЭ.

О боги, боги!
Зачем отвергла ты мои советы!
Несчастная, тебе бы лучше было
С рассудком, погруженным в тусклый сумрак,
Скитаться всюду вечно, вечно, вечно,
Чем этот страшный день увидеть ныне!
Любимая, послушай!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О царица!

МЕРОЭ.

Разделят скорбь твою десятки тысяч!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Бодрее будь!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(почти оправившись).

Кровавых роз избыток!
Венок из ран на голове Пелиды!
На празднестве червей завянут почки,
Что свежий дух могилы разливают!

ПРОТОЭ

(нежно).

И все ж любимую надет венок!

МЕРОЭ.

Но слишком крепко.

ПРОТОЭ.

Терниями розы
Вонзила, чтобы вечен был венок.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Уйди!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Лишь это я хочу узнать,
 Которая ж глумилась так безбожно!
 Уж не спрошу я, кто сразил живого,
 Клянусь в том вечно юными богами!
 Она уйдет свободнее, чем птица.
 Но кто убитого убил, спрошу,
 И дай на это мне ответ, Протоэ!

ПРОТОЭ.

Как, госпожа моя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пойми меня,—
 Я не хочу знать, кто из этой груди
 Похитил искру Прометея. Просто
 Я не хочу, и все, — таков мой нрав:
 Простится это ей, бежать позволю.
 Но кто, Протоэ, в этом грабеже
 Кошунственно избег открытых входов,
 Сквозь стены снежно-белых алебастров
 Ворвавшись в храм; кто юного героя
 И полубога так обезобразил,
 Что жизнь и тление уже не спорят
 Из-за него; что сострадание даже
 Не плачет, и бессмертная любовь
 Сама, подобно женщине продажной,
 Неверной в смерти, лик свой отвращает?
 Вот ей хочу я метить. Ну, говори же!

ПРОТОЭ

(верховой жрице).

Что я могу безумной возразить?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ну что ж, услышу я?

МЕРОЭ.

Моя царица,
 О, если облегчится скорбь твоя
 Возмездием, когда ты мщенья хочешь,
 То здесь мы все стоим, казни любую.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пожалуй, скажут, я виновна в этом?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(боязливо).

А кто ж, несчастная, когда не ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты — дьяволица в светлом одеянии,

Ты смеешь?..

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Я Диану призываю!

В толпе тебя обставшей, кто не скажет,—

Спроси! — твоя стрела его настигла.

И если бы — о небо! — лишь стрела!

Когда упал он, на него в смятении

Рассудка дикого напала ты

Со всеми псами вместе и терзала,—

Мои уста трепещут произнести,

Что ты свершила. Нет, молчи! Уйдем.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пусть это мне сперва Протоэ скажет.

ПРОТОЭ.

Не спрашивай, о, милая царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что? Я? Его? С моими псами вместе?...

Руками слабыми моими я?..

И этим ртом, созревшим для лобзаний?

Но для того ль я создана, чтоб друга?..

Они бы весело друг другу помогали,

Уста и руки, руки и уста?

ПРОТОЭ.

О, милая царица!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Горе, горе!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, слушайте, вы мне не доказали,

И если б молния во тьме чертила,

И громовой раскат мне повторил,

То я обоим крикнула бы: лжете!

МЕРОЭ.

Ну что же, в это верь как в твердость гор,

Не мы в тебе разрушим эту веру.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Но как же, как же он не защищался?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Любил тебя, несчастная, он! Пленным
Хотел тебе отдаться, вот и вышел,
Затем и к бою вызвал он тебя!
Пришел он, полный сладких упований,
Чтоб за тобой итти во храм Дианы.
А ты...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так, так.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Сразила.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Растерзала.

ПРОТОЭ.

Царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Или иначе то было?

МЕРОЭ.

Ужасная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Зацеловала?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Небо!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Зацеловала? Нет? Терзала? Что же?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Увы! скажу тебе. Беги, царица,
Пушай тебя сокровит вечный мрак!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ошибка то. Лобзанье и терзанье
Рифмуют. Кто сердечно, верно любит,
Одно принять сумеет за другое.

МЕРОЭ.

О боги, помогите.

ПРОТОЭ

(схватывает ее).

Прочь!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пустите!

(Сбрасывает покрывало и опускается на колени перед трупом).

Несчастнейший из мужей, ты простишь мне!
 Напрасно я дала обет Диане,
 Над быстрыми устами я не властна.
 Теперь скажу я просто, что хотела:
 Тебя любила. Больше ничего.

(Целует его).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ведите прочь!

МЕРОЭ.

Здесь нечего ей делать.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как часто, обнимая шею друга,
 Она твердит: люблю тебя так сильно,
 Что от любви и с'есть тебя готова.
 И только скажет, глупая, постигнет
 Весь смысл, и уж сыта до отвращения.
 Тебя, любимый, я не обманула.
 Смотри: от слова и до слова точно,
 Тебя обнявши, все я совершила.
 Не столь безумна я, как то казалось.

МЕРОЭ.

Ужасная, что говорит.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Возьмите

Ее! Ведите же!

ПРОТОЭ.

Пойдем, царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(дает себя поднять).

Да, да, иду.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Пойдешь ты с нами?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

С вами? Нет.

Ступайте в Фемискиру, наслаждайтесь,
 Коль можете, там счастьем...
 Желаю счастья больше всех Протоэ...
 И всем вам...

И... доверяю вам, но чтоб никто не слышал,
 Прах Танаис, — развеите ветром.

ПРОТОЭ.

А ты, моя родная?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я-то?

ПРОТОЭ.

Ты!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Тебе скажу, Протоэ, — от закона
Наездниц отрекаюсь я
И следую за юношей Пелидом.

ПРОТОЭ.

Что говоришь, царица?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Горе, горе!

ПРОТОЭ.

Ты хочешь?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Думаешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Конечно!

МЕРОЭ.

Небо!

ПРОТОЭ.

Так дай тебе сказать, моя родная...
(Хочет отнять у нее кинжал).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ну, что ж? Чего за поясом ты ищешь?

Так. Погоди, не сразу поняла.

На, вот кинжал.

(Вынимает кинжал из-за пояса и передает его Протоэ).

И стрелы хочешь тоже?

(Снимает с плеч колчан).

Вот высыплю тебе я весь колчан.

(Вытряхивает стрелы).

Хотя, пожалуй было бы прекрасно...

(Подбирает некоторые из них).

Вот эта? Или нет? Вот эта?

Да, эта! Правда, все равно! Возьми!

Возьми себе все стрелы!

(Собирает весь колчан и снова отдает его Протоэ).

ПРОТОЭ.

Дай сюда!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Теперь я в глубину души спускаюсь,
Как в шахту. Там, холодное железо,
Я чувство нахожу уничтоженья.
Его очищу пламенем тоски,
И сталь скую, и напитаю ядом
Раскаянья, насквозь горчайшим ядом.
На вечной наковальне упований
Я заострю, я отточу кинжал,
И этому кинжалу грудь подставлю.
Так! Так! Еще! Ну вот и хорошо!
(Падает и умирает).

ПРОТОЭ

(подхватывая парицу).

Скончалася!

МЕРОЭ.

За ним пошла.

ПРОТОЭ.

Ей благо!

Здесь на земле ей не было уж места!

(Кладет ее на землю).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, бренное созданье — человек!
Лежит, — а как еще она недавно
Парила гордо на вершинах жизни!

ПРОТОЭ.

Цвела так гордо, потому и пала.
Выносит бурю омертвельный дуб,
Но крепкий буря сломит и повалит,
Вцепившись в роскошную вершину.

КОНЕЦ.

Перевели с немецкого

Ф. Сологуб и А. Чеботаревская.

КЕТХЕН ИЗ ГЕЙЛЬБРОННА

ИЛИ

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

БОЛЬШОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ РЫЦАРСКОЕ ЗРЕЛИЩЕ

DAS KATHCHEN VON HEILBRONN

ODER

DIE FEUERPROBE

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Император.

Геггард, архиепископ Вормсский

Фридрих Веттер граф фон Штраль.

Графиня Елена, его мать.

Элеонора, ее племянница.

Рыцарь Фламберг, графский вассал.

Готшалк, его слуга.

Бригитта, домоправительница в графском замке.

Кунигунда фон Турнек.

Розалия, ее горничная.

Теобальд Фридеборн, оружейных дел мастер из Гейльбронна.

Кетхен, его дочь,

Готфрид Фридеборн, ее жених.

Максимилиан, бурграф Фрейбургский.

Георг фон Вальдштедтен, его друг.

Рыцарь Шаурман }

Рыцарь Вацлав его вассалы.

Рейнграф фон Штейн, Кунигундин жених.

Фридрих фон Хернштадт }

Эгингардт фон дер Варт } его друзья.

Граф Отто фон дер Флюэ }

Венцель фон Нахтхейм } императорские советники

Ганс фон Беренклау и худьи тайного суда.

Яков Пех, корчмарь.

Три господина из Турнека.

Кунигундины старые тетки.

Мальчик-угольщик.

Ночной сторож.

Рыцари.

Вестник.

Два угольщика.

Слуги.

Гонцы.

Сыщики.

Народ.

Действие происходит в Швабии

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Подземная пещера со знаками тайного суда; освещена одною лампою

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф Отто фон дер Флюэ, председатель, Венцель фон Нахт-хейм, Ганс фон Беренклау, члены суда, графы, рыцари и господа, все в масках. Сыщики с факелами. Теобальд Фридеборн, гейль-броннский обыватель, в качестве жалобщика, граф Венерфом Штраль, в качестве ответчика, стоят перед решёткою.

ГРАФ ОТТО

(вставая).

Мы, судьи высокого тайного суда, мы земные служители бога, передовые крылатой рати, посланой им по облакам, мы, открывающие зло, которое таится в глубинах души, подобно саламандре, недоступное для очей земного правосудия, — мы приглашаем тебя, Теобальд Фридеборн, почтенный и славный оружейных дел мастер из Гейльбронна, принести нам твою жалобу против Фридриха, графа Веттера фон Штраль; ибо, по первому зову священного суда, когда вестник трижды ударил рукоятью меча правосудия в дверь его замка, согласно твоему требованию, он явился и спрашивает, чего ты хочешь.

(Садится).

ТЕОБАЛЬД ФРИДЕБОРН.

Высокие, священные, тайною облеченные господа! Если бы он, на кого я жалуюсь, у меня вооружался, положим, в серебро с голы до ног, или в вороненую сталь, с набедренниками, пряжками и кольцами золотыми, и потом, когда бы я сказал: „Господин, сочтемся!“ ответил бы: „Теобальд! Чего ты хочешь? Я тебе ничего не должен“; или если бы он, представ перед властями, посягнул змеиным языком на мою честь, или, бросившись на меня из тем-

ноты полуночного леса, мечом и кинжалом покушался на мою жизнь, — то, бог мне помоги! я бы на него не жаловался. Я живу на свете пятьдесят три года и так много испытал несправедливости, что от ее жала теперь чувствительность моей души точно панцирем закрыта; куешь, бывало, оружие кой-кому, кого комар укусил, а себе самому и на укус скорпиона скажешь: да ну его! и свое оружие бросишь. Фридрих, граф Веттер фон Штраль, мое дитя обольстил, мою Катерину. Возьмите его вы, земные мстители бога, и передайте его закованным в латы ратям, которые стоят у врат ада и потрясают своими кроваво-красными копьями. Я обвиняю его в мерзком волшебстве, во всех снововках черной ночи и в по-братимстве с сатаной!

ГРАФ ОТТО.

Мастер Теобальд из Гейльбронна! Взвесь хорошенько, что ты говоришь. Ты взводишь на графа фон Штраль, нам доподлинно и с самой хорошей стороны известного, будто он обольстил твое дитя. В колдовстве винишь ты его, надеюсь, не потому, что он отвратил от тебя сердце твоего дитяти? Не потому, что девушку с живым воображением привлек он к себе одним только вопросом, кто она, или даже только единым видом румяных щек, рдеющих под навесом шлема, или какою-нибудь другою снововкою яснаго полудня, тою, что в ходу на любом базаре?

ТЕОБАЛЬД.

Эта — правда, господа, я не видал ночью порою на болоте или на заросшем камышом взморье, или там, где редко ступит нога человеческая, чтобы он бродил и перемигивался с болотными огоньками. Не доводилось мне видеть, чтобы он на вершинах гор, с волшебным жезлом в руке, измерял невидимое воздушное царство, или чтобы он в подземных пещерах, не освещенных ни одим лучом, вышоптывал сквозь пыль формулы заклинаний. Рядом с ним я не видел сатаны и этих, что я ему побратимами считаю, воинство с рогами, хвостами и копытами, как они нарисованы в Гейльбронне над алтарем. Но если вы позволите мне говорить, то я думаю простым рассказом о том, что случилось, того достигнуть, что вы ошалеете и, крича: „Тринадцать наших, чорт четырнадцатый!“ побежите, с вашими тафтяными мантиями и оперенными шляпами, в двери, в лес, который на триста шагов кругом обстал эту пещеру.

ГРАФ ОТТО.

Ну, говори, старый, яростный жалобщик!

ТЕОБАЛЬД.

Прежде всего надобно вам знать, господа, что моей Кетхен в минувшую святую неделю исполнилось пятнадцать лет; здоровая телом и душою, как первый человек, какой только мог родиться;

дита, воистину радость господня, возникшая из пустыни на тихий вечерний отдых моей жизни, как прямо восходящий дым мирры и можжевельника! Существа нежнее, чище и милее искусство вам не выдумает, — хоть на крыльях воображения летите к милым, маленьким ангелам со светлыми очами, среди облаков припадающим к рукам и к ногам нашего господина. Пойдет ли она улицей, по-городскому одетая, на голове соломенная шляпа от желтого лака блестит, душегрейка черного бархата охватывает грудь, серебряная цепочка на шее, так изо всех окон слышен шопот: это — Кетхен из Гейльбронна; Кетхен из Гейльбронна, о, господина, как будто она зачата от небосвода Швабии, и от его лобзаний забеременев, родила ее лежащая под ним страна. Родственники, такие дальние, что и родством забывали считаться, на крестинах да на свадьбах звали ее своею милою сестричкою; в ее именины являлся весь околоток, где мы живем, и теснились, и друг перед другом старались лучше одарить ее. Кто ее хоть однажды увидел и получил от нее мимолетный привет, целую неделю потом поминал ее в своих молитвах, словно она сделала его лучшим. Не считая моего добра, она — владелица имения, которое отказал дедушка ей, внучке своей любимой, чтобы выразить ей свою любовь, и потому она уже, независимо от меня, одна из самых богатых обитательниц города. Пять молодых достойных граждан, крепко очарованных прелестями ее, уже сватались к ней; рыцари, проезжая городом, плакались, что она — не барышня; ах, да будь это так, Восток был бы опустошен, и перлы, и драгоценные камни, привезенные из Аравии, лежали бы у ее ног. Но как ее душу, так и мою сохранило небо от гордыни; и когда Готфрид Фридеборн, молодой земледелец, чья земля об одну межу с ее землею, захотел ее в жены, и она на мой вопрос: „Катерина, хочешь за него?“ отвечала: „Отец! Как, ты хочешь, так и я“, то я сказал: „Благослови вас господа!“ и прослезился, и возликовал, и решил, вот придет опять святая неделя, тогда и в церковь. Вот, господина, она была какай до той поры, как ее у меня этот похитил.

ГРАФОТТО.

Ну? Как же он ее у тебя похитил? Каким способом он сбил ее с пути, которым ты ее вел?

ТЕОБАЛЬД.

Каким способом? Господина, если бы я мог об этом сказать, то это было бы доступно пяти чувствам, и не стоял бы я так перед вами, и не жаловался бы на все эти мне непостижимые пакости ада. Что мне вымолвить, если вы меня спрашиваете, каким способом? Застал ли он ее у колодца, когда она воду черпала, и молвил: „Милая девица, кто ты?“ За столпом ли встал, когда она от всенощной шла, и спросил: „Милая девица, где ты живешь?“ Или

он ночью порою прокрался к ее окну, и, ожерелье на нее надевая, молвил: „Милая девица, где ты почиваешь?" Высоко-освященные господа, этим бы он ее не взял! Не скорее бы и наш спаситель разгадал Иудин поцелуй, чем она такие хитрости. С самого рождения она и в глаза его не видывала; свою спину и на ней родинку, что она от покойницы своей матери получила в наследство, знала она лучше, чем его.

(Плачет).

ГРАФ ОТТО

(после некоторой паузы).

И все же, если он ее соблазнил, странный ты старик, то ведь это случилось когда-нибудь и где-нибудь?

ТЕОБАЛЬД.

Накануне свято-троицина дня, когда он на пять минут вошел в мою мастерскую и заказал мне закрепить ослабевшую железную стяжку доспехов между плечом и грудью.

ВЕНЦЕЛЬ.

Что?

ГАНС.

Средь бела дня?

ВЕНЦЕЛЬ.

Войдя на пять минут в твою мастерскую, чтобы починить нагрудник?

(Пауза)

ГРАФ ОТТО.

Успокойся, старик, и расскажи все по порядку.

ТЕОБАЛЬД

(утирая слезы).

Было часов одиннадцать утра, когда он, с толпою всадников, примчался к моему дому, гремя железным панцирем; спешился, поднялся на лестницу и вошел в мою мастерскую; он низко наклонил голову, чтобы не задеть в дверях султаном на своем шлеме. „Мастер, смотри сюда", сказал он, „я иду против пфальцграфа, который хочет снести ваши стены; от одной охоты с ним сойтись лопнула у меня стяжка; возьми железо и проволоку, да чтобы мне ничего не пришлось снимать, и затяни на мне покрепче". — „Господин! — сказал я: — если ваша грудь сокрушает доспехи, то не удастся пфальцграфу разрушить наши стены"; прошу его сесть на скамью посреди комнаты, и: „Вина!" кричу в дверь, „да свежeproкопченной ветчины на закуску!" и ставлю около него табурет с инструментами, чтобы чинить стяжку. И вот, пока еще на дворе

ржал боевой жеребец и, вместе с коням слуг, рыл копытами землю, так что вздымалась пыль, словно херувим с неба низвергся:—медленно, неся на голове большой, плоский серебряный поднос, на котором поставлены бутылки, стаканы и закуска, открывает девушка дверь, и входит. Теперь что же, — да если бы мне господь бог из облака явился, так я бы так поступил, как тогда она. Поднос, и кубки, и закуски, увидев рыцаря, она роняет; и, смертельно бледная, сложив руки как на молитву, повергается она перед ним, о пол головой и грудью ударяясь, точно ее молния сразила! И тогда я сказал: „Господи, владыко живота моего, что произошло с ребенком?“ и поднимаю ее, — она крепко обнимает меня, пылающее лицо обращает к нему, словно перед нею видение. Граф фон Штраль, взяв ее за руку, говорит: „Чье это дитя?“ Подмастерья и служанки сбежались и вопят: „Спаси, господи! что случилось с девушкой?“ Но так как она, бросив несколько робких взглядов на его лицо, успокоилась, то я подумал, что припадок ее прошел, и принимаюсь с шилом и с иглою за мою работу. Потом я говорю: „Час добрый, господин рыцарь! Теперь вы можете встретиться с пфальцграфом; стяжка вправлена, ваше сердце уж ее не разорвет“. Граф встает; он задумчиво осматривает с головы до ног девушку, которая ему едва по грудь, и нагибается, и целует ее в лоб, и говорит: „Господь да благословит и да сохранить тебя и да ниспошлет тебе мир свой, аминь!“ И вот, только подошли мы к окну, бросается девушка в одно мгновение ока, когда он сел на боевого жеребца, бросается с высоты тридцати футов, с поднятыми руками, на уличную мостовую, как безумная, утратившая все свои пять чувств! И расшибла обе ноги, о, достопочтенные господа, обе нежные ножки, прямо под коленками, словно точеными из слоновой кости. Мне, старому, жалости достойному дураку, в ней хотевшему найти опору для моей убывающей жизни, пришлось ее на своих плечах нести как в могилу; тем временем он — воздай ему, боже! — на лошади, из-за народа, который сбежался толпами, кричит: „Что случилось!“ Вот, лежит она на смертном ложе, пылая огнем лихорадки, шесть бесконечных недель, недвижима. Не говорит ни слова; даже безумие, эта отмычка всех сердец, ее сердца не выдает; никто не мог бы исторгнуть тайны, которая ею овладела. Едва стало ей лучше, она испытывает свои силы, и завязывает свою котомку, и при первом луче рассвета идет к двери. „Куда?“ — спрашивает ее служанка. „К графу Веттеру фон Штраль“, — отвечает она, и убегает.

ВЕНЦЕЛЬ.

Не может быть!

ГАНС.

Убегает?

ВЕНЦЕЛЬ.

И оставляет все?

ГАНС.

Имущество, родину и жениха, с которым она обручилась?

ВЕНЦЕЛЬ.

И не испросив твоего благословения?

ТЕОБАЛЬД.

Убегает, о господи! Оставляет меня и все, с чем ее связывали долг, привычка и природа. Целует меня в глаза, — я еще не успел проснуться, — и убегает; а я ждал, что она мне их закроет.

ВЕНЦЕЛЬ.

Ей богу, удивительный случай!

ТЕОБАЛЬД.

С того дня она за ним, как распутница, в слепой покорности, идет с места на место; к сиянию лица его тянет ее словно пяти-проволочным канатом, захлеснувшим ее душу; над нагими, каждому камню открытыми, стопами короткая юбочка, что ее бедра кроет, по ветру развеивается, и только соломенная шляпа защищает ее от солнечных жал или от злости возмущенной погоды. Куда бы ни увлекал его бег его приключений — через туман ущелий, через пустыню, палимую полднем, через ночь непроходимых лесов — она за ним как пес, над которым много бился его господин; и она, привыкшая спать на мягких подушках, чужавшая узелок на нити в простыне, ее рукою нечаянно туда затканый, теперь ложится она ровно батрачка в его конюшнях и опускается, когда приходит ночь, утомленная, на солому, подостланную для его гордых коней.

ГРАФОТТО.

Граф Веттер фом Штраль! Это верно?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Это правда, государи мои; она идет по моим следам. Когда я оглядываюсь, я вижу два предмета: мою тень и ее.

ГРАФОТТО.

А как объясняете вы себе этот удивительный случай?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

О, неведомые господа тайного судилища! Если чорт затеял с нею игру, то я ему в этом так же нужен, как обезьяне кошачьи лапы; будь я проклят, если он орешек для меня сташил. Хотите поверить просто моему слову, как и в священном писании начертано: да, — да, нет, — нет, — хорошо! Если нет, так я отправлюсь в Вормс и буду просить императора, чтобы он возвел Теобальда в рыцари. А пока я здесь, бросаю ему мою перчатку.

ГРАФ ОТТО.

Вы должны здесь отвечать на наши вопросы! Чем объясняете вы, что она спит под вашей кровлею? Она, которая должна быть в доме, где рождена и воспитана?

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

Недель двенадцать тому назад, по дороге в Страсбург, усталый, в полдневный зной, я заснул под крутым утесом, — и во сне-то я не вспоминал про девушку, что в Гейльбронне выбросилась из окна, — а когда проснулся, она дремлет у меня в ногах, подобная розе, будто ее сдуло с неба. Тогда я говорю слугам, которые лежали тут на траве: „Эй, что за чорт! Ведь это же — Кетхен из Гейльбронна!" Она открыла глаза и повязала себе шляпку, что у нее во время сна скатилась с головы. „Катерина!" зову я: „Девушка! Да ты откуда? В пятнадцати милях от Гейльбронна, далеко на побережьи Рейна!" — „Дело, доблестный господин, зовет меня в Страсбург", — отвечает она, — „страшно мне так одной итти по лесу, и я пристала к вам". Потом я велел подать ей освежиться чего-нибудь, что для мена Готшалк, слуга, возит с собою, и освещаясь: совсем ли поправилась, и что делает отец? И что она в Страсбурге думает делать? Но когда она не говорит чистосердечно правды, — ну, что тебе за дело, — думаю я, даю ей слугу, чтобы проводил ее через лес, вскакиваю на вороного, и уезжаю. Вечером, в гостинице, у страсбургской дороги, хочу укладываться на покой, вдруг приходит Готшалк, слуга, и говорит: „Девушка внизу, и добивается переночевать в моей конюшне". — „К лошадям?" — спрашиваю я. Я говорю: „Если это ей достаточно мягко, меня это не стеснит". И прибавляю, поворачиваясь на постели: „Да подложи ей соломы, Готшалк, и позаботься, чтобы с нею ничего не случилось". На другой день, поднявшись раньше меня, она опять выходит на военную дорогу, и опять ложится в моей конюшне, и ложится ночь за ночью, везде в моем походе идет вперед, точно она принадлежит к моему отряду. Я это снес, государи мои, ради этого седого, угрюмого старика, который требует теперь моего осуждения; ведь Готшалку, такой уж он странный, полюбилась девушка, и он заботился о ней, истинно, как о своей дочери; когда-нибудь пойдет твой путь, думал я, через Гейльбронн, так старик тебя за это отблагодарит. Но когда она и в Страсбурге, в архиепископском замке, оказалась со мною, и я к тому же заметил, что у нее там нет никакого дела, — она совсем обреклась мне, шила и мыла, как-будто никого другого на Рейне для того не было, — так я и подошел к ней однажды, заставши ее на пороге конюшни, чтобы спросить, какое такое дело привело ее в Страсбург. „Вот", — говорит она, — „доблестный господин", — и такой румянец, что я подумал, ее передник займется, вспыхнул на ее лице: „Что же вы спрашиваете? Вы же это знаете!" „Эге!" — думаю я, — „так вот оно

что!" И мигом посылаю гонца в Гейльбронн, к отцу, с такою вестью: Кетхен у меня; я ее поберег; пусть он ее скорее возьмет из замка Штраль, куда я ее отвезу.

ГРАФ ОТТО.

Ну? И что ж?

ВЕНЦЕЛЬ.

Старик не взял девушку?

ГРАФФОН ШТРАЛЬ.

Затем, когда он является ко мне на двадцатый день, чтобы взять ее, я веду его в зал моих предков: замечаю я с удивлением, что он, входя в дверь, опускает руку в кропильницу и водой из нее брызгает на меня. Я не сержусь, — таков уж я по природе, — сажаю его на стул; рассказываю ему откровенно все, что было; из сочувствия к нему объясняю ему, какими способами он мог бы поправить дело, сообразно его желаниям; и утешаю его, и веду его, чтобы передать ему девушку, вниз в конюшню, где она стоит и мое оружие очищает от ржавчины. Как только он стал в дверях и со слезами на глазах протянул руки, чтобы ее обнять, бросается ко мне девушка, смертельно бледная, в ноги, всех святых призывая, чтобы я ее от него защитил. Как соляной столб стоит он, видя это; и прежде чем я опомнился, он говорит, с ужасом глядя на меня: „Это — воплощенный сатана!" — и швыряет мне в лицо шляпу, которую он держал в руках, словно он хотел отогнать ужасное видение, и бежит обратно в Гейльбронн, точно гонится за ним весь ад.

ГРАФ ОТТО.

Ты, чудной старик! Что тебе взбрело в голову?

ВЕНЦЕЛЬ.

Что худого в поведении рыцаря? Что же ему было делать, когда к нему прилепилось сердце твоей безумной дочери?

ГАНС.

В чем тут можно его обвинить?

ТЕОБАЛЬД.

В чем обвинить? О, ты, человек более ужасный, чем выразит слово и поймет мысль, — не тебе ли открылись херувимы, и блеск их, сияющий как майский свет, не тебе ли запал в душу? Могу ли я не дрожать перед человеком, который до того извратил природу чистейшего из созданных сердец, что девушка от отца, который пришел раскрыть ей объятия своей любви, отвращает бледное как мел лицо словно от волка, который хочет ее растерзать? Ну, так господствуй Геката, царица чародейств, над болотными туманами властвующая ночью! Восходите вы, демонические силы,

которые прежде закон человеческий старался искоренять, расцветайте под дыхание колдуний, подымайте свои колосья в лесах, чтобы вершины засохли, и небесные поросли, проросшие в почве, сгнили; струитесь, адовы соки, стекайте из стволов и стеблей, падайте, как водометы, на землю, чтобы выбитый вами чумный чад восходил к облакам; теките и вливайтесь во все протоки жизни и смойте широким потоком накипи невинность и добродетель!

ГРАФ ОТТО.

Он подлил ей яду?

ВЕНЦЕЛЬ.

Ты думаешь, он дал ей околдованный напиток?

ГАНС.

Опиум, который таинственною силою пленяет сердце человека, который его выпьет?

ТЕОБАЛЬД.

Яд? Опиум? Высокие господа, о чем вы меня спрашиваете? Я не откупоривал флягу, из которой он дал ей освежиться под крутым утесом; я не был там, когда она спала в гостинице, в его конюшне ночь за ночью. Как мне знать, подлил ли он ей яду! Надо подождать девять месяцев; тогда вы увидите, что станется с ее молодым телом.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вот-то старый осел! И против него у меня ничего нет, кроме моего имени! Зовите ее сюда; и если она скажет одно слово, от которого хоть чуть пахнет этим вымыслом, так зовите меня графом из вонючей лужи, или еще как вздумается вашему праведному гневу.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же и Кетхен с завязанными глазами, ведомая двумя сыщиками. Сыщики снимают с нее платок и уходят.

КЕТХЕН

(оглядывает собравшихся и склоняет, увидя графа, перед ним колени).

Высокий господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Чего ты хочешь?

КЕТХЕН.

К тебе на суд меня сюда призвали.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Судья — другой. Вон там сидит он. Встань.

Стою здесь я, ответчик, как и ты.

КЕТХЕН.

Мой господин! Ты шутишь.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет! Послушай!

Что предо мной лицо во прах ты клонишь?
Волшебник я, и уж сознался в этом,
И ныне узы, сотканные мною,
Снимаю я с твоей души.

(Поднимает ее).

ГРАФОТТО.

Сюда прошу, девица; стань к решетке!

ГАНС.

Здесь судьи!

КЕТХЕН.

Испытать меня хотите.

ВЕНЦЕЛЬ.

Иди сюда! И здесь держи ответ.

Кетхен становится рядом с графом фон Ш т р а л ь и смотрит на судей)

ГРАФОТТО.

Ну?

ВЕНЦЕЛЬ.

Что ж?

ГАНС.

Тебе угодно потрудиться?

ГРАФОТТО.

Последуешь судейскому приказу?

КЕТХЕН

(про себя).

Они зовут.

ВЕНЦЕЛЬ.

Ну, вот!

ГАНС.

Что ты сказала?

ГРАФОТТО

(с удивлением).

Что случилось с этим странным существом?

(Он и переглядываются)

КЕТХЕН

(про себя).

Закутаны все с ног до головы,
Как-будто это страшный суд!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(пробуждая ее).

О чем мечтаешь, странная девица?
 Приведена ты к тайному суду!
 Я обвиняюсь в этих волхвованьях,
 Которыми твое пленил я сердце,
 Скажи же им, как это все случилось!

КЕТХЕН

(смотрит на него и складывает руки на груди).
 Со мной жесток ты, я могу заплакать!
 Мой благородный господин, скажи мне,
 Твоей служанке, что должна я делать!

ГРАФ ОТТО

(нетерпеливо).

Скажи?

ГАНС.

Ей богу! Слыхано ли это?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(громким голосом).

Иди немедленно вот к той решетке,
 И там на все, что спросят, отвечай!

КЕТХЕН.

Скажи, ты обвиняемый?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ты слышишь!

КЕТХЕН.

Тебя судить вот эти будут люди?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Да.

КЕТХЕН

(подходя к решетке).

О, господа достойные, сойдите
 С своих высоких мест, пусть он там сядет!
 Вот говорю я вам, как перед богом,
 В нем сердце чище этих лат, а ваши
 Пред ним, да и мое, плащей чернее.
 Коль грех тут есть, так он — судья, а вы
 Должны стоять, дрожа, перед решеткой!

ГРАФ ОТТО.

Ты, дурочка, совсем еще ребенок;
 Пророчество пришло к тебе откуда?
 Открыл его тебе какой апостол?

ТЕОБАЛЬД.

Несчастливая!

КЕТХЕН

(заметив отца, идет к нему).

Мой дорогой отец!

(Хочет взять его руку).

ТЕОБАЛЬД

(строго).

Вон там теперь должна ты находиться.

КЕТХЕН.

Не отвергай меня!

(Берет его руку и целует).

ТЕОБАЛЬД.

Взгляни на эти кудри,

Моих сединок ты ль была виною?

КЕТХЕН.

Дня не прошло, чтоб я не вспоминала

Как вьются кудри у тебя. Терпенье!

Не предавайся непомерной скорби:

Ведь если радость кудри может потемнеть,

Ты станешь вновь как юноша цветущий.

ГРАФ ОТТО.

Эй, слуги, взять ее! Сюда поставить!

ТЕОБАЛЬД.

Иди, куда зовут.

КЕТХЕН

(к судьям, когда сыщики приблизились к ней).

Что надо вам?

ВЕНЦЕЛЬ.

Видали ль вы строптивую такую?

ГРАФ ОТТО

(когда она стала у решетки).

Здесь отвечай нам, коротко и ясно,

На все, что спросим, так как совесть наша

Уполномачивает нас судить;

Твоя надменная душа почует это,

Когда ты наказания заслужишь.

КЕТХЕН.

Что знать вам нужно, господа честные?

ГРАФОТТО

Увидя графа Фридриха фом Штраля
 В дому отца, зачем к, его ногам
 Поверглась ты, как падают пред богом?
 И почему, когда он уезжал,
 Ты из окна на улицу метнулась,
 Чуть ноги зажили, пошла за ним
 Сквозь ночь, и ужас, и туман, повсюду,
 Куда бы конь его своих копыт не ставил?

КЕТХЕН

(зардевшись, графу).

Тем людям я должна сказать все это?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Безумная, заклтая ты дура,
 Меня что спрашиваешь? Видно, мало
 Тебе приказа этих вот людей?

КЕТХЕН

(повергаясь во прах).

Из тела душу вынь, коль я ошиблась!
 Что в тишине груди моей возникло,
 Что бог послал, то людям знать не надо;
 Жестоким назову, кто это спросит!
 А ты захочешь знать, ну что ж, скажу, —
 Перед тобой душа моя открыта.

ГАНС.

Как свет стоит, такого не случилось!

ВЕНЦЕЛЬ.

В пыли пред ним лежит...

ГАНС.

Склонив колени.

ВЕНЦЕЛЬ.

Как мы перед спасителем стоим!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(судьям).

Надеюсь, мне в вину ее безумство
 Вы не поставите! Она рехнулась,
 Ведь это ясно, хоть бы разум ваш,
 Равно как мой, и не постиг причины.
 Позвольте, я спрошу ее об этом:
 Поймете сами из моих расспросов,
 Душа моя виновна или нет.

ГРАФ ОТТО

(пытливо глядя на него).

Ну что же! Спрашивайте, граф, посмотрим.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(обращаясь к Кетхен, все еще стоящей на коленях).

Ты можешь, Катерина, мне открыть,

Пойми меня, все тайные мечтанья,

Что в глубине души твоей дремали?

КЕТХЕН.

Все сердце, господин, перед тобою.

Уверен будь во всем, что там живет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Скажи мне коротко и ясно, что же

Тебя влекло покинуть отчий дом?

И чем тебя мои пути пленили?

КЕТХЕН.

Мой славный господин! Ты требуешь так много.

И если б я простерлась так, как ныне

Перед тобой, перед моим сознанием,

Воссевшим на златом судейском троне,

И если б в огненных доспехах страхи

Нечистой совести стояли рядом,

То все ж на то, что спрашиваешь ты,

Мысль каждая ответила б: не знаю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Меня ли, девушка, обманешь ты?

Меня, тебе опутавшего разум?

Взгляну ли я, ты клонишься, как роза,

Свой нежный цвет открывшая для солнца.

Однажды, помнишь, что с тобой я сделал?

С твоей душой и с телом что случилось?

КЕТХЕН.

А. где?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Да где-нибудь.

КЕТХЕН.

Когда ?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Когда-то.

КЕТХЕН.

О, господин мой, помоги!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Помочь,

Чудная ты!

(Сдерживается).

Так ничего не помнишь?

(Кетхен стоит потупившись).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Из всех тех мест, где ты меня встречала,
Ясней которое запало в память?

КЕТХЕН.

Всего яснее Рейн я вспоминаю.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну да. Там было. Это знать хотел я.
Скала над рейнским берегом, где вместе
С тобой в полдневный зной мы отдыхали.
Не помнишь ты, что там с тобой случилось?

КЕТХЕН.

О нет, мой чтимый господин.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Нет? Нет?

Что к жаждущим устам твоим поднес я?

КЕТХЕН.

От твоего вина я отказалась,
И твой слуга Готшальк принес мне воду.
По твоему приказу, из пещеры.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Но за руку тебя я взял? К устам
Твоим приблизил я? Молчишь ты? Что же?

КЕТХЕН.

Когда?

ГРАФФОНШТРАЛЬ

Тогда же.

КЕТХЕН.

Нет, мой господин.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну, позже.

КЕТХЕН.

В Страсбурге?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Быть может, раньшее.

КЕТХЕН.

Моей руки ни разу ты не тронул.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Катрина!

КЕТХЕН
(краснея).

Ах, прости меня. В Гейльбронне.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

Когда?

КЕТХЕН.

Когда отец чинил твой шлем.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

И только?

КЕТХЕН.

Только, господин.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Катрина!

КЕТХЕН.

Руки?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Иль уст твоих, — почем я знаю?

КЕТХЕН
(припоминая).

За подбородок, — в Страсбурге, — я помню.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну?

КЕТХЕН.

Я сидела плача на пороге
И, что ни говорил ты, все молчала.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

А почему молчала?

КЕТХЕН.

Стало стыдно.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Стыдилась? Верно. Ты на мой вопрос
До самой шеи покраснела ярко.
О чем тебя я спрашивал?

КЕТХЕН.

Отец,

Сказал ты, дома, в Швабии, остался,
Тоскуя обо мне, и ты сказал,
Что лошадей в Гейльбронн ты посылаешь,
Так не хочу ли с ними я вернуться.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(холодно).

Об этом говорить не стоит! Где же,
Еще-то где ж тебя встречал я в жизни?
Я навещал тебя порой в конюшне.

КЕТХЕН.

Нет, чтимый господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет? Катрина!

КЕТХЕН.

Меня в конюшне ты не навещал,
И уж ко мне ни разу не касался.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что? Никогда?

КЕТХЕН.

Нет, господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Катрина!

КЕТХЕН

(страстно).

Ни разу, чтимый господин, ни разу!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ну что, видали вы такую лгунью?

КЕТХЕН.

Да не увижу рая, да погибну,
Когда хоть раз!..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(с притворною резкостью).

Божится вот, клянется,
Девчонка глупая, — воображает,
Что бог простит ее румяным щечкам.
А вечером, пять дней тому назад,
В моей конюшне, в сумерках, что было,
Когда уйти Готшальку приказал я?

КЕТХЕН.

О, Иисус! Об этом я забыла!
Ты в замке Штраль пришел ко мне в конюшню.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ну вот! Пришлось признаться! Как же ты
До вечного проклятья добожилась!
Я в замке Штраль к тебе пришел в конюшню.
(Кетхен плачет. Пауза).

ГРАФ ОТТО.

Вы мучите ребенка.

ТЕОБАЛЬД

(растроганный, приближается к ней).

Дочь моя!

(Хочет привлечь ее к себе на грудь).

КЕТХЕН.

Нет, нет.

ВЕНЦЕЛЬ.

По-моему, бесчеловечно.

ГРАФ ОТТО.

Да ничего в конюшне не случилось.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(глядя на нее).

Ей-богу, господа, поверьте чести:
Там я был! Прикажите, разойдемся.

ГРАФ ОТТО.

По-моему, допрашивать ребенка
Нельзя с такою варварской насмешкой.
Пусть вам дала такую власть природа,—
Но то, что делаете вы, ужасней,
Чем было б даже адское искусство.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(поднимая Кетхен).

Что сделал я, то сделал лишь затем,
Чтобы ее достойно возвеличить.
Перед судом

(показывая на пол)

лежит моя перчатка!

Поверьте, господа, она невинна,
И разрешите ей уйти отсюда.

ВЕНЦЕЛЬ.

Не без причины так вы пожелали?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Причины? Я? Надеюсь, не хотите
Вы варварски над нею посмеяться.

ВЕНЦЕЛЬ

(наставительно).

Когда позволите, хотим мы слышать,
Что там в конюшне, в замке Штраль случилось.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Хотите вы?..

ВЕНЦЕЛЬ.

Конечно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(багрово краснея и поворачиваясь к Кетхен).

На колени!

(Кетхен становится перед н и м на колени).

ГРАФ ОТТО.

Вы слишком дерзки, Фридрих граф фон Штраль!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(Кетхен).

Мне отвечай, и больше никому.

ГАНС.

Позвольте! Будем мы ее...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(ей же).

Ни с места!

Здесь только тот судья тебе, кому

Твоя душа свободно покорилась.

ВЕНЦЕЛЬ.

Найдут здесь способ, граф...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(со сдержанным раздражением).

Нет, говорю вам!

Ее неволите вы, чорт возьми!

Достопочтенные, что знать вам нужно?

ГАНС

(вспыльчиво).

Клянусь!

ВЕНЦЕЛЬ.

Такую дерзость нам...

ГАНС.

Эй! Сыщик!

ГРАФ ОТТО

(в полголоса)

Друзья, оставьте! Не забудьте, кто он.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Как-будто он, браня ее притворно,
Сказать заставит.

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ.

Думаю, что так!
Ему мы можем дело предоставить.

ГРАФ ОТТО

(графу фон Штраль).

Спросите, что пять дней назад случилось
В конюшне, в замке Штраль, когда стемнело
И вы уйти Готшальку приказали?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(Кетхен).

Пять дней назад, что вечером случилось
В конюшне, в замке Штраль, когда стемнело
И я уйти Готшальку приказал?

КЕТХЕН.

Мой господин! Прости, в чем я ошиблась;
Теперь во всем признаюсь по порядку.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так. — Я тебя коснулся там, не правда ль?
Призналась?

КЕТХЕН.

Да, почтенный господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

И что же?

КЕТХЕН.

Господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что знать хочу?

КЕТХЕН.

Что хочешь знать?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Скорей, не запинаясь!

Я взял, ласкал и целовал тебя,
И обнял?

КЕТХЕН.

Нет, высокий господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А что же?

КЕТХЕН.

Оттолкнул меня ногою.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ногою? Нет. Так пса не оттолкну я.
Зачем? За что? Что сделала ты мне?

КЕТХЕН.

Когда отец, заботливый и добрый,
Приехал с лошадьми, чтоб взять меня,
К нему спиной я в страхе обернулась
И пред тобой, моля, чтоб защитил ты
Меня, упала в прах я без сознания.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А я тогда толкнул тебя ногою?

КЕТХЕН.

Да, господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вот глупости, ей-ей!
Притворством для отца все это было.
Ведь ты ж осталась в замке Штраль и дальше.

КЕТХЕН.

Нет, господин высокий.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет? Так где же?

КЕТХЕН.

Когда с лицом горящим ты с гвоздя
Снял кнут, за обомшальные ворота
Я вышла и расположилась там
Снаружи, на развалинах стены,
Где в сладостно-пахучей бузине
Свивал, насвистывая, чиж гнездо.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Но я тебя оттуда выгнал псами?

КЕТХЕН.

Нет, господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Когда же ты бежала
Под лай собачий за мои границы,
Я кликнул и соседа — гнать тебя?

КЕТХЕН.

Нет, господин. Зачем сказал ты это?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Нет? Нет? За это господа осудят.

КЕТХЕН.

До этих рыцарей тебе нет дела.
Послал Готшалька ты на третий день
Сказать, что милая твоя я Кетхен,
Но чтоб была разумной и ушла.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

А ты что отвечала?

КЕТХЕН.

Я сказала,
Что терпишь ты чижа - щебетуна
На сладостно-пахучей бузине;
Позволь быть здесь и Кетхен из Гейльбронна.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(поднимая Кетхен).

Вы видите ее здесь, судьи фемы, —
Так поступайте с нами как хотите.
(Пауза).

ГРАФ ОТТО

(с неудовольствием).

Мечтатель сумасбродный, незнакомый
С обычным чарованием природы!
Когда решение ваше, судьи, ясно,
Кончаю, и прошу голосовать.

ВЕНЦЕЛЬ.

Кончать!

ГАНС.

На голоса!

ВСЕ:

Сбирать!

РЫЦАРЬ.

Вот глупый!

Ведь ясно дело. Нечего судить.

ГРАФ ОТТО.

Герольд, возьми свой шлем, собирай шары.
(Герольд ф е м ы собирает шары и подает ш л е м с н и м и графу).

ГРАФ ОТТО

(пересчитав шары).

Ты, Фридрих Веттер, граф фон Штраль, оправдан
Единогласно приговором фемы.

Тебе советую я, Теобальд,
Впредь с жалобой не ранее являться,
Пока улик получше не найдешь.

(К судьям).

Идемте же. Закрито заседание.

(Судьи поднимаются).

ТЕОБАЛЬД.

Высокородные, так он оправдан?
Бог, скажем, создал мир из ничего;
А он, ничем создание уничтожив
И в первый хаос обвалив его,
Не должен ли быть гнусным сатаною?

ГРАФ ОТТО.

Молчи, седой глупец! Не наше дело —
Твоих мечтаний смуту прояснять.
Закрой ему глаза повязкой, сыщик,
И в поле выведи его опять.

ТЕОБАЛЬД.

Что? В поле? Я, беспомощный старик?
А милый мой, единственный ребенок?

ГРАФ ОТТО.

Вам это поручает фема, граф!
Не мало здесь вы дали нам примеров
Могущества; так покажите нам,
Пока мы с вами не расстались, больший,
И старику отцу ее верните.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Все, господа, я сделаю, что можно.
Дитя!

КЕТХЕН.

О, рыцарь!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Любишь ты?

КЕТХЕН.

Сердечно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Обрадуй же меня.

КЕТХЕН.

Чего ты хочешь?

ГРАФ Ф О М ШТРАЛЬ.

За мною не иди! Вернись в Гейльбронн!
Так сделаешь?

КЕТХЕН.

Тебе я обещала.
(Падает в обморок).

ТЕОБАЛЬД

(поддерживая ее).

Дитя мое! Спаси, отец небесный!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(оборачиваясь).

Подай повязку, сыщик!
(Повязывает себе глаза).

ТЕОБАЛЬД.

Будь ты проклят,
Дух василиска смертоокий! Много ль
Еще искусства мне примеров явишь?

ГРАФ ОТТО

(сходя с судейского кресла).

Ну, что тут, господа?

ВЕНЦЕЛЬ.

Она упала.
(Всесмотрят на нее).

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(сыщику).

Веди отсюда!

ТЕОБАЛЬД.

В бездну, сатана!
Пускай ее змеиновласый стражник,
Тебя в преддверии схватив, кудесник,
На десять тысяч сажень глубже бросит,
Стремглав, чем злейшие огни пылают!

ГРАФ ОТТО.

Молчи, старик!

ТЕОБАЛЬД
(плача).
Малютка! Кетхен!

КЕТХЕН.

Ах!

ВЕНЦЕЛЬ
(радостно).

Она глаза открыла.

ГАНС.

Да, очнется.

ГРАФ ОТТО.

К привратнику несите! Прочь отсюда!
(Все уходят).

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Лес перед пещерою тайного судилища

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Г р а ф фон Ш т р а л ь входит с завязанными глазами; его ведут два слугителя; о н и с н и м а ю т с его глаз повязку и затем удаляются в пещеру.

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ

(бросается на з е м л ю и плачет).

Теперь мне только одно остается — лежать здесь подобно пастуху и жаловаться. Солнце еще светит, краснея между стволами, и вершины леса покойны; и если я всего через четверть часа, как только оно скроется за холмами, сяду на коня и потом немного помедлю в Блахфельде, где и пролегает мой путь, то в замок Веттерштраль я приеду раньше, чем там погасят свечи. Конь мой там, где ручей струится, и мечтается мне, что там козы и овцы карабкаются по скалам и шиплют травку да горький кустарник; легкая, белая полотняная ткань, повязанная красными лентами, облекает меня, и, налетая, рои бодрых ветерков отнесут вздохи, льющиеся из моей жестоко стесненной груди, прямо в уши доброго бога. Истинная правда! Перелистаю родную мне повесть и целую богатую главу в ней, с надписанием: „Чувство" так ограблю, чтобы никакой стихоплет уже не мог на новый лад сказать: мне грустно. Все, что в печали есть трогательного, вызову я, радость и к смерти ведущая скорбь сплетутся, заменяя одна другую, и проведут мой голос, как искусного танцора, через все извороты, которыми душа очарована; и если деревья не сдвинутся, и не упадет как дождь сладкая их роса, так значит они воистину деревянные, и все, что нам сказали о них поэты, просто милые сказки. — О, ты, как назвать тебя, Кетхен! Почему я не могу назвать тебя моею? Кетхен, девушка, Кетхен! Почему я не могу на-

звать тебя моею? Почему я не могу поднять тебя и отнести на благоуханное блаженное ложе, которое соорудила мне мать в праздничном покое у нас дома? Кетхен, Кетхен, Кетхен! ты, чья юная душа, как она сегодня совершенно открытая, мне предстала, источает сладостное очарование красоты, как елеем умашенная невеста персидского царя, когда она, на все ковры роняя капли ароматов, вводится в свою горницу! Кетхен, девушка, Кетхен! Почему не дано мне это? Ты — более прекрасная, чем сумел бы я тебя воспеть, и осталось мне изобрести единственное искусство — о тебе плакать. Все фиалы чувства, небесные и земные, открою я, и такое смешение слез, своеобразное излияние, столь же священное, как и страстное, извергну, чтобы сказал всякий, в чьих объятиях я заплачу: они струятся к Кетхен из Гейльбронна. — Кетхен, Кетхен, Кетхен! что ты сделала с моим сердцем, ты, маленькая фиалка, расцветшая у мшистой скалы, в тени дикой ежевики? Разве не казалось мне тогда, когда она открылась мне в своей очаровательной невинности, что я взлетаю, как орел, в царство бесконечного воздушного простора, все ликуя, вечно ликуя: я любим?! — Вы, седые бородатые старцы, чего вам надо? Зачем вы покидаете ваши золотые рамы, о, портреты моих закованных в латы праотцев, населяющие мои увешанные оружием залы, и собираетесь здесь предо мною беспокойным кругом, почтенными потрясая кудрями? Она и я — мы еще не стоим рука об руку перед священником, и на вопрос: желаешь ли ты ее себе в жены? — уста Фридриха Штраля еще не шепчут в ответ трепетное „да“. Нет, нет, нет! Женщины, столь мною любимой, я не добиваюсь; ваших гордых рядов я не покину: это было решенным делом прежде, чем вы стали передо мною. Но, Винфрид, ты, стоящий во главе их, ты, первый из носивших наше имя, божественный, с головою как у Зевса, тебя спрошу я: была ли праматерь нашего рода такая, как эта? Была ли она светлее всеми добродетелями благочестия, непорочнее душою и телом, богаче очарованиями любви, чем Кетхен? О, Винфрид, седовласый старец! — я целую твои руки и благодарю тебя за то, чем я стал; но если бы ее ты прижал к своей стальной груди, царский род от тебя пошел бы, и всякий закон на земле давался бы именем Веттер фон Штраль! Я знаю, что превозмогу себя и что рана эта заживет; ведь нет такой раны, которой бы не залечил человек! Чижи улетят, щебетуны, из кустов бузины улетишь и ты, Кетхен, и так же, как и они, никогда не вернешься! Однако, если я когда-нибудь найду женщину, подобную тебе, Кетхен, то пройду все страны и всем языкам научусь, чтобы на всех наречиях, какие только существуют, прославить бога. — Готшалк!

(Слуга Готшалк подходит слева)

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф фон Штраль. Готшальк.

ГОТШАЛЬК

(подходя).

Эй, эй! Господин граф фон Штраль!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что такое?

ГОТШАЛЬК.

Чорт возьми, что! — Прибыл гонец от вашей матери.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Гонец?

ГОТШАЛЬК.

Во весь опор, запыхавшись, отдав коню удила. Ей-ей, если бы ваш замок был железным луком, а он стрелой, быстрее не мог бы он лететь.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что он хочет мне сказать?

ГОТШАЛЬК.

Эй! Рыцарь Франц!

(Рыцарь Фламберг приближается слева).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Рыцарь Фламберг

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Фламберг! Что привело тебя сюда ко мне так спешно?

ФЛАММБЕРГ.

Милостивый господин! Повеление графини, вашей матери: она приказала мне взять лучшего скакуна и ехать к вам.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что же? Что привез ты мне?

ФЛАММБЕРГ.

Войну, клянусь, войну! Вызов к новой борьбе, еще не успевший остынуть, как его теплым получил из уст герольда.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(озабоченный).

Чей вызов? Не от бургграфа же, с которым я только-что заключил мир?

(Надевает шлем).

ФЛАММБЕРГ.

От рейнграфа, юнкера фом Штейн, пребывающего внизу, на цветущих виноградниками берегах Неккара.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Рейнграфа? Но какие у меня дела с рейнграфом, Фламберг?

ФЛАММБЕРГ.

А какие, чорт возьми мою душу, были у вас дела с бургграфом? И чего надо было от вас иным прочим, прежде чем вы ввязались в историю с бургграфом? Если вы не затопчете маленькой искорки греческого огня, ради которого и происходят эти войны, то вы еще увидите, как загорится против вас все горное население Швабии, да вдобавок и Альпы с их собачьими сворами.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Это невозможно! Фрейлейн Кунигунда...

ФЛАММБЕРГ.

Рейнграф от имени Кунигунды фон Турнек требует возвращения вашего владения Штауфен; те три городка и семнадцать деревень вашему предку Отто, Петром, ее предком, с известными оговорками, покупкою уступленные; так же, как это бургграф фон Фрейбург, и раньше того уже ее родственники от ее имени делали.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(встает).

Сумасбродная ведьма! Не третий ли это имперский рыцарь, которого она, подобно псу, науськивает на меня, чтобы отбить это владение? Кажется, вся империя слушается ее. Клеопатра нашла одного, а когда он сломал себе шею, другие только посматривали; а этой служит всяк, у кого одним ребром меньше, чем у нее, и вместо одного, которого я пошлю к ней обратно потрепанным, передо мною стоят десять других. Какие основания он приводит?

ФЛАММБЕРГ.

Кто? Герольд?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Какие основания он приводит?

ФЛАММБЕРГ.

Эх, ваша милость, ему бы надо было тогда покраснеть.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Он не говорил о Петре фон Турнек? И о местности оспариваемой продажи?

ФЛАММБЕРГ.

Конечно. И о швабских законах; примешивал в речи долг и совесть к каждому третьему слову, призывал бога в свидетели, что только самые чистые намерения побудили его господина, рейн-графа, взяться за дело госпожи фон Турнек.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

А розовые щеки дамы оставляет он про себя?

ФЛАММБЕРГ.

Об этом он ни слова не сказал.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Чтоб ее оспа разделала! Хотел бы я набрать ночной росы в бочку и ею окатить ее белую шею! Ее проклятое личико — вот настоящая причина всей этой войны против меня; и пока я не отравлю мартовского снега, которым она умывается, не будет мне покоя от здешних рыцарей. — Но терпение! — Где она сейчас находится?

ФЛАММБЕРГ.

В замке Штейн, где вот уже три дня дают в честь ее такие пиры, что твердыня неба вот-вот рухнет, и солнце, луна и звезды больше не будут видны. Бургграф, которому она дала отставку, кипит мстью, и я не сомневаюсь, что если вы пошлете к нему гонца, то он вместе с вами отправится в поход против рейнграфа.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ладно! Приведи мне лошадей, я поеду. Я обещал этой юной подстрекательнице, что если она не сложит поднятое против меня оружие, — не склонит свое лукавое личико, — то я насыплю ей таких игрушек, которые ей вечно придется носить в футляре; и отсохни у меня правая рука, если я не сдержу слова! За мною, друзья!

(Все уходит налево, в глубь сцены).

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Перемена сцены. В горах, перед избой угольщиков. Ночь, дождь, гром и молния.

Входят бургграф Фрейбургский и Георг фон Вальдштеттен.

Позже рыцари.

ФРЕЙБУРГ

(кричит, оборачиваясь назад).

Снимите ее с лошади.

(Молния и удар грома).

Славно, разрази что хочешь, — только бы не набеленную мелом голову моей дражайшей невесты, Кунигунды фон Турнек.

ГОЛОС
(за сценой).

Эй, где вы?

ФРЕЙБУРГ.

Здесь!

ГЕОРГ.

Пережили вы хоть раз в жизни такую ночь?

ФРЕЙБУРГ.

Льет с неба, затопляя вершины деревьев и скалы, словно второй потоп разразился! — Снимите ее с лошади!

ГОЛОС
(за сценой).

Она не шевелится.

ДРУГОЙ ГОЛОС.

Лежит, как мертвая, у ног коня.

ФРЕЙБУРГ.

Э, выдумки! Она делает это, только чтобы не потерять своих фальшивых зубов. Скажите ей, что я — бургграф Фрейбургский и сосчитал, сколько у нее во рту настоящих. — Так! Тащите ее сюда!

(Рыцарь Шаурман появляется, неся на плече фрейлейн фон Турнек).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Рыцарь Шаурман с девицею фон Турнек, рыцарь Вецлаф и всадники бургграфа. Два угольщика.

ГЕОРГ.

Вон там изба угольщика.

ФРЕЙБУРГ
(стучится в дверь).

Эй, эй!

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК
(изнутри).

Кто стучится?

ФРЕЙБУРГ.

Без разговоров, бездельник, отворяй.

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК
(изнутри).

Ого! Да уж не раньше, чем ключ поверну. Не сам же император стоит под дверью?

ФРЕЙБУРГ.

Негодяй! Хотя и не император, так тот, чья здесь власть и кто обломает себе скипетр с ближайшего сука, чтобы доказать тебе это.

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК

(выходит с зажженным фонарем в руках).

Кто вы такие? Чего вам надо?

ФРЕЙБУРГ.

Я — рыцарь; а эта дама, которая сюда привезена смертельно больной, это...

ШАУЕРМАН

(сзади).

Прочь свет!

ВЕЦЛАФ.

Выбей фонарь у него из рук!

ФРЕЙБУРГ

(пока тот отнимает фонарь).

Плут! Будешь ты тут светить?

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Господа, надеюсь, что из всех вас я здесь набольший! За-чем вы отнимаете у меня фонарь?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Кто вы такие, и чего вам надо?

ФРЕЙБУРГ.

Рыцари, грубиян ты этакий, сказал уж я тебе!

ГЕОРГ.

Добрые люди, мы — странствующие рыцари, застигнутые непогодой.

ФРЕЙБУРГ

(перебивает).

Воины, идем из Иерусалима, держим путь к себе на родину; а та дама, которую несут, с головы до ног закутанною в плащ, она...

(Удар грома).

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Эге, рычит так, что облака трясутся! — Из Иерусалима, говорите вы?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Из-за этого широкогортого грома ни одного слова не слышишь.

ФРЕЙБУРГ.

Из Иерусалима, да.

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

А та женщина, что принесли?..

ГЕОРГ

(указывая на бургграфа).

Она — больная сестра господина, честные люди, и нуждается...

ФРЕЙБУРГ

(перебывает его).

Она — сестра его, прохвост, и моя жена; смертельно больна, как ты видишь, полуубита градом, так что ни слова вымолвить не может; ей необходимо местечко в твоей избе, пока не пройдет гроза и не наступит день.

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Для нее местечко в моей избе?

ГЕОРГ.

Да, добрые угольщики; пока не пройдет непогода и пока мы не можем продолжать наш путь.

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Клянусь, вы таких слов наговорили, которые не стоят того дыхания легких, которыми вы их выталкивали.

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Исаак!

ФРЕЙБУРГ.

Сделаешь это?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Даже и собак императора впустил бы, господа, если бы они были у моих д в е р е й . — И с а а к ! Бездельник! Не слышишь?

МАЛЬЧИК

(из избы).

Эге! Слышу. Что там?

ВТОРОЙ УГОЛЬЩИК.

Солому расстели, бездельник, и поверх одеяло; придет больная женщина и устроится в избе. Слышишь?

ФРЕЙБУРГ.

Кто там говорит?

ПЕРВЫЙ УГОЛЬЩИК.

Э, десятилетний мальчишка, белобрысый, прислуживает нам.

ФРЕЙБУРГ.

Хорошо.— Подойди-ка сюда, Шауерман! Здесь одна затычка разъехалась.

ШАУЕРМАН.

Где?

ФРЕЙБУРГ.

Все равно. — Туда ее, в угол! Когда рассветет, я тебя позову.
(Шауерман вносит девицу ф о н Турнек в избу).

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же без рыцаря Шауермана и девицы ф о н Турнек.

ФРЕЙБУРГ.

Вот, Георг, теперь я изо всех сил ударю в кимвалы радости: она в наших руках, в наших руках эта Кунигунда фон Турнек! Как верно то, что я окрещен именем отца моего; за все блаженство, о котором я молился в юности, я не уступлю той радости, которая суждена мне, когда наступит завтрашний день! — Почему ты раньше не приехал сюда из Вальдштеттена?

ГЕОРГ.

Потому что ты не послал за мною раньше.

ФРЕЙБУРГ.

О, Георг! Посмотрел бы ты на нее, как она, точно в сказке, ехала там верхом, окруженная местными рыцарями, подобно солнцу среди планет! И не казалось ли, будто бы она говорит кремешкам дорожным, от которых летели искры: „Вы должны таять, увидев меня?“ Фалестра, царица амазонок, когда она устремилась с Кавказа просить Александра Македонского, чтобы он ее поцеловал, не была пленительнее и очаровательнее, чем эта.

ГЕОРГ.

Где ты ее взял?

ФРЕЙБУРГ.

На расстоянии пяти часов, Георг, пяти часов от Штейнбурга, где рейнграф три дня чествовал ее шумными пирами! Чуть только ее покинули провожавшие ее рыцари, как я сбросил на песок ее двоюродного брата Исидора, который остался при ней, вскочил с нею на вороного, да и был таков.

ГЕОРГ.

Но, Макс, Макс, что ты затеял?

ФРЕЙБУРГ.

Скажу тебе, друг...

ГЕОРГ.

К чему приведут тебя все эти чудовищные приготовления?

ФРЕЙБУРГ.

Милый! Добрый! Удивительный! Мед Гиблы для этой груди, высохшей, как дерево, от жажды мести. Зачем позволять долее, чтобы это бесплодное существо, подобно олимпийской богине, высилось на пьедестале и от сени христианской церкви отвлекало нас и людей, нам подобных? Лучше долой, в сорную кучу, да наружу то, что было скрыто, чтобы каждый убедился воочию, что никакой бог в ней не обитает.

ГЕОРГ.

Но, ради всего святого, скажи мне, что наполняет тебя такую безумною ненавистью к ней?

ФРЕЙБУРГ.

О, Георг! Человек легко бросает в грязь все, что он называет своим, кроме чувства. Георг, я любил ее, но она не была этого достойна. Я любил ее и был отвергнут, Георг; моей любви она не была достойна. Я хочу тебе вот что сказать... Но я бледнею, лишь только подумаю о ней. Георг! Георг! Когда у чертей не хватит выдумки, так пусть они посоветуются с тем петухом, что напрасно вертелся вокруг курочки, а напоследок увидел, что она, изъеденная проказою, для его забавы не годится.

ГЕОРГ.

Но ты не подвергнешь ее мести, недостойной рыцаря?

ФРЕЙБУРГ.

Нет, боже меня сохрани! И никакому слуге не поручу исполнить это над нею. Я возвращу ее рейнграфу в Штейнбурге, где только всего и сделаю, что сниму с нее ее косынку: и в этом будет вся моя месть.

ГЕОРГ.

Что? Снимешь косынку?

ФРЕЙБУРГ.

Да, Георг, и созову народ.

ГЕОРГ.

Ну, и когда это случится, что же ты?

ФРЕЙБУРГ.

Ну, тогда я стану философствовать по поводу нее. Тогда я дам вам над нею метафизическое положение, как Платон, и потом истолкую мое положение, как дельявал веселый Диоген. Человек есть... Но тише.

(Прислушивается).

ГЕОРГ.

Ну! Человек есть?..

ФРЕЙБУРГ.

Человек есть, согласно Платону, двуногое, неоперенное существо; ты знаешь как это доказал Диоген; он, кажется, ощипал петуха и пустил его в народ. И эта Кунигунда, друг, эта Кунигунда фон Турнек по-моему... Но тише! Не будь я мужчиной, если там кто-то не соскочил с коня!

(Они отходят назад. Входят граф фон Штраль и рыцарь Фламберг).

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Граф фон Штраль. Фламберг. Позже Готшальк.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(стучится в дверь).

Эй, эй, вы, добрые угольщики!

ФЛАММБЕРГ.

Вот ночь, когда и волков в ущелья попросишь о приюте.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Можно войти?

ФРЕЙБУРГ

(заступая ему дорогу).

Позвольте, господа! Кто бы вы ни были...

ГЕОРГ.

Вам здесь нельзя остановиться.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нельзя? Почему нельзя?

ФРЕЙБУРГ.

Потому что в доме нет больше места — ни для вас, ни для нас. Там, в единственном углу, который свободен, лежит моя опасно-больная жена, и с нею прислуга, ухаживает за нею. Не захотите же вы выгнать мою жену оттуда.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет, клянусь честью! Напротив, я желаю ей скорее оправиться в этой избе.

(Зовет, оборачиваясь назад).

Готшальк!

ФЛАММБЕРГ.

Теперь мы переночуем в гостинице Голубого Неба.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(как прежде)

Готшальк, тебя я зову!

ГОТШАЛЬК

(вблизи).

Здесь.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Поддай сюда одеяла! Мы расположимся здесь, под ветвями.
(Входят слуга Готшальк и мальчик-угольщик).

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Готшальк. Мальчик-угольщик.

ГОТШАЛЬК

(принеся одеяло, шопотом).

Чорт знает, что за дела здесь творятся. Мальчик говорит, что там внутри латник, который охраняет девушку; она лежит связанная, с заткнутым ртом как теленок, которого привезли на бойню.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(шопотом).

Что ты говоришь? Девушка? Связанная и с заткнутым ртом? Кто это тебе сказал?

ФЛАММБЕРГ.

Мальчик! Откуда ты это знаешь?

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(испуганно).

Тс!— Ради всех святых! Господа, что вам?

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Подойди.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК.

Я говорю: тс!

ФЛАММБЕРГ.

Мальчик! Кто это тебе сказал? Говори!

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(таинственно, оглянувшись предварительно).

Я это заметил, господа. Лежал на соломе, когда они внесли ее и сказали, что она больна. Осветил ее лампой и заметил, что она здорова, и щеки у нее не хуже, чем у нашей Лоры. И вздыхала, и сжимала мне руки, и улыбалась, и сказала так понятно, как умная собака: „Развяжи меня, милый мальчик, развяжи меня“, — что я это глазами услышал и пальцами понял.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Вот что, мальчик, милый мой, белокурый, — ты так и сделай!

ФЛАММБЕРГ.

Что ты медлишь? Что ты делаешь?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Развяжи ее и пошли сюда.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(боязливо).

Гс! говорю я вам. Будьте как рыбы! А ну, как поднимутся они все трое, да подойдут сюда, да увидят, что делается?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ничего, славный ты мальчуган, ничего.

ФЛАММБЕРГ.

Им оттуда ничего не слышно.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Им только и заботы — от дождя укрываться.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК

(озираясь).

А вы заступитесь за меня?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Конечно, заступлюсь, как верно то, что я — рыцарь.

ФЛАММБЕРГ.

Уж в этом будь уверен.

МАЛЬЧИК-УГОЛЬЩИК.

Ладно, я скажу отцу. А вы поглядывайте, что я сделаю: войду ли я в избу или нет.

(Вступает в разговор со старым угольщиком, который стоит сзади, у огня, и затем исчезает вместе со стариком в избе.)

ФЛАММБЕРГ.

Это что за ребята? Рыцари Вельзевула, которым орденскою мантиею служит ночь? Супруги, которые, сочетались на большой дороге кандалами да веревкой?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Больная, говорят они.

ФЛАММБЕРГ.

Опасно-больная, и благодарна за всякую помощь!

ГОТШАЛЬК.

Ну, погоди! Мы их разведем.

(Пауза).

ШАУЕРМАН

(в избе).

Эй! эге! Скотина!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вставай, Фламберг, поднимайся!

(Они встают).

ФРЕЙБУРГ.

Что такое?

(Сторонники бургграфа поднимаются).

ШАУЕРМАН.

На меня напали! На меня напали!

(Показывается Кунигунда).

ФРЕЙБУРГ.

Боги! Что я вижу!

(Кунигунда фон Турнек, в дорожном платье, с распущенными волосами, выходит из избы).

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Т е же, без угольщика и его мальчика. Девица Кунигунда фон Турнек.

КУНИГУНДА

(бросается на колени перед графом фон Штраль).

Спаситель мой! Кто б ни были! Вступитесь

За опозоренную многократно

Девичью честь. Ведь рыцарская клятва —

Невинность защищать, и вот во прахе

Она перед вами молит о защите.

ФРЕЙБУРГ.

Ее возьмите, люди!

ГЕОРГ

(удерживая его).

Макс, послушай!

ФРЕЙБУРГ.

Держите, говорю! Молчать заставьте.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Прочь, господа! Что надо вам?

ФРЕЙБУРГ.

Что надо?

Ах, чорт возьми! Жену! Скорей! Берите!

КУНИГУНДА.

— Твою жену? Ты — лжец!

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ

(строго).

Не смей! Не трогай!

Что надобно тебе от этой дамы,
Ты это мне скажи! Она теперь
Моя, отдавшись под мою защиту.

(Поднимает ее).

ФРЕЙБУРГ.

Да кто ты, дерзкий, чтобы становиться
Между супругами? Кто это право
Тебе дает — жену отнять от мужа?

КУНИГУНДА.

Жену? Злодей! Тебе я не жена!

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

А ты кто, негодяй, что называешь
Ее своей женою, плут проклятый,
Своей зовешь, девичий вор бесстыжий,
Ту девушку, с которой чорт в аду
Тебя венчал веревкою да кляпом?

ФРЕЙБУРГ.

Как? Что? Кто?

ГЕОРГ.

Макс, прошу тебя.

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

Кто ты?

ФРЕЙБУРГ.

Ошиблись очень вы...

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

Кто ты? Скажи!

ФРЕЙБУРГ.

Не думайте, что я...

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

Подайте свет!

ФРЕЙБУРГ.

Та женщина, что я привез с собою...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Я говорю — фонарь подайте!

(Готшалк и угольщики выходят из избы с горящими факелами)

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Угольщики, Готшалк.

ФРЕЙБУРГ.

Я...

ГЕОРГ

(топотом).

Ты — сумасброд! Бежим! Скорей отсюда!
Навеки запятнать свой герб ты хочешь?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так, угольщики честные, светите!

(Фрейбург по знаку Георга опускает забрало. Фрейбургу).

Кто ты? Скажи! Да подними забрало!

ФРЕЙБУРГ.

Я, господа...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Забрало прочь!

ФРЕЙБУРГ.

Вам слышно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ты вздумал безнаказанно, бездельник,
На мой вопрос смолчать, как я на твой?

(Срывает с его головы шлем; бурграф пошатнулся).

ШАУЕРМАН.

Швырни-ка смельчака вот так же наземь.

ВЕИЦАФ

Живее! Меч!

ФРЕЙБУРГ.

Безумный, как ты смеешь!

(Он выпрямляется, извлекает меч и нападает на графа; тот уклоняется от удара).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Противишься ты мне, жених подложный!

(Поражает его)

Ступай же в ад, откуда ты пришел,
И там отпразднуй свой медовый месяц!

ВЕЦЛАФ.

Смотрите! Ужас! Поражен, упал!

ФЛАММБЕРГ

(нападая).

Вперед, друзья!

ШАУЕРМАН.

Бежим скорее!

ФЛАММБЕРГ.

Бейте!

Гоните сволочь, чтоб скорей бежала.

(Люди бургграфа бегут. Никто не остается, кроме Георга, который занят раненым Фрейбургом).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

О, всемогущие! Кого я вижу!

Ты, Фрейбург?

КУНИГУНДА

(про себя)

Чортов лис неблагодарный!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто эта девушка тебе, несчастный?
Зачем она тебе?

ГЕОРГ.

Сказать не может.

Кровь с головы ему стекает в рот.

КУНИГУНДА.

Пусть захлебнется в ней!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Как сон все это!

(Садится обдумывая).

Он человек был честный и прямой.

К нему на помощь, люди!

ФЛАММБЕРГ.

Поднимайте

Его, скорей туда в избу несите.

(Георг и угольщики уносят Фрейбурга).

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без Фрейбурга, Георга и угольщиков.

КУНИГУНДА.

В могилу закопать! Лопат сюда!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Не беспокойтесь! Так как он повержен,

То вам не повредит и незарытый.

КУНИГУНДА.

Я попрошу воды.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Вам очень дурно?

КУНИГУНДА.

Нет, ничего... Он... Помогите!.. Сесть бы!

Ох!

(Пошатывается).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Боже мой! Эй! Готшальк! Помогите!

ГОТШАЛЬК.

Огня сюда!

КУНИГУНДА.

Не надо, нет!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Вам лучше?

КУНИГУНДА.

Теперь в глазах моих не так темно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Что это так внезапно вас схватило?

КУНИГУНДА

(опять на коленях перед графом фон Штраль)
Великодушный мой спаситель, это
Как назову? Какое злодеянье
Бесчеловечное меня здесь ждало?
Подумаю ль, что здесь без вас, конечно,
Произошло б, я вся дрожу от страха,
И ни рукой не двинуть, ни ногою.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Скажите, кто вы? Что случилось с вами?

КУНИГУНДА

Как рада я теперь открыть вам это!
Ваш меч свершенным вами делом не был
Унижен; Кунигунда, баронесса
Фон Турнек перед вами, знайте это;
Мне сладостную жизнь вы сохранили,
За это благодарностью воздаст вам
Весь род мой в Турнеке, не только я.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вы? Это невозможно! Кунигунда
Фон Турнек?

КУНИГУНДА

Да. Что удивляет вас?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(встает)

Ну что ж, сказать по чести, очень жалко,
Что из огня вы в полымя попали:
Ведь я же — Фридрих Веттер, граф фон Штраль!

КУНИГУНДА.

Как? Ваше имя? Тот, кто спас меня?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Я — Фридрих Штраль, вы слышали. Мне жалко,
Что лучшего сказать вам не могу.

КУНИГУНДА

(встает).

О, господи! Какое испытанье!

ГОТШАЛЬК

(тихо).

Фон Турнек? Так ли?

ФЛАММБЕРГ

(с удивлением).

Да, она, ей богу!

(Пауза).

КУНИГУНДА,

Пусть так. Пусть это чувство, что в груди
Моей горит, не будет мне помехой.
Одно лишь чувствовать и думать буду—
Невинность, честь и жизнь нашли защиту
От волка этого, что здесь повергнут.
Приди ты, золотой, любезный, юный,
Спаситель мой, возьми кольцо вот это
Одно, что дать теперь тебе могу:
Воздам лишь им я юному герою
За подвиг смелый, узы разрешивший,
Избавивший меня от поношенья.
За подвиг, сделавший меня счастливой!
(Обращается к графу).

Мой повелитель, вашим назову я
Все, что мое! Как вы со мной решите?
Я в вашей власти; что со мною будет?
Должна ль я ехать в рыцарский ваш замок?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(не без смущения).

Ко мне не так далеко, госпожа.
Садитесь на коня, и у графини,
У матери моей, переночуйте.

КУНИГУНДА.

Коня мне дайте!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(после короткой паузы).

И простите мне,

Что обстоятельства, в которых мы...

КУНИГУНДА.

Нет, нет! Прошу вас очень! Мне так стыдно!
Безропотно пошла бы я в темницу.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

В темницу! Что вы! Убедитесь сами...

КУНИГУНДА

(перебивая его).

Я вашей милости не стою. Дайте

Мне вашу руку!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Факелов! Светите!

(Оба уходят.)

ГОТШАЛЬК

(радостно потирая руки).

Забавно, право, — из кулька в рогожку!

(Перемена сцены).

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда фон Турнек полуодетая, в романтическом костюме, входит и садится перед зеркалом у туалетного столика. За нею входят ее горничная Розалия и старая Бригитта.

РОЗАЛИЯ

(Бригитте).

Сюда, бабушка, садись! Граф фом Штраль приказал доложить о нем моей госпоже; надо мне только ее волосы причесать, и она пока охотно послушает твои рассказы.

БРИГИТТА

(садится).

Так вы — госпожа Кунигунда фон Турнек?

КУНИГУНДА.

Да, бабушка, это я.

БРИГИТТА.

И зоветесь вы дочерью императора?

КУНИГУНДА.

Императора? Нет; кто тебе это сказал? Ныне живущий император — чужой мне; я — правнучка одного из прежних императоров, который сидел на германском престоле в прошлом столетии.

БРИГИТТА.

О, господи! Возможно ли это? Дочь правнука...

КУНИГУНДА.

Ну да!

РОЗАЛИЯ.

Разве я тебе этого не говорила?

БРИГИТТА.

Ну, ей богу, могу я теперь и в могилу лечь: вот он, сон-то графа фом Штраль!

КУНИГУНДА.

Какой сон?

РОЗАЛИЯ.

Слушайте только, слушайте! Это — самая чудесная история в свете! Но говори покороче, бабушка, и постереги вход; потому что времени, как я тебе сказала, у нас не много.

БРИГИТТА.

В конце позапрошлого года граф захворал от какой-то странной тоски, причины которой никто не мог отгадать; совсем слабый, лежал он с лихорадочно-красным лицом и бредил; врачи, которые исчерпали свои средства, говорили, что его ничем не спасти. Все, что было замкнуто в его сердце, теперь, в безумии горячки, перешло на его язык: он охотно, — говорил он, — расстается с жизнью; нет девушки, которая могла бы его полюбить; но жизнь без любви — смерть: мир называл он могилою, а могилу — колыбелью, и думал, что только в ней бы он родился вновь. Три ночи, одна за другою, в течение которых его мать не отходила от его постели, рассказывал он ей, что ему являлся ангел и зывал к нему: „Надейся, надейся, надейся!“ На графинин вопрос: не укрепилось ли его сердце от этого воззвания посла небесного, он отвечал: „Укрепилось? Нет!“ и со вздохом прибавлял: „Так будет, будет, матушка! Когда увижу ее!“ Графиня спросила: „И ты ее увидишь?“ — „Наверное!“ отвечал он. „Когда? — спросила она. — Где?“ — „В Сильвестрову ночь, когда наступит новый год, он приведет меня к ней“. — „Кто, — спросила она, — милый? К кому?“ — „Ангел, — сказал он, — к моей девушке“, отвернулся, и заснул.

КУНИГУНДА.

Бредни!

РОЗАЛИЯ.

Да вы дальше послушайте. — Ну?

БРИГИТТА.

Вот в Сильвестрову ночь, в тот самый миг, когда год переменяется, приподнялся он с постели, устался в угол комнаты, словно видение ему было, и, показывая рукою: — „Мама, мама, мама!“ — сказал он. — „Что такое?“ — спросила она. — „Там, там!“ —

„Где?“ — „Скорее!“ — сказал он. — „Что?“ — „Шлем! Латы! Меч!“ — „Куда же ты?“ — спросила мать. — „К ней, — сказал он, — к ней! Так! так! так!“ — и опрокинулся: — „Прощай, мама, прощай!“ — вытянулся, и лежал как мертвый.

КУНИГУНДА.

Мертвый?

РОЗАЛИЯ.

Мертвый, да!

КУНИГУНДА.

Она хочет сказать, похожий на мертвеца.

РОЗАЛИЯ.

Она сказала: мертвый. Не мешайте ей. — Н у ?

БРИГИТТА.

Мы приникли к его груди: было так тихо там, как в пустом покое. Перо перед ним держали, испытать его дыхание: оно не колыхнулось. Врач думал, что и в самом деле душа оставила его; боязливо кликал его по имени в самое ухо; чтобы оживить его, давал ему что-то нюхать; колол его шпильками и иголками, выдергивал ему волосы, так что кровь показалась; напрасно: он не двинул ни рукою, ни ногою и лежал как мертвый.

КУНИГУНДА.

Ну? Потом что?

БРИГИТТА.

Потом, долгонько так пролежавши, он встрепенулся, повернулся с печальным лицом к стене, и сказал: — „Ах, вот они принесли свечи! Вот она опять исчезла!“ — словно бы этот свет что-то спугнул. И тогда графиня нагнулась над ним, и прижала его к своей груди, и сказала: — „Мой Фридрих! Где ты был?“ — „У нее, — отвечал он радостным голосом, — у той, которая меня любит, у невесты, которую мне назначило небо! Иди, мать, иди, и прикажи во всех церквах молиться за меня: потому что теперь я хочу жить“.

КУНИГУНДА.

И он действительно поправился?

РОЗАЛИЯ.

Это — подлинное чудо.

БРИГИТТА.

Поправился, барышня, поправился в самом деле; с того же часа пришел в себя и, точно освященный небесным бальзамом, вернул опять свои силы, и месяца не прошло, он уже стал здоров, как прежде.

КУНИГУНДА

И рассказывал? Что же он рассказывал?

БРИГИТТА.

Ах, и рассказывал, и конца не было рассказам: как ангел вел его за руку через ночную тьму; как он тихонько открыл девичью спаленку и, чтобы войти к ней, озарил все стены своим сиянием; как лежало там золотое дитя, ни во что, как только в рубашечку обложенное, и, увидев его, широко раскрыло глаза, и позвало голосом, стесненным от удивления: „Марианна!“ а голос то этот ни за что бы не услышал тот, кто спал в соседней комнате; как она потом, все больше и больше загораясь пурпуром радости, поднялась с постели, и опустилась перед ним на колени, голову склонила, и прошептала: „Мой высокий господин!“ — как ангел сказал ему потом, что это — дочь императора, и показал ему родимое пятно, красноватое, что было у девушки на затылке, — как он, потрясаемый беспредельным восторгом, взял ее за подбородок, чтобы посмотреть ее лицо; и как окаянная девка, Марианна, вошла со свечкой, и с ее приходом все видение исчезло.

КУНИГУНДА

Так ты думаешь, что эта дочь императора...

БРИГИТТА

Кто же еще?

РОЗАЛИЯ.

И я это говорю.

БРИГИТТА.

Во всем Штральбурге после вашего приезда кто бы ни узнал, кто вы, всяк всплескнет руками и кричит: „Это — о н а ! “

РОЗАЛИЯ.

Немного недостает, чтобы колокола свои языки развязали и зазвонили: да, да, да!

КУНИГУНДА.

(встает).

Благодарю тебя, бабушка, за твой рассказ. Пока возьми эти серьги на память, и ступай себе.

(Бригитта уходит).

ТРИНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.
(Кунигунда и Розалия).

КУНИГУНДА
(прислушиваясь).

Идет там кто-то?

РОЗАЛИЯ.
Где?

КУНИГУНДА.
По галерее.

РОЗАЛИЯ.
Нет...

КУНИГУНДА
Все, Розалия, скорее прочь!
(Встает).

РОЗАЛИЯ
(в сторону).
Что с ней?
(Вслух).

Нет никого.

КУНИГУНДА.
Нет?

РОЗАЛИЯ.
Никого;
Лишь только ветер, флюгер шевеля,
Шумит.

КУНИГУНДА.
А мне слышались шаги.
Застали б нас врасплох, беда была бы!
Розалия, все это убери!

РОЗАЛИЯ.
Ну, если б вас увидели такую,
Подумали б, — сказать не смею, что!

КУНИГУНДА.
Оставь, потом об этом.
(Снова подходит к зеркалу).
Ах, друг мой!

Какое счастье мне, что ты случайно
Попала в этот замок и поможешь,
Верна мне как всегда, умно завесить

От хитрого надзора неразумных
 То, что во мне должно остаться скрытым!
 Но, милая, не скажешь ли ты мне
 Чего-нибудь о том... моем тиране?
 В избе, в лесу оставили его.
 Он жив?

РОЗАЛИЯ.

Когда б желанья убивали,
 Сказала б: умер он. А так, — не знаю.

КУНИГУНДА.

Наведайся. Пока я не узнала,
 Для сердца моего все нет покоя.
 Когда ты скажешь мне, мой друг: он умер,
 Его уста закрылись навеки, —
 За слово каждое я награжу
 Жемчужиной тебя, как королева.

(Поглядевшись в зеркало, и д е т в глубокой задумчивости к окну налево и открывает его. — Пауза).

Розалия, ты привела в порядок
 Все, что я приготовила для графа?
 Свидетельства и письма?

РОЗАЛИЯ

(оставаясь у туалетного столика).

Здесь они.

Лежат все вместе в этой вот обложке.

КУНИГУНДА.

Дай мне...

(Берет со двора в комнату прикрепленный снаружи прутик, намазанный клеем).

РОЗАЛИЯ.

Что, барышня?

КУНИГУНДА

(оживленно).

Взгляни, девица,

Не от крыла ли здесь остался след?

РОЗАЛИЯ

(подходя к ней).

Что там у вас?

КУНИГУНДА.

Вот клейкий прут. Не знаю,
 Кто к этому окну его подвесил!
 Смотри, уж не крыло ль его задело?

РОЗАЛИЯ.

Конечно, след крыла. Кто был там? Чиж?

КУНИГУНДА.

То зяблик был, которого напрасно
Все утро я приманивать старалась.

РОЗАЛИЯ.

Взгляните, — перышко он здесь оставил!

КУНИГУНДА
(задумавшись).

Так дай же мне...

РОЗАЛИЯ.

Что, барышня? Бумаги?

КУНИГУНДА
(смеясь, хлопает ее).

Плутовка! — Просо дай, что там стоит.

(Розалия смеется, идет и подает просо. Слуга входит в среднюю дверь).

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда. Розалия. Слуга.

СЛУГА
(докладывает).

Граф Веттер фон Штраль и графиня, его мать.

КУНИГУНДА
(бросая все, что у нее в руках).
Живее! Прочь все это!

РОЗАЛИЯ.
Сейчас, сейчас!
(Закрывает туалет и уходит направо).

КУНИГУНДА
(слуге).
Добро пожаловать.

(Слуга отступает, давая пройти, и исчезает. Графиня Елена и граф Веттер фон Штраль входят в среднюю дверь).

ПЯТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда. Графиня Елена. Граф фон Штраль.

КУНИГУНДА

(идет им навстречу).

О, мать почтенная того, кто жизнь
Мне спас! Чему обязана я счастьем,
Которое мне дарите, вас видеть,
И милостью — облобызать вам руки?

ГРАФИНЯ.

Смущаете меня вы, фрейлейн. К вам я
Пришла, поцеловать вам лоб, спросить вас,
Вам хорошо ли в доме у меня.

КУНИГУНДА.

Прекрасно. Я нашла здесь все, что надо.
Я вашей милости не заслужила,
Вы обо мне заботитесь, как мать.
И если что покой мой нарушало,
То это — стыд будящее смущенье;
Но было мне достаточно минуты,
Чтоб этот спор в моей груди был кончен.

(Обращаемся к графу).

Что с вашей левою рукою, граф?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Моя рука? Поверьте, ваш вопрос
Чувствительнее мне, чем эта рана!
Я о седло ушибся, помогая
С коня сойти вам, — больше ничего.

ГРАФИНЯ.

Ты ранен? Я об этом и не знала.

КУНИГУНДА.

Когда мы замка этого достигли,
Кровь алой струйкой вытекла из раны.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сама рука об этом уж забыла.
И если этой кровью заплатил
Я Фрейбургу за вас, сказать могу я,
За плату малую он вас мне продал.

КУНИГУНДА.

Так цените ее вы, но не я.

(Обращается к графине).

Что ж, госпожа? Вам не угодно есть?

(П о д а е т стул. Граф приносит два других; все садятся).

ГРАФИНЯ.

О будущем что думаете вы?

Вы положение взвесили, в котором

Находитесь? Вы знаете какой

Путь изберет в дальнейшем ваше сердце?

КУНИГУНДА

(тронутая).

Достопочтенная графиня, дни,

Отсчитанные мне, хочу отметить

Хвалой, и благодарностью, и ярким

Воспоминанием о том, что было,

Неутомимо прославляя вас

И весь ваш дом, пока последний вздох мой

Поднимет грудь мою, коль будет мне

Разрешено к моим вернуться в Турнек.

(Плачет).

ГРАФИНЯ.

Когда хотите вы к своим вернуться?

КУНИГУНДА.

Желала б я, — ждут тетуски меня, —

Поехать завтра, если можно будет,

Или на этих днях, по крайней мере.

ГРАФИНЯ.

Вы не боитесь никакой помехи?

КУНИГУНДА.

О нет, светлейшая, когда вы только

Позволите мне с вами объясниться.

(Целует графине руку, встает, и приносит бумаги).

Прошу вас взять вот это, граф фом Штраль!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(встает).

Могу ли я узнать, что это, фрейлейн?

КУНИГУНДА.

Здесь документы все об этом спорном
Владении вашем, Штауфен, те бумаги,
Которыми оправдан был мой иск.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сударыня, мне стыдно, в самом деле!
И если вы уверены, что эта
Тетрадь — опора прав, — я уступаю,
Хотя б избы последней я лишился!

КУНИГУНДА.

Возьмите, граф фон Штраль! Все документы
Двусмысленны, признаюсь, и просрочен
Тот выкуп, о котором говорится.
Но будь мое, как солнце, ясно право,
Я против вас его уж не направлю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Я никогда их не возьму, конечно!
Как радостный подарок принимаю
От вас я мир; но если есть сомненье,
Что эти документы подтверждают
За вами все права на Штауфен, надо,
Чтоб император дело разобрал
И чтоб закон решил, кто заблуждался.

КУНИГУНДА

(графине).

Тогда хоть вы меня освободите,
Графиня, от бумажек этих жалких,
Которые мне руки жгут, и чувствую,
Меня одушевившему, противны,
И ни на что мне больше не нужны,
Хоть проживи я лет до девяноста.

ГРАФИНЯ

(также встает).

Нет, дорогая! Ваша благодарность
Заводит вас далеко. Что семье всей
Принадлежит, не можете отдать вы
В порыве мимолетном, вас объявшем.
Примите предложение сына, дайте
В Вецларе эти рассмотреть бумаги;
Поверьте, нам вы будете любезны,
Какое б там ни приняли решение.

КУНИГУНДА

(страстно).

Ну что ж, моим ведь только было право!
И у родных мне спрашивать не надо,
А сыну завещаю только сердце!

Господ в Вецларе я не потревожу:
Здесь пламенная грудь решает это!
(Разрывает бумаги, и бросает их).

ГРАФИНЯ.

Ах, милое, беспечное дитя,
Что сделали вы? — Подойдите,
Я поцелую вас, коль так уж вышло.
(Обнимает ее).

КУНИГУНДА.

Пусть чувству этому, что загорелось
В моей груди, ничто уж не перечит!
Я не хочу, чтобы стена стояла
Меж избавителем моим и мною!
Всю жизнь мою хочу я без помехи
Дышать одним, — его любить и славить.

ГРАФИНЯ

(растроганная).

Так, девочка моя. Теперь довольно,
Взволнованы вы слишком.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Я желал бы,
Чтоб вы потом об этом не жалели.
(Пауза).

КУНИГУНДА

(осушая глаза).

Когда же позволят мне вернуться в Турнек?

ГРАФИНЯ.

Когда хотите! Сын вас сам проводит.

КУНИГУНДА.

Так завтра!

ГРАФИНЯ.

Хорошо! Вы так хотите,
А я бы рада видеть вас подольше.
Но наш обед разделите вы с нами?

КУНИГУНДА

(склоняясь перед нею).

Лишь с сердцем справлюсь, — я к услугам вашим.
(С в и д о м смирения уходит в правую дверь).

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Графиня Е л е н а . Граф фон Ш т р а л ь .

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л ь .

Как верно то, что я — мужчина, в жены
Ее хочу!

ГРАФИНЯ.

Ну, ну, ну, ну!

ГРАФ Ф О М Ш Т Р А Л ь .

Что? Нет?

Ты хочешь, чтобы я невесту выбрал,
Но не ее? Не эту?

ГРАФИНЯ.

Что с тобою?

Сказала ль я, что мне она противна?

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л ь .

Ведь не сегодня ж требую я свадьбы.
Ее был предком старый император,
Она в империи желанна многим.

ГРАФИНЯ.

А в ночь Сильвестра сон вешал о ней?
Как думаешь?

ГРАФ Ф О Н Ш Т Р А Л ь .

Таить не стану: да!

Я не скажу, что все мне в ней приятно;
Мне кажется, нет женщин на земле
Таких же мстительных, таких коварных.
И если ненависть владеет ею,
Она ужасна; но великодушна,
Когда сплетет могущество любви
Сеть крепкую вокруг души могучей,
И верю я в могущество любви.
Я знаю, правда, девушку одну,
Достойную высокого супруга,
Невинную душой и телом, с сердцем

Великим и мне преданным до смерти,
Но той фиалки цвет не мне, — и выбрал
Я для меня раскрывшуюся ныне
Так ярко розу.

ГРАФИНЯ.

Над ее шипами
Подумаем сначала хоть немного.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Но так, чтобы ее мне не лишиться.

(Оба уходят в среднюю дверь).

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ.

Горы и лес. Направо уединенная келья.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Теобальд и Готфрид Фридеборн сводят Кетхен со скалы, возвышающейся перед хижиною.

ТЕОБАЛЬД.

Берегись, милая моя Кетхен; видишь, расселина в горной тропинке. Поставь свою ногу вон на этот камень, — он пооброс мохом; если бы я знал, где можно найти розу, я бы тебе сказал. Так!

ГОТФРИД.

Ты ведь богу, Кетхен, ничего не скажешь о дороге, которою сегодня хотела пойти? А то я думал, что на перекрестке, где стоит изображение девы Марии, два ангела придут, юные, величавые видом, со снежно-белыми крыльями за плечами, и скажут: Прощай, Теобальд! Прощай, Готфрид! Вернитесь туда, откуда вы пришли; мы теперь поведем дальше Кетхен по ее дороге к богу. — Но ничего этого не случилось; мы должны проводить тебя до самого монастыря.

ТЕОБАЛЬД.

Так тихо стоят дубы, раскинувшиеся по горам: слышно, как там стучит дятел. Мне кажется, знают они, что Кетхен пришла, и прислушиваются к тому, что она думает. Чем бы я ни стал, чтобы только узнать это! Звон арфы не может быть нежнее, чем ее чувства; Израиль отшатнулся бы от Давида, и с ее слов научился бы новой псалтири. — Милая моя Кетхен!

КЕТХЕН.

Мой милый отец!

ТЕОБАЛЬД.

Скажи хоть слово.

КЕТХЕН.

Мы уже у цели?

ТЕОБАЛЬД.

Да, у цели. Там, в том приветливом здании, которое вместе со своими башнями сжато горами, едва в тысяче шагов отсюда, находятся тихие кельи благочестивых монахов-августинцев; и здесь освященное место, где они молятся.

КЕТХЕН.

Я чувствую себя усталою.

ТЕОБАЛЬД.

Посидим. Подойди ко мне, дай руку, я поддержу тебя. Здесь, перед этою решеткою, скамейка есть, обросшая короткою и густою травою: взгляни, самое приятное местечко, какое только я когда-нибудь видел.

(Кетхен садится).

ГОТФРИД.

Как ты себя чувствуешь?

КЕТХЕН.

Очень хорошо.

ТЕОБАЛЬД.

Ты бледна, все-таки, и лоб твой влажен от пота.

(Пауза).

ГОТФРИД.

Прежде ты была такая крепкая, милою за милою могла итти, через лес и через поле, а чтобы отдохнуть хорошенько, тебе нужен был только камень под голову да узелок, который ты за плечом носила; а сегодня ты так истощена, что, кажется, все постели, на которых почивает императрица, не помогут тебе опять стать на ноги.

ТЕОБАЛЬД.

Не подкрепиться ли тебе чем-нибудь?

ГОТФРИД.

Пойти и принести тебе глоток воды?

ТЕОБАЛЬД.

Или отыскать для тебя сочный плод?

ГОТФРИД.

Скажи, милая моя Кетхен!

КЕТХЕН.

Благодарю тебя, милый отец!

ТЕОБАЛЬД.

Ты благодаришь нас?

ГОТФРИД.

Ты отказываешься ото всего?

ТЕОБАЛЬД.

Тебе ничего не надо, только бы скорее конец, только бы я пошел и сказал приору Гатто, моему старому другу: вот перед тобою старый Теобальд, он хочет схоронить своего единственного милого ребенка!

КЕТХЕН.

Мой милый отец!

ТЕОБАЛЬД.

Ладно. Пусть так. Но прежде, чем мы сделаем решительные шаги, которых нельзя уже будет вернуть, я хочу сказать тебе еще кое-что. Я скажу тебе, что пришло в голову Готфриду и мне на пути сюда и что, как нам кажется, необходимо сделать, прежде чем мы переговорим об этом деле с приором. Сказать тебе, в чем дело?

КЕТХЕН.

Говори!

ТЕОБАЛЬД.

Так вот, начнем, замечай себе все и хорошенько пытай свое сердце! Ты хочешь, чтобы приор Гатто хлопотал о приеме твоём в монастырь урсудинок, скрывающийся глубоко в пустынных горах, поросших сосновым лесом. Тебя уже не прельщает мир, милое поле жизни; одинокое и благочестивое созерцание божьего лика должно заменить тебе отца, брак, детей и ласки маленьких цветущих внучат.

КЕТХЕН.

Да, мой милый отец.

ТЕОБАЛЬД

(помолчав немного),

А что, если бы возвратиться тебе на несколько недель, пока погода еще хороша, к тем стенам, и там еще раз обдумать решение?

КЕТХЕН.

Как?

ТЕОБАЛЬД.

Я говорю, вернуться бы тебе опять к Штральбургу, под твою бузину, где чижи свили себе гнезда, у скалистого отвеса, откуда, ты знаешь, замок глядит на деревни и поля страны, светясь в лучах солнца?

КЕТХЕН.

Нет, дорогой отец!

ТЕОБАЛЬД.

Почему нет?

КЕТХЕН.

Граф, господин мой, запретил мне это.

ТЕОБАЛЬД.

Он тебе запретил. Хорошо. И того, что он запретил, ты и не должна делать. Однако, если бы я пошел к нему и просил, чтобы он это позволил?

КЕТХЕН.

Как? Что ты говоришь?

ТЕОБАЛЬД.

Если бы я просил его тебе оставить местечко, где тебе так хорошо, а мне свободу дружески тебя снабжать там же всем, что тебе необходимо?

КЕТХЕН.

Нет, мой милый отец.

ТЕОБАЛЬД.

Почему нет?

КЕТХЕН

(втоске).

Ты этого не сделаешь; а если бы ты это сделал, граф не позволит; а если бы он позволил, мне все равно нечего было бы делать с его разрешением.

ТЕОБАЛЬД.

Кетхен! Милая моя Кетхен! Я сделаю это. Я повернусь перед ним, как теперь перед тобою, и скажу: мой высокий господин! позвольте Кетхен жить под небом, которое распростерто над вашим замком; и, когда вы выезжаете верхом, дозвольте, чтобы она издали, на полет стрелы, следовала за вами, а когда наступит ночь, дайте ей местечко на соломе, разостланной для ваших гордых коней! Это все-таки лучше, чем ей погибнуть от скорби.

КЕТХЕН

(также опускаясь перед н и м на колени).

О, господи, владыка небесный! Ты уничтожаешь меня! Твои слова, точно ножом, крест на крест пронизали мою грудь! Теперь уже я не хочу идти в монастырь, я вернусь с тобою в Гейльбронн; я забуду графа, и выйду замуж за кого ты хочешь; даже если бы моею брачного постелью стала могила восьми локтей глубиной.

ТЕОБАЛЬД

(вставая и поднимая ее).

Ты не сердись на меня, Кетхен?

КЕТХЕН.

Нет, нет! Что это пришло тебе в голову?

ТЕОБАЛЬД.

Я отведу тебя в монастырь.

КЕТХЕН.

Ни за что, никогда. Ни в Штральбург, ни к урсулинкам! Только отведи меня на ночь к приору, где бы я могла преклонить голову и отдохнуть; на заре, если можно будет, пойдем обратно.

(Плачет).

ГОТФРИД.

Что ты наделал, старик?

ТЕОБАЛЬД.

Ах! Я довел ее до болезни!

ГОТФРИД

(звонит).

Дома приор Гатто?

ПРИВРАТНИК

(открывает дверь).

Иисусу Христу слава!

ТЕОБАЛЬД.

Во веки веков, аминь!

ГОТФРИД.

Может быть, она придет в себя.

ТЕОБАЛЬД.

Иди, дочь моя! Да просветит тебя господь своею премудростью, чтобы все повернулось к добру.

КЕТХЕН

(молитвенно складывая руки).

Просвети меня, господи, и помоги мне.

(Уходят).

Перемена сцены: гостиница.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Рейнграф фон Штейн и Фридрих фон Гернштадт входят, за ними Яков Пех, хозяин гостиницы и слуги, сопровождающие рейнграфа.

РЕЙНГРАФ

(слугам).

Расседлайте коней! Поставьте часовых на триста шагов вокруг гостиницы, и впускайте всякого, не выпускайте никого! Кормите лошадей и сами оставайтесь в конюшнях, и показывайтесь как можно меньше; когда Эгингард вернется с известиями из Турнека, я отдам вам дальнейшие приказания.

(Слуги удаляются направо)

Кто живет здесь!

ЯКОВПЕХ

С позволения вашей милости, я и моя жена, могущественный господин!

РЕЙНГРАФ.

Кто еще?

ЯКОВПЕХ

Трое парней.

РЕЙНГРАФ.

А здесь?

ЯКОВ ПЕХ

Скот.

РЕЙНГРАФ.

Как?

ЯКОВПЕХ

Скот, — свинья с ее пометом, с позволения вашей милости; это — свинятник, на дворе из дранок сколочен.

РЕЙНГРАФ.

Хорошо. — А здесь кто живет?

ЯКОВПЕХ

Где?

РЕЙНГРАФ.

За этою третью дверью?

ЯКОВПЕХ

Никто, с позволения вашей милости.

РЕЙНГРАФ.

Никто?

ЯКОВПЕХ

Никто, могущественный господин, доподлинно так. Или, вернее, всякий. Это выходит опять на открытое поле.

РЕЙНГРАФ.

Хорошо. — Как тебя зовут?

ЯКОВПЕХ

Яков Пех.

РЕЙНГРАФ.

Пошел прочь, Яков Пех!..

(Яков Пех уходит направо, в гостиницу).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Рейнграф, Фридрих.

РЕЙНГРАФ.

Я подберусь здесь в клубок, как паук, чтоб быть похожим на кучку невинной пыли; а когда она попадется в сети, эта Кунигунда, чтобы наброситься на нее и вонзить глубоко в ее неверную грудь жало мести; убить, убить, убить, и ее костяк, как монумент блудницы, спрятать на чердаке Штейнбурга!

ФРИДРИХ.

Тише, тише, Альбрехт! Эгингард, которого ты послал в Турнек, еще не возвратился с подтверждением того, что ты подозреваешь.

РЕЙНГРАФ.

Правда твоя, друг; Эгингард еще не возвратился. Правда, в записке, которую мне прислала негодница, написано: она имеет честь мне откланяться; нет надобности в том, чтобы я впредь добивался ее; Штауфен уступлен ей графом фон Штраль путем дружеского посредничества. Клянусь моей бессмертной душою! Будь в этом какой-нибудь честный смысл, я готов проглотить это, и снова распустить войска, и отменить военные приготовления, которые я сделал ради нее. Но если Эгингард придет и скажет мне то, о чем уже донесли до меня слухи, будто она обручилась с ним, тогда я сложу мою учтивость, как перочинный ножик, и уж сумею выколотить военные расходы, даже если бы пришлось перевернуть ее и по геллеру вытряхивать у нее из карманов все сполна.

(Эгингард фон дер Варт входит справа).

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Эгингард. Потом трою парней хозяина.

РЕЙНГРАФ.

Прими, мой друг, верный братский привет! — Что творится в замке Турнек?

ЭГИНГАРД.

Друзья, все так, как нам известно по слухам. Они плывут на всех парусах по океану любви, и прежде, чем обновится месяц, они войдут в гавань брака.

РЕЙНГРАФ.

Пусть молния разгромит их мачты прежде, чем они ее достигнут!

ФРИДРИХ.

Они обручены?

ЭГИНГАРД.

Грубыми словами, думаю я, нет; но если взгляды могут говорить, выражения лиц — писать, а пожатия рук — скреплять, то брачный договор готов.

РЕЙНГРАФ.

Но как же произошло, что он подарил ей Штауфен? Об этом расскажи!

ФРИДРИХ.

Когда он сделал ей подарок?

ЭГИНГАРД.

Эх! Третьего дня утром, в день ее рождения, на блистательном празднике, который дали ей в Турнеке родные. Солнце едва озарило ее ложе, когда она нашла документ у себя на одеяле; документ обернут, понятно, письмецом влюбленного графа, в котором говорится, что это — ее свадебный подарок, если она решится отдать ему руку.

РЕЙНГРАФ.

Она приняла? Конечно! Не правда ли, она стала перед зеркалом, сделала книксен, и приняла?

ЭГИНГАРД.

Документ? Во всяком случае.

ФРИДРИХ.

А рука, которой требовали в награду за это?

ЭГИНГАРД.

О, в этом она не отказала.

ФРИДРИХ.

Что? Нет?

ЭГИНГАРД.

Нет! Боже сохрани! Разве она отказала хоть одному из женихов?

РЕЙНГРАФ.

Но, когда колокол зазвонит, она не сдержит слова?

ЭГИНГАРД.

Об этом вы меня не спрашивали.

РЕЙНГРАФ.

Как ответила она на письмо?

ЭГИНГАРД.

Она была так тронута, что из глаз ее, как из двух источников, полились слезы и залили его письмо; речь, к которой она обратилась, чтобы выразить свои чувства, оказалась бедною, как нищий. И без этой жертвы он имел бы право на ее вечную благодарность, и это начертано в ее груди словно буквами из бриллиантов; словом, письмо, полное двухсмысленных уловок, играет двумя красками, как двуличная тафта, и не говорит ни да, ни нет.

(Трое парней хозяина в течение разговора выползли на четвереньках из дома, справа, и приближаются, любопытствуя).

РЕЙНГРАФ

(оборачивается, и обращает в бегство вскрикивающих от страха парней).

Ха-ха-ха! Ну, друг, с этою проделкою колдовство Кунигунды уляжется в могилу! Она обманула меня, и больше никого не обманет; вереницы людей, которых она водила за нос, мною замыкаются. Где оба верховые гонца?

ФРИДРИХ

(зовет в дверь направо).

Эй!

(Два гонца входят справа).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Два гонца.

РЕЙНГРАФ

(извлекая из колета два письма).

Возьмите вот эти письма, — это ты, а это ты; и отвезите их, — ты вот это доминиканскому приору Гатто, понимаешь? В семь часов вечера я буду у него и приму в его монастыре отпущение грехов. Ты вот это Петеру Кванцу, гофмейстеру в замке Турнек. Когда пробьет полночь, я с моим отрядом явлюсь перед замком и ворвусь в него. Ты не входи раньше в замок, — слышишь ты? — пока не стемнеет, и чтобы тебя ни один человек не видел; понимаешь ты меня? А тебе нечего бояться дневного света. — Поняли вы меня?

ГОНЦЫ.

Хорошо.

РЕЙНГРАФ

(снова берет у них из рук письма).

Письма-то не перепутаны?

ФРИДРИХ.

Нет, нет.

РЕЙНГРАФ.

Нет? — Земля и небо!

ЭГИНГАРД.

Что случилось?

РЕЙНГРАФ.

Кто их запечатывал?

ФРИДРИХ.

Письма?

РЕЙНГРАФ.

Да!

ФРИДРИХ.

Пропади ты пропадом! Ты сам их запечатал!

РЕЙНГРАФ

(опять отдавая письма гонцам).

Совершенно правильно! Вот, возьмите! Я буду ждать вас у мельницы, возле водопада. Идите, друзья мои!

(Все уходят направо).

Перемена сцены: неглубокая комната в замке Турнек. Посредине дверь. Боковые двери направо и налево. Окно с правой стороны. Столы: на столе справа две зажженные свечи Стулья.

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ

Граф фон Штраль сидит, задумавшись, у стола, что с правой стороны, на котором стоят свечи; он держит лютню, изредка берет аккорды. Готшальк на заднем плане занят уборкою одежды и оружия.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Сбылись мечты, ночь брачная близка,
Гость замка Турнек станет господином.
Зачем же я, близ пристани надежной,
Сомнений полн, беспомощный, боюся,
Что буря разобьет корабль блаженства?

ГОТШАЛЬК

(покачивая головою, наблюдает за графом и потом напевает тихонько).

Тайная любовь
Разжигает кровь
Пламенной углей,
Горячей огней.

ГОЛОС КЕТХЕН

(снаружи, за среднюю дверь).

Откройте мне! Откройте мне!

ГОТШАЛЬК.

Кто там?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Я, Готшалък, здесь; мой милый Готшалък, я!

ГОТШАЛЬК.

Кто?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Я!

ГОТШАЛЬК

Ты?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Да!

ГОТШАЛЬК.

Кто?

ГОЛОС КЕТХЕН.

Я!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(оставляя лютню).

Знакомый голос!

ГОТШАЛЬК.

Клянусь, его я тоже слышал где-то.

ГОЛОС КЕТХЕН.

Откройте, граф фон Штраль! Откройте, граф!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ей богу, это...

ГОТШАЛЬК.

Это, побожусь...

ГОЛОС КЕТХЕН.

Здесь Кетхен! Кто ж иной? Ведь это — Кетхен,
Малютка Кетхен из Гейльбронна!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(встает).

ГОТШАЛЬК

(бросая все, что было у него в руках).

Ты, девочка? Сердечненькая! Ты?

(Отворяет среднюю дверь).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Как мир стоит, бывало ль?..

(Кетхен с письмом в руках входит в среднюю дверь).

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Кетхен.

КЕТХЕН

(входя).

Это — я.

ГОТШАЛЬК.

Она сама! Взгляните, ради бога!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Долой! И знать о ней я не хочу!

ГОТШАЛЬК.

Я не ослышался?

КЕТХЕН.

Где граф фон Штраль?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Долой! И знать о ней я не хочу!

ГОТШАЛЬК

(берет ее за руку).

Как, ваша милость!..

КЕТХЕН

(подает ему письмо).

Вот! Возьмите, граф!

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(внезапно оборачиваясь к ней).

Что надо здесь тебе? Чего ты ищешь?

КЕТХЕН

(испуганная).

Нет! Боже сохрани! Письмо вот это...

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Я не хочу его! Что за письмо?

Откуда? Что в нем? Мне-то что за дело?

КЕТХЕН.

Письмо...

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

И знать о нем я не хочу!

Иди! Отдай его внизу, в передней!

КЕТХЕН.

Мой господин! позвольте объяснить вам.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(в диком бешенстве).

Бесстыдная, бродячая девчонка!

И знать о ней я не хочу! Сказал я!

Назад в Гейльбронн, — там надо быть тебе!

КЕТХЕН.

Мой повелитель! Тотчас вас покину!

Но лишь письмо, — оно для вас так важно, —

Из рук моих принять вы снизойдите.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Да не хочу его! Не нужно мне!

Иди, живей!

КЕТХЕН

(просительно).

Высокий господин мой

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отворачиваясь).

Мой хлыст! Где он висит? Вот посмотрю я,

Да неужель я от беспутной девки

Покоя не могу добиться дома!

(Снимает хлыст со стены).

ГОТШАЛЬК.

Что, ваша милость, вы хотите сделать?

Не от нее письмо, так почему же

Его вы благосклонно не возьмете?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Молчи, осел ты старый!

КЕТХЕН

(Готшальку).

Пусть! Оставь!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Здесь, в Турнеке, я знаю, что мне делать,

И от нее письма я не возьму!

Уйдешь теперь?

КЕТХЕН

(скороговоркой, дрожа).

Исполню вашу волю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ну что ж?

ГОТШАЛЬК

(в полголоса Кетхен).
Не бойся ничего!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Иди же!

Отдай слуге — у входа он стоит,
И уходи, откуда ты пришла.

КЕТХЕН.

Да, да. Увидишь, я послушна буду.
Не бей меня, пока скажу Готшальку.
(Обращается к Готшальку).
Возьми письмо.

ГОТШАЛЬК.

Дай, милое дитя!
(Берет письмо).

Что за письмо? И что оно содержит?

КЕТХЕН.

От графа, — понимаешь ты? — фон Штейн,
В нем говорится, что еще сегодня
На Турнек нападут, на этот замок,
И на прекрасную невесту графа.
Владыки моего, на Кунигунду.

ГОТШАЛЬК.

На замок нападение? Быть не может!
От графа Штейн? Где ты взяла письмо?

КЕТХЕН.

Посланье получил почтенный Гатто,
Как-раз когда с отцом по божьей воле
Была у приора я в тихой келье;
Не понял приор смысла этих строчек,
Вернуть гонцу письмо уж собирался,
Но я письмо из рук его схватила,
И поспешила в Турнек, — все сказать вам,
Чтоб вы скорей взялись за оружие;
Ведь звон полуночный сегодня должен
Сигналом быть убийственной измены.

ГОТШАЛЬК.

Да как же к приору письмо попало?

КЕТХЕН.

Не знаю, милый; и не все ль равно?
Как видишь, послано оно к кому-то,

Кто в замке Турнек здесь живет; а как
 Попало к приору, нельзя понять.
 Но убедилась я сама, что верно
 О нападенъи сказано в нем: словом,
 Уж близок граф, он к Турнеку подходит,
 Я по дороге встретила его.

ГОТШАЛЬК.

Ты, дочка призрак видела!

КЕТХЕН.

Не призрак!

Нет, право же! Как верно, что я — Кетхен!
 Пред самым замком граф стоит; кто, конный,
 Из замка выедет, чтоб осмотреться,
 Увидит тот, что далеко в округе
 Весь лес наполнен всадниками графа.

ГОТШАЛЬК.

Возьмите ж граф, письмо, взгляните сами!
 Не знаю, что и думать мне об этом.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(откладывает хлыст, берет письмо и развертывает его).

„Едва пробьет двенадцать, буду я
 Пред Турнеком. Пусть ворота отворят.
 Как только запыхает, я войду;
 Не мечу ни в кого, лишь в Кунигунду,
 Да граф фон Штраль, ее жених, мне враг.
 Ты мне укажешь, старый, их покой“.

ГОТШАЛЬК.

Вот злодеянье адское! А подпись?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Здесь три креста стоят.

(после паузы, Готшалку).

Подай мне панцырь

Как силен был отряд их, Катерина?

КЕТХЕН.

Шесть, семь десятков, господин мой славный!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сам граф фон Штейн был с ними?

КЕТХЕН.

Не видала.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто вел его отряд?

КЕТХЕН.

Мне незнакомых

Два рыцаря, почтенный господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Теперь, ты говоришь, они пред замком?

КЕТХЕН.

Да, господин.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Отсюда далеко?

КЕТХЕН.

Рассеяны в лесу шагов на триста.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Направо от пути?

КЕТХЕН.

В бору, налево,

Где мостик высится над водопадом.

(Пауза).

ГОТШАЛЬК

Вот замысел неслыханный и гнусный!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(прячет письмо; Готшальку).

Зови ко мне скорей господ фон Турнек!

Как время?

ГОТШАЛЬК.

Через полчаса — двенадцать.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нельзя терять нам ни одной минуты.

(Надевает шлем).

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, сейчас; иду! Голубка Кетхен,

Усталым сердцем отдохни немного!

Как благодарны мы тебе, ей богу!

Так, ночью, чрез леса, поля, долины...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Еще что, девушка, сказать мне хочешь?

КЕТХЕН.

Нет, господин почтенный!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что ты ищешь?

КЕТХЕН

(проводя рукою по своей груди).

Обложка, может быть, тебе нужна.

Как-будто, здесь?.. Как-будто, там?..

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Обложка?

КЕТХЕН.

Нет, здесь.

(Вынимает конверт и подает его графу).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Давай.

(Рассматривает бумагу).

Твое лицо пылает!

Надень платок сейчас же, Катерина,

Не пей, пока не отдохнешь! — Да разве

Нет у тебя?

КЕТХЕН.

Нет.

(Готшальк радостно потирает руки).

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(снимает с себя шарф, но, взглянув на Готшалька, внезапно отворачивается и бросает шарф на стол).

Вот, возьми-ка шарф.

(Берет перчатки и натягивает их).

Когда захочешь ты к отцу вернуться,

Я дам тебе, само собой понятно...

(Удерживается).

КЕТХЕН.

Что же?

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(замечает хлыст).

Зачем здесь хлыст?

ГОТШАЛЬК.

Да на нее вы сами!..

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(яростно).

Каких же здесь собак прогнать мне надо?

(Бросает хлыст направо в окно так, что звенят осколки стекла; п о т о м к Кетхен).

Повозку, милое дитя, и лошадь,
 Чтоб ты вернулась безопасно в Гейльбронн.
 Когда ты хочешь?

КЕТХЕН

(дрожа).

Господин, сейчас же!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(гладит ее по щеке).

Нет, не сейчас. В корчме переночуешь.

(Плачет. Готшальку).

Глаза таращишь? Подбери осколки!

(Готшальк подбирает осколки. Граф фон Штраль берет со стола шарф и по-
 дает его Кетхен).

Возьми! Когда остынешь, дай обратно!

КЕТХЕН

(хочет поцеловать его руку).

Владыка мой!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отворачиваясь).

Прощай! Прощай! Прощай!

(Набат и шум суматохи снаружи).

ГОТШАЛЬК.

Всесильный боже!

КЕТХЕН.

Что там? Что случилось?

ГОТШАЛЬК.

Идут они?

КЕТХЕН.

Идут?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вперед, фон Турнек!

Рейнграф уж здесь, клянуся всем живущи

Сюда, бездельники вы, жгите, грабьте!

Я докажу, что не передник женский,

А Веттер, граф фон Штраль — защитник замка!

(Бросается из комнаты. Кетхен, с помощью Готшалька, берет с девического
 неловкостью и копье и бежит вслед за графом. Готшальк — за ними).

Перемена сцены: двор перед замком Турнек. Ночь; замок горит. Призывы
 к нападению.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

НОЧНОЙ СТОРОЖ

(входит и трубит в рог).

Пожар! Пожар! Пожар! Просыпайтесь вы, мужи Турнека, вы, жены и малые дети, просыпайтесь! Стряхните с себя сон, который как исполин навалился на вас; опомнитесь, воспряньте и проснитесь! Пожар! Злодеяние прокралось через ворота! Смерть с луком и со стрелами стоит прямо над вами, и, чтобы ей светить, разорение вбило свои факелы по всем углам города! Пожар! Пожар! О, иметь бы мне легкие из бронзы да одно только слово кричать как можно громче: Пожар! Пожар! Пожар!

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф фон Штраль. Три господина фон Турнек. Свита. Ночной сторож. Голос Готшалька. К р и к и часовых. К р и к о пожаре врывается во время пауз в разговоры.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Земля и небо! Кто поджег замок? Готшальк!

ГОТШАЛЬК

(за сценою).

Эй!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Мой щит! Мое копьё!

РЫЦАРЬ ФОН ТУРНЕК.

Что случилось?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Не спрашивайте, берите всех, кто здесь есть, спешите на валы, защищайтесь и разите как разъяренный раню кабан!

РЫЦАРЬ ФОН ТУРНЕК.

Рейнграф у ворот?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

У ворот, господа, и прежде, чем вы успеете задвинуть за-со-вы, — здесь: ворота ему отворила измена внутри замка.

РЫЦАРЬ ФОН ТУРНЕК.

Злодеяние неслыханное! — Вперед!

(Уходит со свитою).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Готшальк!

ГОТШАЛЬК
(за сценою).

Эй!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Мой меч! Мой щит! Мое копьё!

(Кетхен появляется со щ и т о м , копьём и мечом).

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, кроме г о с п о д ф о н Турнек и их свиты. Кетхен.

КЕТХЕН.

Здесь!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(принимая меч и опоясываясь им).

Чего тебе?

КЕТХЕН.

Я принесла тебе оружие.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Тебя я не звал.

(Берет щ и т и копьё).

КЕТХЕН.

Готтшальк спасает.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Почему он не пришлет слуг? Ты уж опять вмешиваешься!
(Н о ч н о й сторож опять трубит в рог).

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Рыцарь Фламберг со всадниками.

ФЛАММБЕРГ.

Эге, ты так трубишь, что у тебя, пожалуй, щеки лопнут! Рыбы и кроты знают, что пожар, — какая нужда в твоём богопротивном пении, чтобы нам возвещать об этом?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто там?

ФЛАММБЕРГ.

Штральбургские!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Фламберг?

ФЛАММБЕРГ.

Он самый!

ГРАФ Ф О М ШТРАЛЬ.

Иди сюда! Побудь здесь, пока мы разведаем, где бушует битва!

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. В х о д я т тетки фон Турнек.

ПЕРВАЯ ТЕТКА.

Господи, помоги нам!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Успокойтесь, успокойтесь.

ВТОРАЯ ТЕТКА.

Мы пропали! Нас перебьют!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Где госпожа Кунигунда, ваша племянница?

ТЕТКИ.

Госпожа наша племянница?

КУНИГУНДА

(в замке).

Помогите! Люди! Помогите!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Господь небесный! Не ее ли это был голос?

(О т д а е т ш и т и копые Кетхен и хочет итти).

ПЕРВАЯ ТЕТКА.

Она зовет! Спешите, спешите!

ВТОРАЯ ТЕТКА.

Она показалась там, в портале!

ПЕРВАЯ ТЕТКА.

Скорей! Ради всех святых! Она шатается, она падает!

ВТОРАЯ ТЕТКА.

Спешите ей помочь!

(Кунигунда ф о н Турнек и ее служанка Розалия выходят из замка).

ТРИНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же. Кунигунда. Розалия.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(принимая в с в о и объятия Кунигунду).

О, Кунигунда!

КУНИГУНДА

(слабым голосом).

Портрет вы подарили мне, граф Фридрих!

Портрет, в футляре...

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что же? Где же он?

КУНИГУНДА.

В огне! Увы! Спасите! Он сгорит!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Пустое! Сам я с вами, дорогая!

КУНИГУНДА.

Портрет с футляром, Веттер граф фон Штраль

Портрет с футляром!

КЕТХЕН

(подходит)

Где он? Где стоит?

(Отдает Фламбергущити копьё).

КУНИГУНДА.

Он там, в столе! Голубушка, вот ключ!

(Кетхен берет к л ю ч и хочет итти).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Стой, Кетхен!

(Кетхен останавливается).

КУНИГУНДА.

Живо!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Стой, дитя!

КУНИГУНДА.

Зачем

Дорогу заступили ей?

Пустите!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

За этот десять вам других портретов...

КУНИГУНДА
(перебивает его).

Нет, этот, не другой! Чего он стоит,
Не место здесь сейчас вам объяснять.
Ну, девушка, добудь портрет с футляром:
За это награжу тебя алмазом.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так добывай! Безумной по делом!
Чего она искала в этом месте?

КЕТХЕН
(удаляясь).

Где, вправо?

КУНИГУНДА.

Влево, милая; подняться
Там, где, взгляни, балконом вход украшен!

КЕТХЕН.

Там, в средней комнате?

КУНИГУНДА.

Да, в средней! Верно
Найдешь, беги! Опасность угрожает!

КЕТХЕН.

Иду я! С богом! С богом! Принесу вам!...
(Скрывается в замке).

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

(Граф фон Штраль. Кунигунда Розалия. Люди, бегущие на помощь.
Потом Кетхен).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ,

Эй, золота кошель тому, кто в замок
За ней пойдет!

(Вынимает кошель).

КУНИГУНДА.

Зачем же? Для чего?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Фейт Шмидт! Ганс, ты! Карл Беттигер! Фриц Тёпфер!
Кто здесь из вас?

КУНИГУНДА.

Что вздумалось вам?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Признаться должен я, что в самом деле...

КУНИГУНДА.

Каким вы рвением странным загорелись!
Кто эта девочка?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Девушка эта

С таким сегодня рвением нам служила.

КУНИГУНДА.

Как-будто дочь царя она, ей богу!
Чего страшитесь вы? Хоть дом пылает,
Но как скала стоит на балках прочно;
Она в тех переходах не погибнет.
И лестница еще ведь не горит;
В дыму пройдет, иной беды не будет.

КЕТХЕН.

(появляется в пылающем окне верхнего этажа).
Эй, фрейлейн!.. Господи, я задыхаюсь!

(Кричит очень громко):

Не тот мне дали ключ!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(Кунигунде).

Ах, смерть и дьявол!

Получше б вам направить вашу руку!

КУНИГУНДА.

Что? Ключ не тот?

КЕТХЕН

(слабым голосом).

О боже, помоги!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сюда, дитя!

КУНИГУНДА.

Пусть, пусть!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сюда, сказал я!

Что без ключа ты сделаешь? Сюда!

КУНИГУНДА.

Одну минутку!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Как? Что, чорт возьми!

КУНИГУНДА

(обращаясь к Кетхен).

Сердечко, милая, я вспоминаю
Теперь, что ключ на гвоздике висит
У зеркала, что там над туалетом!

КЕТХЕН.

У зеркала?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Уж лучше б не родились
Ни тот, кто рисовал меня, ни тот,
Кто произвел меня на свет, ей-богу!

(обращаясь к Кетхен):

Ищи!

КУНИГУНДА

(ей же).

Над туалетом, светик, слышишь?

КЕТХЕН

(отходя от окна).

Где туалетный стол? — все полно дыма.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ищи!

КУНИГУНДА.

К стене направо.

КЕТХЕН

(уже невидная).

Здесь, направо?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ищи!

КЕТХЕН

(слабым голосом).

Помилуй, бог!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ищи, сказал я!

Проклятая услужливость собачья!

ФЛАММБЕРГ.

Дом рухнет скоро, — пусть бы поспешила!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Несите лестницу!

КУНИГУНДА.

Мой милый, что вы?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Несите лестницу! Я поднимуся.

КУНИГУНДА.

Друг дорогой! Вы сами?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Не мешайте!

Пустите! Вам портрет сам принесу я.

КУНИГУНДА.

Помедлите минуту, — я клянусь вам,

Она сейчас придет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сказал, пустите!

Я знаю стол, и зеркало, и гвоздик,

Она не знает; отыщу все это,

Картину мелом с маслом на холсте,

Желанье сердца вашего исполню.

(Четверо слуг приносят пожарную лестницу).

Так! Лестницу сюда!

ПЕРВЫЙ СЛУГА

(что спереди, оглядываясь).

Эй, вы там, сзади!

ВТОРОЙ СЛУГА

(графу).

Куда?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

К открытому окну.

СЛУГИ

(ставя лестницу).

О-хо!

ПЕРВЫЙ СЛУГА

(что впереди).

Возьми назад, вы, сзади там! Куда вы!

Длинна ведь лестница!

ДРУГИЕ СЛУГИ

(что сзади).

Сшибайте раму!

Так! Переплет окна долой! Вот так!

ФЛАММБЕРГ
(помогая).

Вот, лестница устоялась прочно.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(отбрасывая свой меч).

Так, хорошо!

КУНИГУНДА.
Возлюбленный! Послушай!..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Вернусь я тотчас!

(Ставит одну ногу на лестницу).

ФЛАММБЕРГ
(вскрикивает).
Стой! Творец небесный!

КУНИГУНДА.
(в испуге бежит от лестницы).

Что это?

СЛУГИ.
Замок рушится! Назад!

ВСЕ.

Все — прах и пепел там! Спаситель мира!

(Дом рушится. Граф фон Штраль отворачивается и обессиленными руками сжимает голову. Все, кто на сцене, отступают назад, и так же отвертываются).

ПЯТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

(Кетхен быстро входит, со свертком бумаги, через большой портал, который уцелел; за нею херувим в обличении юноши, светом облеченный, светлокудрый, с крыльями за плечами и пальмового ветвью в руке).

КЕТХЕН

(выйдя из портала, тотчас поворачивается к херувиму и повергается перед ним).

От бед храни меня, посол небесный!

(Херувим касается ее головы пальмового ветвью и исчезает).

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Те же, без херувима.

КУНИГУНДА

(оглядевшись вокруг себя).

О, бог живой, клянуся, как во сне я!

Мой друг! Взгляните!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(не обращая на нее внимания).

Фламберг!

КУНИГУНДА

Братья! Тети!

Послушайте же, граф!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отталкивая ее).

Ну, ну! Прошу вас!

КУНИГУНДА

Безумец! Соляным столпом вы стали?

Все счастливо сошло.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отвернувшись).

Я безутешен!

Нет больше в мире красоты. Оставьте.

ФЛАММБЕРГ

(слугам).

Скорее, братцы!

СЛУГА.

Топоры, лопаты!

ДРУГОЙ СЛУГА.

Обшарим мусор, не жива ль она.

КУНИГУНДА

(резко).

О, бородатые глупцы! Девица,

По вашему, в пожаре пеплом стала,

А вот лежит она, свежа, здорова,

Закрывши рот, хихикая в передник.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(оборачиваясь).

Где?

КУНИГУНДА

Здесь!

ФЛАММБЕРГ.

Скажите! Это невозможно.

ТЕТКИ.

Девушка?..

ВСЕ.

Боже! Там она! Глядите!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(подходит к ней и смотрит на нее).

Над нею бог с его небесной ратью!

(Поднимает ее с земли).

Где ты прошла?

КЕТХЕН.

Не знаю, господин мой.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Здесь дом стоял, ведь так — и ты была там.

Иль нет?

ФЛАММБЕРГ.

Где ты была, когда он рухнул?

КЕТХЕН.

Не знаю, право, что со мною было.

(Пауза).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Да и картина с ней еще.

(Берет сверток из ее рук).

КУНИГУНДА

(бросается к ней)

Где?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Здесь.

(Кунигунда бледнеет).

Так? Ведь картина здесь? Конечно!

ТЕТКИ.

Дивно!

Кто дал тебе? Скажи!

КУНИГУНДА

(бьет ее свертком по щеке).

Какая дура!

Я про футляр ей разве не сказала?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Однако, признаюсь я, правый боже...
Футляр вам нужен?

КУНИГУНДА.

Больше ничего!
На нем вы надписали ваше имя;
Он дорог мне, я это ей внушала.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну, если только...

КУНИГУНДА.

Да? Вы не согласны?
Об этом мне судить, никак не вам!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

От вашей доброты немею, фрейлейн.

КУНИГУНДА
(к Кетхен).

Зачем ты вынимала из футляра?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Зачем ты вынула, дитя?

КЕТХЕН.

Портрет?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Да!

КЕТХЕН.

Не вынимала я, мой господин!
Когда я стол открыла, он лежал,
Полуразвернутый, с футляром рядом.

КУНИГУНДА.

Прочь! — Обезьянья рожа!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Кунигунда!

КЕТХЕН.

Так надо было мне сперва обратно
Его в футляр?..

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Нет, нет, голубка Кетхен!
Хвалю тебя, ты сделала, что надо.
Могла ль ты знать значение футляра?

КУНИГУНДА.

Сам чорт водил ее рукой!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Не бойся!

Не так ведь зла уж фрейлейн. Отойди!

КЕТХЕН.

Хоть ты не бей меня, о, господин мой!

(Идет к Фламмбаергу и в глубине сцены скрывается среди слуг).

СЕМНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

(Те же и господа фон Турнек).

РЫЦАРЬ ФОН ТУРНЕК

Победа, господа! Наш враг отбит!

Бежит рейнграф, — он в голову поранен!

ФЛАММБЕРГ.

Бежит он?

НАРОД

Слава! Слава!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

На коней!

Добраться б нам скорей до водопада,

И там мы шайку перехватим всю!

(Все уходят).

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Местность в горах у порожистого ручья с мостом.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Рейнграф фон Штейн, верхом на коне, столпою пехотинцев, переходит мост. Его преследует граф фон Штраль, верхом на коне; вскоре за ним рыцарь Фламберг со слугами и спешенными всадниками. Наконец Готшальк также на коне, возле него Кетхен.

РЕЙНГРАФ

(своим пехотинцам).

За мост, дети, за мост! Этот Веттер фон Штраль громы-хает там за нами, словно его ураган несет; нам надо свалить мост, или мы все погибнем.

(Мчится через мост. Слуги рейнграфа следуют за ним).

Ломайте мост!

(Разрушают мост).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(появляется на сцене, торопя своего коня).

Прочь! Не смейте портить перехода!

СЛУГИ РЕЙНГРАФА

(пуская в него стрелы).

Эй! Эти стрелы — тебе ответ!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(поворачивая коня).

Подлые убийцы! — Эй! Фламберг!

КЕТХЕН

(поднимая сверток).

Мой высокий господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(Фламберг).

Стрелков сюда!

РЕЙНГРАФ

(кричит через ручей).

До свидания, граф! Можете плыть, так плывите; в Штейнбурге, по сю сторону моста, вы нас найдете.

(Скрывается вместе со своим отрядом).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Благодарю вас, господа! Буду за ручьем, так навешу вас!

(Подъезжает к ручью).

СЛУГА

(из его отряда).

Стой! Чорт поberi! Берегитесь!

КЕТХЕН

(оставаясь на берегу).

Граф фом Штраль!

ДРУГОЙ СЛУГА.

Ташите сюда бревна и доски!

ФЛАММБЕРГ.

Что! Или ты — жид?

ВСЕ.

В брод! в брод!

(Идут за ним).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Гоните их, гоните! Это — ручей, где форелям водиться, не широк и не глубокий! Правильно! Правильно! Мы в куски изрубим эту сволочь!

(Уходит со своими воинами).

КЕТХЕН.

Граф фом Штраль! Граф фом Штраль!

ГОПШАЛЬК

(на коне, повертываясь к ней).

Ну, что ты шумишь и кричишь? Что ты тут ищешь в этой свалке? Чего ты бежишь за нами?

КЕТХЕН

(держась за ствол дерева).

О, небо!

ГОПШАЛЬК

(сходя с коня).

Иди! Опоаясь и садись на коня. Я поведу коня в поводу и перевезу тебя.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(за сценою).

Готшальк!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, милостивый господин, сейчас! Что прикажете?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Мне нужно мое копье!

ГОТШАЛЬК

(держа стремя для Кетхен).

Я несу его.

КЕТХЕН.

Конь боится.

ГОТШАЛЬК

(дергая лошадь за уздцы).

Стой, волчья сыть!

(Обращаясь к Кетхен).

Такними башмаки и чулки!

КЕТХЕН

(садится на камень).

Сейчас.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(за сценою).

Готшальк!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, сейчас! Я уже несу копье!

(К Кетхен).

Что это у тебя тут в руке?

КЕТХЕН

(снимая обувь).

Футляр, милый, что вчера... вот!

ГОТШАЛЬК.

Что? Тот, что остался в огне?

КЕТХЕН.

Тот самый! За который меня бранили! Сегодня рано утром я поискала в мусоре, и соизволением божьим... вот так!

(Срывает с ноги чулок).

ГОТШАЛЬК.

Ну, что за чорт!

(Берет футляр у нее из рук).

И целехонек, клянусь честью, как-будто это камень! Что в нем?

КЕТХЕН.

Не знаю.

ГОТШАЛЬК

(вынимает из футляра о д и н лист).

„Акты, относящиеся к дарению Штауфена графом фон Штраль“, — ну, проклятая!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(за сценою).

Готшалък!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас, милостивый господин, сейчас!

КЕТХЕН

(встает).

Вот я готова.

ГОТШАЛЬК.

Ну, ты должна отдать это графу.

(Отдает ей футляр).

Пойдем, — дай мне руку и ступай за мною!

(Ведет ее и коня через ручей).

КЕТХЕН

(сдва вступив в воду).

Ай!

ГОТШАЛЬК.

Надо тебе немного подобрать платье.

КЕТХЕН.

Нет, ради бога, не надо!

(Останавливается).

ГОТШАЛЬК.

Только по колено, Кетхен!

КЕТХЕН.

Нет! Я лучше найду себе другую дорогу.

(Возвращается).

ГОТШАЛЬК

(задерживая ее).

Только до лодыжки, дитя! До наружного края ступни!

КЕТХЕН.

Нет, нет, нет, нет; я сейчас приду к тебе.

(Освобождается и убегает).

ГОТШАЛЬК

(выходит из ручья на берег я кричит ей вслед).

Кетхен! Кетхен! Я отвернусь! Я закрою глаза! Кетхен! На целые мили кругом не найти другой дороги! Эх, хоть бы у нее

пояс разорвался! Бежит вдоль берега, к источнику, к белым крутым вершинам гор; клянусь душою, если не сжалится над нею какой-нибудь паромщик, так она погибнет!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(за сценою).

Готшалк! Небо и земля! Готшалк!

ГОТШАЛК.

Ну, и горланит же! — Здесь, милостивый господин; я же иду. (Ворча переводит через ручей своего коня).

Перемена сцены: замок Веттерштраль. М е с т о , густо заросшее деревьями, у наружной полуразрушенной стены. Спереди куст бузины, образующий подобие естественной беседки, п о д к о т о р о ю — ложе из камней, покрытое соломенною циновкою. На ветвях видны рубашка, пара чулок и т. п., развешенные для сушки.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

К е т х е н спит под бузиною. Подходит г р а ф ф о н Ш т р а л ь. П о т о м голос Готшалка.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(прячет футляр на груди).

Готшалк, подавая мне футляр, сказал, что Кетхен опять здесь. Кунигунда только-что вступила, так как ее замок сгорел, в ворота моего замка; тогда подходит он и говорит: „Она опять лежит под бузиною и спит“, и просил меня со слезами на глазах, чтобы я позволил ему взять ее в сарай. Я сказал, — пока не явится старик-отец, я пристрою ее в гостинице. Вот и пробрался я вниз, чтобы исполнить это намерение. Не могу я больше видеть эту скорбь. Эта девушка, которой суждено было бы осчастливить лучшего швабского бюргера, — хотел бы я знать, почему я осужден всюду водить ее за собою, как блудницу; хотел бы я знать, зачем она тащится за мною, как собака, через огонь и воду, за мною, нищим, у которого нет ничего, кроме герба на щите. Это не одно только симпатическое влечение сердца; это — некое, преисподнее воспламененное, безумие, которое заводит свою игру в ее груди. Сколько раз я ее спрашивал: Кетхен! Отчего же ты так испугалась, когда впервые увидела меня в Гейльбронне? — и всегда она глядела на меня рассеяннo и отвечала: „Что вы, достопочтенный господин! Вы же это знаете!“

(Замечает ее).

Вот она! Воистину, когда я вижу как она лежит вот так, с румяными щеками и сложив ручки, мною совершенно овладевает ощущение женской прелести и заставляет меня проливать слезы. Умереть мне сейчас, если она не простила мне хлыст, —

ах, да что я говорю! — если она не уснула, молясь за меня, а я так дурно обращался с нею! Однако, живет, а то придет Готшалк и помешает мне. Он мне рассказал о трех ее свойствах: во-первых, что она спит, как сурок; во-вторых, что она вечно видит сны, как охотничья собака, и в третьих, что она говорит во сне; и на этих трех особенностях ее построю я свой опыт. Если это — грех, да простит мне его бог!

(Становится на колени рядом с Кетхен и возлагает на нее руки. Кетхен делает движение, словно сейчас в о т проснется, но затем снова успокаивается).

Ты спишь ли, Кетхен?

КЕТХЕН.

Нет, мой господин.

(Пауза).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

И все-таки твои сомкнуты веки.

КЕТХЕН.

Сомкнуты?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Да, и, кажется мне, крепко.

КЕТХЕН.

Ах, что ты!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Нет? Иль ты глаза открыла?

КЕТХЕН.

Так широко, мой милый, как умею.

Ведь вижу я, как на коне сидишь ты.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

На рыжем, — да?

КЕТХЕН.

Да нет! Ты — на гнедом.

(Пауза).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Мое сердечко, где же ты, скажи мне!

КЕТХЕН.

Я на лугу зеленом и прекрасном.

Он весь в цветах, и как от них пестро!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ах, незабудки! Ах, ромашки!

КЕТХЕН.

Здесь же

Фиалки; погляди-ка, целый куст!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Сойти сейчас с коня хочу я, Кетхен,

И посидеть с тобою на траве.

Позволишь?

КЕТХЕН.

Да, мой господин!

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(точно зовет)

Эй, Готшальк!

Где мне коня оставить? — Готшальк, где ты?

КЕТХЕН.

Оставь ее. Ведь „Лиза“ не уйдет.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(улыбаясь).

Пусть так и будет.

(Пауза. О н звенит оружием).

Миленькая Кетхен!

КЕТХЕН.

Мой господин!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ты предана мне, Кетхен?

КЕТХЕН.

От всей души.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

А обо мне что скажешь?

Я — нет?

КЕТХЕН

(улыбаясь).

Хитрец!

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Хитрец? Надеюсь...

КЕТХЕН.

Полно!

Ведь ты в меня, как майский жук, влюбился.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Как жук! Мне кажется...

КЕТХЕН.

Что ты сказал?

ГРАФФОНШТРАЛЬ
(со вздохом).

У этой веры прочные устои!

Пусть так! Я подчинюсь. — Однако, Кетхен,
Когда все так, как ты сказала...

КЕТХЕН.

Что же?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Так что же выйдет из того?

КЕТХЕН.

Что выйдет?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Подумай!

КЕТХЕН.

Знаю я.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что это значит?

КЕТХЕН.

На пасхе той возьмешь меня ты замуж.

ГРАФФОНШТРАЛЬ
(подавляя смех).

Ого! Возьму! Неужли? Я не знал!

Послушай, кто тебе сказал об этом?

КЕТХЕН.

Об этом мне сказала Марианна.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Так, Марианна! Ну! — Да кто ж она?

КЕТХЕН.

Та девушка, что служит в нашем доме.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну что же, от кого она узнала?

КЕТХЕН.

На олове увидела, гадая

На счастье мне в ночь Сильвестра тайно.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что говоришь ты? Предвешала, что же?

КЕТХЕН.

Меня возьмет прекрасный, стройный рыцарь.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

И ты решила просто: это — я?

КЕТХЕН.

Да, господин.

(Пауза).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(тронутый).

Я думаю иначе,

Дитя, ведь это — кто-нибудь другой.

Вот, рыцарь Фламберг. Иль иной. Что скажешь?

КЕТХЕН.

Нет, нет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет?

КЕТХЕН.

Нет, нет, нет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Но почему же?

КЕТХЕН.

В ту ночь, когда над оловом гадали,

Пошла я спать и помолилась богу,

Чтоб, если Марианна не ошиблась,

Он показал мне рыцаря во сне;

И ведь тогда мне в полночь ты явился,

Такой же, как тебя сейчас я вижу,

Приветствовать меня, свою невесту.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

К тебе?.. Сердечко, ничего не знаю.

Когда же я к тебе?..

КЕТХЕН.

Да в ночь Сильвестра.

Опять она придет, — два года минет.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Где ж это было? В замке Штраль?

КЕТХЕН.

В Гейльбронне;

В каморке, где стоит моя кровать.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Ты бредишь, милое дитя. Лежал я,
Притом больной смертельно, в замке Штраль.
(Пауза).

КЕТХЕН

(вздыхает, шевелится и шепчет что-то)

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что шепчешь ты?

КЕТХЕН.

Кто?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Ты!

КЕТХЕН.

Нет, ничего.

(Пауза).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(про себя).

Чудно, клянуся небом! В ночь Сильвестра...

(Поник головою, вспоминая)

Ну, Расскажи же мне об этом, Кетхен!

Один пришел я?

КЕТХЕН.

Нет, мой господин!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Кто ж был со мной?

КЕТХЕН.

Поди ты!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Говори же!

КЕТХЕН.

Ты ничего не помнишь?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

Нет, клянуся.

КЕТХЕН.

Был херувим с тобою, господин мой,
Белее снега крылья за плечами,
А свет — о господи! — сиял! горел!
И за руку тебя ко мне подвел он

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(смотрит на нее неподвижным взором).

Как ясен свет небесных кушей, ясно,
Что это — правда!

КЕТХЕН.

Да, мой господин.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ

(сдавленным голосом).

На скромной там лежала ты подушке,
На бедой простыне, под красным одеялом?

КЕТХЕН.

Все верно! Так!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

В одной сорочке легкой?

КЕТХЕН.

В сорочке? Нет.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Как? Нет?

КЕТХЕН.

В сорочке легкой?

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Клянусь, тот сон, как он, и мне приснился,
Стоит, как и тогда, в душе сегодня.

(к Кетхен).

„Марьянна“, ты звала?

КЕТХЕН.

Звала: Марьянна!

Скорее! Девушки! Ко мне! Христина!

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Взглянула на меня, глаза раскрыв широко?

КЕТХЕН.

Я думала, что это — сон.

ГРАФ Ф О Н ШТРАЛЬ.

Тихонько встала

С своей постели и, дрожа всем телом,
К моим ногам упала?..

КЕТХЕН.

И шептала...

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(перебивает).

И прошептала: славный господин мой!

КЕТХЕН

(улыбаясь).

Ну вот, ты видишь?.. Ангел показал...

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Пятно. Храни нас бог! И у тебя?..

КЕТХЕН.

Конечно.

ГРАФФОНШТРАЛЬ

(снимая с нее косынку).

Где? На шее?

КЕТХЕН

(отодвигаясь).

Нет, не надо.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

О ты, предвечный! — И когда я тронул
Твой подбородок, чтоб взглянуть в лицо?..

КЕТХЕН.

Тогда пришла злосчастная Марьянна
Со светом, — мигом все исчезло;
Лежала я в рубашке на полу,
А Марианна надо мной смеялась.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Спаси меня, господь! Я раздвоился!
Я духом стал и по ночам блуждаю.
(Оставляет ее и выпрямляется)

КЕТХЕН

(просыпаясь).

Владыко господи! Да что ж со мною?
(Встает и оглядывается).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Что сном казалось, истина наяга:
Больной смертельно, в замке Штраль лежал я
Бессильный, в нервной лихорадке; ангел
Меня увел, и посетил ее
Мой дух в ее каморке, там, в Гейльбронне!

КЕТХЕН.

О небо! Граф!
(Надевает на себя шляпу и оправляет косынку).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Так что ж теперь мне делать?
(Пауза).

КЕТХЕН
(падая на колени).

Мой господин высокий, здесь лежу я
У ног твоих и жду твоих решений!
Меня нашел ты под стеною замка,
Что было мне запрещено тобою;
Клянусь, я отдохнуть хотела часик,
А вот сейчас опять пойду я дальше.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Увы! Мой дух, чудесным светом ослепленный,
Колеблется безумием ужасным;
Как мне постигнуть это возвешенье,
Сребристо вновь отдавшееся в слухе,
Что император мой — ее отец?

ГОТШАЛЬК
(за сценою).

Эй, Кетхен! Девочка!

ГРАФФОНШТРАЛЬ
(быстро поднимая ее с земли).

Вставай скорее!
Поправь платок! На что это похоже?

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит Готшальк. Те же.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Пришел ты кстати, Готшальк! Ты просил,
Чтоб я позволил взять ее в конюшню;
Я думаю, девице там не место;
Графиня в замке примет Фридеборн.

ГОТШАЛЬК.

Как? Что? Куда? Наверх, к графине, в замок?

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну да, сейчас! Сбери ее все вещи,
Неси за нею по тропинке к замку!

ГОТШАЛЬК.

Господень гром! — Ты слышишь это, Кетхен?

КЕТХЕН

(с изысканным поклоном).

Мой повелитель! Принимаю это,
Пока не буду знать, где мой отец.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Да, да! Искать его немедленно стану.
(Готшалк связывает ее вещи. Кетхен помогает ему).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Ну, что? Готово?

(Поднимает с земли платок и подает ей).

КЕТХЕН

(краснея).

Ах, зачем же это?

(Готшалк берет в руки узел ее вещей).

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Дай руку мне!

КЕТХЕН.

Мой славный повелитель!

(ГраффонШтраль проводит ее через камни; миновав их, пропускает ее
вперед и идет за нею. Все уходят).

Перемена сцены: сад. В глубине грот в готическом стиле.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входят Кунигунда, с головы до ног закутанная в огнечетное покрывало,
и Розалия).

КУНИГУНДА.

Куда поехал граф фон Штраль?

РОЗАЛИЯ.

Фрейлейн, это всем в замке непостижимо. Три император-
ские комиссара явились поздно ночью и разбудили его; он заперся
с ними, и сегодня на рассвете вскочил на коня, и исчез.

КУНИГУНДА.

Отвори мне грот.

РОЗАЛИЯ.

Он уже отворен.

КУНИГУНДА.

Рыцарь Фламберг, слышала я, ухаживает за тобою; в полдень, когда я выкупаюсь и оденусь, я спрошу тебя, что обозначает это приключение.

(Уходит в грот).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Элеонора входит. Розалия.

ЭЛЕОНОРА.

Здравствуй, Розалия.

РОЗАЛИЯ

Здравствуйте, фрейлейн! Что вас привело сюда так рано?

ЭЛЕОНОРА.

О, так жарко, что я хочу выкупаться в этом гроте с Кетхен, с маленькою, золотою гостью, которую граф привел к нам в замок.

РОЗАЛИЯ.

Простите! Фрейлейн Кунигунда в гроте.

ЭЛЕОНОРА.

Фрейлейн Кунигунда? — Кто дал вам ключ?

РОЗАЛИЯ.

Ключ? — Грот был отворен.

ЭЛЕОНОРА.

Вы не нашли там Кетхен?

РОЗАЛИЯ.

Нет, фрейлейн. Никого.

ЭЛЕОНОРА.

Ну вот, Кетхен там, жизнью клянусь.

РОЗАЛИЯ.

В гроте? Не может быть.

ЭЛЕОНОРА.

Верно! В соседней каморке, где темно и уютно. — Она прошла вперед; когда мы дошли до ворот, я только сказала, что велю принести от графини простыню, чтобы вытираться. — О, владыка живота моего, вот она!

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кетхен выходит из грота. Те же.

РОЗАЛИЯ
(про себя).

О небо! Что это?

КЕТХЕН
(дрожа).
Элеонора!

ЭЛЕОНОРА.

Ну, что же Кетхен? Ты уж искупалась?
Как разгорелась девушка, смотрите!
Как лебедь, выплывающий из синих
Кристалльных волн озерных, грудью наземь.
Какая свежесть в юном теле, правда?

КЕТХЕН.

Уйдем, Элеонора!

ЭЛЕОНОРА.
Что с тобою?

РОЗАЛИЯ
(бледная от страха).

Откуда ты сюда пришла? Из грота?
Ты в коридоре спряталась там?

КЕТХЕН.

Уйдем, Элеонора! Умоляю!

КУНИГУНДА
(из грота).

Розалия!

РОЗАЛИЯ.
Сейчас!
(К Кетхен).

Смотрела ты?

ЭЛЕОНОРА.

Бледнеешь? Что с тобой?

КЕТХЕН
(падая на ее руки).

Элеонора!

ЭЛЕОНОРА.

Спаси, господа! Дитя! Да что случилось?

КУНИГУНДА

(в гроте).

Розалия!

РОЗАЛИЯ

(к Кетхен).

Ей-богу, лучше б вырвать
Тебе глаза, чтоб языку они
Не вверили того, на что смотрели!
(Уходит в грот).

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ

Кетхен и Элеонора

ЭЛЕОНОРА.

Что, дитяtko, случилось? Побранили?
Ну, отчего ты так дрожишь всем телом?
Когда б тебе в том доме смерть явилась
С косою, с песочными часами, ужас
Так люто грудь твою не охватил бы!

КЕТХЕН

Скажу тебе...

(Не может говорить)

ЭЛЕОНОРА

Я слушаю. Скажи!

КЕТХЕН.

Клянись, что никогда ты, Леонора,
Кому б то ни было, о том не скажешь.

ЭЛЕОНОРА.

Нет, ни одной душе; нет! Будь спокойна.

КЕТХЕН.

Так слушай, — в боковое помещение
Чрез потайную дверь пробралась я;
Светло казалось мне под сводом пышным.
И вот, меня купанье освежило,
В тот больший грот вошла я шаловливо,
И думала, что это ты плескалась;
И, словно бы возникшую из чаши,
Вдруг вижу...

ЭЛЕОНОРА

Что? Кого?

КЕТХЕН.

Да как скажу я?

Должна ты будешь тотчас, Леонора,
Уведомить об этом деле графа.

ЭЛЕОНОРА.

Дитя! Коль я должна, так что же это?

КЕТХЕН.

Но не сказать ему, нет, ради бога,
Что от меня. Ты слышишь? А иначе
Пусть никогда той мерзости не знает.

ЭЛЕОНОРА.

Что за загадки, миленькая Кетхен?
Какая мерзость? Что ты увидала?

КЕТХЕН.

Ах, Леонора, чувствую я, лучше,
Чтоб слово за уста не выходило!
Не я, не я обман пред ним открою!

ЭЛЕОНОРА.

Но почему? Зачем скрывать от графа?
Когда ты скажешь...

КЕТХЕН

(оглядываясь).

Слушай!

ЭЛЕОНОРА.

Что?

КЕТХЕН.

Идут!

ЭЛЕОНОРА.

Там фрейлейн и Розалия, и только.

КЕТХЕН.

Уйдем!

ЭЛЕОНОРА.

Зачем?

КЕТХЕН.

Безумная, скорее!

ЭЛЕОНОРА.

Куда?

КЕТХЕН.

Из сада этого мне надо...

ЭЛЕОНОРА.

Да ты в уме ли?

КЕТХЕН.

Друг мой, Леонора!

Погибну, если здесь меня застанет!

Скорей! Спасись мне только у графини!

(Уходят).

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда и Розалия выходят из грота.

КУНИГУНДА

(дает Розалии ключ).

Возьми! Под зеркалом моим ты выдвинь ящик;

Там порошок в коробке черной, справа;

Вмешай в вино, иль в молоко, иль в воду,

Скажи: вот выпей, Кетхен! — Или лучше

Ее к себе посадишь на колени?

Яд, смерть и месть! Как хочешь, сделай это,

Но позаботься, чтобы проглотила.

РОЗАЛИЯ.

Но, фрейлейн, слушайте...

КУНИГУНДА.

Яд, мор! Истление!

Зажми ей рот, не говоря ни слова.

Когда в гробу, зарытая, истлевши

И обратившись в прах, как мирта стебель,

О том, что видела, ветрам прошепчет,—

Ты скажешь мне: есть кротость и прощенье

Закон и долг, и бог, и ад, и дьявол,

Раскаянье и совести укусы.

РОЗАЛИЯ.

Уж видела она, к чему же это!

КУНИГУНДА.

Яд! Пепел! Ночь! Смятение и хаос!

Достанет порошку пожрать весь замок,

Собак и кошек! — Дедай, что велела!

Она к нему сумела вкрасться в сердце,

Уж я узнала. Смертью пусть умру я,

Коль не пленен он обезьяньей рожей;

Долой! Он от нее в угаре: тесно

На свете с нею наконец мне стало!

(Уходят).

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Вормс. Открытое место перед императорским замком, в стороне трон; в глубине — огражденное поле божьего суда.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Император на троне. По сторонам его архиепископ вормсский, граф Отто фон дер Флюэ и многие другие рыцари, господа и стражи. Граф фон Штраль в легком шлеме и панцире и Теобальд, с головы до ног в полном доспехе; оба стоят перед троном.

ИМПЕРАТОР.

Граф Веттерштраль, три месяца назад
В твоём пути через Гейльбронн нашел ты
Дорогу к сердцу девы неразумной.
От старика отца она сбежала,
А ты её не шлешь домой, скрывая
Во флигеле наследственного замка.
Чтоб приукрасить это злодеянье,
Ты распускаешь слух смешной, безбожный,
Что херувим, к тебе явившись ночью,
Открыл, что дева, взятая тобою,
От нашей царской ласки родилась.
Такой пророческой нелепой вести
Смеюсь я, разумеется; по мне,
Хоть увенчай её, коли захочешь;
Но в Швабии, пойми, ей нет наследства,
И двор мой в Вормсе ей далек пребудет.
Но удрученный человек стоит здесь, —
Ты, дочерью его не удовлетворяя,
И мать винить затеял в непотребстве;
Всю жизнь считал её себе он верной,
Себя ж отцом он видит злополучным.
По горькой жалобе его зовем мы
Тебя пред наш престол, чтоб доказал ты

То, чем ее могилу ты позоришь;
 Ну, друг небесных сил, готовься к бою,—
 Затем, что в поединке словом стали
 Твой приговор тебе поведен будет!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 (краснея от негодования)

Мой августейший повелитель! Меч мой
 Со мною, мощен, крепок, сталью блещет,
 И дьявола в бою сразить годится;
 Я б утодил в седое это темя,
 Я б разможил его как сыр швейцарский,
 Который на доску бродить положен.
 Уволь меня по милости великой
 От доказательства той сумасбродной,
 Нелепой сказки, праздным остроумьем
 В народе сложенной из двух событий,
 Сошедшихся, конечно, очень странно
 Одно с другим, как половинки перстня.
 Прошу тебя, твоя да примет милость
 Тот случай в ночь Сильвестра лишь за образ
 Горячечного бреда, и, как мало
 Я огорчусь, когда меня сочтешь ты
 Жидом презренным, ты не огорчайся,
 Что дочь его признал я дерзновенно
 За дочь твою, мой славный император!

АРХИЕПИСКОП.

По правде, государь, такое слово
 Отважный дух истца смирить должно бы.
 Вешаний тайных об его супруге
 Не повторяет граф; что Марианне
 Недавно наказы в беседе тайной,
 Он это все теперь опровергает.
 Не покарай его за чудеса,
 Которые его на миг смутили.
 Он час тому назад, о Теобальд,
 Мне руку дал, что возвратит девицу
 Тебе, когда придешь ты в замок Штраль;
 Иди туда, утешься, и возьми
 Ее, старик, и кончи дело миром.

ТЕОБАЛЬД

Проклятый льстец, как отрицать ты смеешь,
 Что вся душа, от маковки до пяток,
 В тебе полна той верою, что Кетхен —
 Дитя от императорского ложа?

Забыл ты день, когда под кровлей церкви
 Допытывался об ее рождении
 И вычислял ее зачатия час;
 Как доискался, в сметливости гнусной,
 Что за шестнадцать весен был проездом
 Его величество у нас в Гейльбронне?
 Наглец, рожденный поцелуем бога,
 Напечатленным на устах мегеры;
 Обвитый блеском дух отцеубийства,
 Колеблющий гранитные устои,
 Чтобы разрушить вечный храм природы;
 Тебя, сын ада, ныне добрый меч мой
 Изобличит, иль сам я буду ввергнут
 Его возвратным взмахом в ночь могилы!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Сам бог тебя осудит, ядом полный
 Гонитель мой; тебя не оскорбил я,
 И твоего достоин сожаленья,—
 Да будет, забияка, как ты хочешь.
 Тот херувим, что, блеском облеченный,
 Мне, при смерти больному, в ночь явился,
 Поведал мне— я отрицать не стану—
 Из горних недр почерпнутую весть
 Перед лицом всевышнего я ныне
 Стою и утверждаю, слушай это:
 Своей зовешь ты Кетхен из Гейльбронна,
 Она — дочь императора; иди же
 Сюда, чтоб убедить меня в противном!

ИМПЕРАТОР.

Играете, трубачи, на смерть лжецу!
 (Громкие трубные звуки).

ТЕОБАЛЬД (подходит).

И если бы мой меч был стеблем гибким
 И к рукоятке верткой и непрочной,
 Из воска желтого слитой, прикреплен,
 Я с головы до ног тебя рассек бы,
 Как мухомор, на пустоши возросший,
 Чтоб миру доказать, злодей, что лжешь ты!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ (снимает меч и отдает его).

Пусть будут шлем мой и под ним чело
 Прозрачны, ломки, и ножу тупому

Податливы как яйцо пустое,
 И все же твой палаш, что искры мечет,
 Отскочит, раздробившись на осколки,
 Как-будто угодил по алмазиту,
 Да знают все, что говорил я правду.
 Ударь, дай видеть мне, чье дело чисто!
 (Снимает шлем, и подходит вплоть к Теобальду).

ТЕОБАЛЬД
 (отступая).

Надень свой шлем!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 (преследуя его).
 Ударь!

ТЕОБАЛЬД.

Надень свой шлем!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
 (повергая его на землю).

Один мой взор тебя уж обессилил?

(Вырывает меч из его рук, переступает через него, и ставит ногу на его грудь)

Что б помешало мне, во гневе правой
 Победы, мозг твой растоптать? — Живи!
 (Бросает меч перед императорским троном).

Пускай же время, старый сфинкс, укажет
 Тебе, что Кетхен все же, как сказал я,
 Высокого величества дитя!

НАРОД
 (в смятении).

О небо! Победил граф Веттерштраль!

ИМПЕРАТОР
 (бледнеет и встает).

Уйдите, господа!

АРХИЕПИСКОП.
 Куда?

РЫЦАРЬ
 (из свиты).

Что там?

ГРАФ ОТТО.

Всесильный бог! Что с государем случилось?
 За ним, друзья! Мне кажется, он болен!
 (Уходят)

Перемена сцены: там же. Комната в императорском замке.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

ИМПЕРАТОР

(оборачивается в дверях)

Прочь! Никто не должен итти за мною! Позовите бургграфа фон Фрейбург и рыцаря фон Вальдштеттен: только с этими господами я буду говорить.

(Захлопывает дверь).

Ангел божий, возвестивший графу фон Штраль, что Кетхен — моя дочь, я верю, клянусь моею императорскою честью, прав! Девушке, как, я слышал, пятнадцать лет; а ровно шестнадцать лет без трех месяцев тому назад давал я большой турнир в Гейльбронне в честь пфальцграфини, моей сестры! Было около одиннадцати часов вечера, и светло-блестящий Юпитер только-что поднялся на востоке, когда я, очень утомленный танцами, вышел из замковых ворот, чтобы в смежном саду, оставаясь неузнанным, развлечься среди народа, который наполнял сад; и вот эта самая звезда, нежная и мощная, сияла, ничуть я в том не сомневаюсь, над ее зачатием. Гертруда, как часто вспоминал я, звалась та, с которою в той части сада, что меньше посещалась народом, я беседовал при мерцании погасающих ламп, при тихом веянии, в благоухании лип, звуков музыки из далекого танцевального зала; и мать Кетхен звалась Гертруда! Помню, когда она расплакалась, я снял с груди медаль с изображением папы Льва и на память ей от меня, которого она тоже не знала, засунул эту медаль за ее корсет; а такая медаль, как я тоже узнал, принадлежит Кетхен из Гейльбронна! О небо! Колеблется связи мира! Если граф фон Штраль, этот доверчивый избранник, сумеет освободиться от блудницы, с которою он связался, то я поведаю истину Теобальду и постараюсь побудить его, под каким бы то ни было предлогом, чтобы он уступил мне эту девицу, и она должна повенчаться с графом: я не дерзну ждать, чтобы херувим второй раз спустился на землю и разгласил все тайное, что я здесь поведал четырем стенам!

(Уходит).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Бургграф фон Фрейбург и Георг фон Вальдштеттен входят. Вслед за ними рыцарь Фламберг.

Господин бургграф фон Фрейбург? Вы ли это или ваш дух? О, подождите, умоляю вас!

ФРЕЙБУРГ
(оборачиваясь).

Чего ты хочешь?

ГЕОРГ.

Кого ты ищешь?

ФЛАММБЕРГ.

Моего достойного сожаления господина, графа фон Штраль! Фрейлейн Кунигунда, его невеста, — о, если бы мы никогда не отбивали ее от вас! — вздумала подкупить повара, чтобы он подал яд Кетхен, — яд, почтенные господа, и притом по такому отвратительному, непонятному и загадочному поводу, будто бы это дитя подсматривала за нею в купальне.

ФРЕЙБУРГ.

И это вам непонятно?

ФЛАММБЕРГ.

Нет!

ФРЕЙБУРГ.

Так я вам это скажу. Она — мозаичная работа, составленная из всех трех царств природы. Ее зубы принадлежат одной мюнхенской девушке; ее волосы выписаны из Франции, свежесть ее щек происходит из рудников Венгрии, и станом, которым вы в ней восхищаетесь, она обязана сорочке, изготовленной для нее из шведской стали кузнецом.

ФЛАММБЕРГ.

Что ж это такое?

ФРЕЙБУРГ.

Поклон от меня твоему господину!

(Уходит).

ГЕОРГ.

И от меня! — Граф уже возвращается в Штральбург; скажи ему, — если он возьмет ключ и застанет ее утром, когда ее престли еще лежат на стульях, то, пожалуй, он сам обратится в статую, и пусть ее выставят у хижины угольщика, чтобы увековечить его геройский подвиг.

(Уходит).

Перемена сцены: замок Веттерштраль. Кунигундина комната.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Розалия хлопчет около Кунигундина туалета. Входит Кунигунда, только - что вставшая с постели, не нарумяненная. Вскоре затем граф фон Штраль.

КУНИГУНДА

(саясь перед туалетом).

О двери позаботилась?

РОЗАЛИЯ.

Замкнула.

КУНИГУНДА.

Замкнула? Как? На что ж тогда задвижка?

Замкнуть, и на задвижку, каждый раз!

(Розалия и д е т задвинуть дверь; навстречу ей входит граф фон Штраль).

РОЗАЛИЯ

(испуганная).

О боже! Как вы, граф, сюда попали?

Ах, фрейлейн!

КУНИГУНДА

(оглядываясь).

Кто?

РОЗАЛИЯ.

Взгляните же!

КУНИГУНДА.

Розалия!

(Быстро поднимается и уходит).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф фон Штраль и Розалия.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(стоит, как пораженный громом).

Кто та неведомая дама?

РОЗАЛИЯ.

Где?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что как пизанская прошла здесь башня?

Надеюсь, не?..

РОЗАЛИЯ.

Кто?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Фрейлейн Кунигунда?

РОЗАЛИЯ.

Я думаю, вы шутите, ей богу!
Сибилла, мачеха моя...

КУНИГУНДА

(изнутри).

Розалия!

РОЗАЛИЯ.

В постели фрейлейн, и зовет меня...
Простите, если я...

(Приносит стул).

Угодно сесть вам?

(Берет принадлежности туалета и уходит).

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(подавленный).

О, небо всемогущее, моя
Душа так называться недостойна!
Та мера, чем на рынке мира мерил
Я вещи — неверна, и злую мерзость
За нежное величие я принял!
Чудовище, столь гнусное душою
И телом, я так слепо избрал в жены!
Куда, презренный, от себя я скроюсь?
Где б в Швабии гроза ни бушевала,
Я в бешенстве вскочил бы на коня,
Искать топор, что голову разрубит!
Что делать, сердце, мне? Куда мне деться?

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входят Кунигунда, в обычном своем блеске, Розалия и старая
Сибилла, слабая, на костылях; она сейчас же и уходит через среднюю
дверь. Граф фон Штраль.

КУНИГУНДА.

Граф Фридрих, вот как! Что ж тому причиной,
Что вы ко мне приходите так рано?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(внимательно следя за Сибиллой).

Двоятся, что ли, ведьмы?

КУНИГУНДА
(оглядываясь).

Кто?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(овладевая собою).

Простите!

Узнать хотел я о здоровья вашем.

КУНИГУНДА.

Ну что ж, все приготовлено к венчанию?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(подходя ближе и внимательно глядя на нее).
Недурно все, до главного, проходит...

КУНИГУНДА
(отступая).

Какой же день назначен?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Был — на завтра.

КУНИГУНДА
(после паузы).

Давно уж мною страстно жданный день!
Но радости, веселья в вас не вижу.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(кланяясь).

Позвольте! Я счастливей всех на свете!

РОЗАЛИЯ
(печально).

А правда ль, что вчера малютка Кетхен,
Что приютили в замке вы?..

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

О дьявол!

КУНИГУНДА
(обеспокоенная).

Что с вами?

РОЗАЛИЯ
(про себя).
Чорт возьми!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ
(овладевая собою).

Удел людской!

Ее перенесли уж на кладбище.

КУНИГУНДА

Что слышу я!

РОЗАЛИЯ.

Еще не хоронили?

КУНИГУНДА.

Хочу еще в гробу ее увидеть.

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит слуга. Те же.

СЛУГА

Готшальк прислал гонца к вам, господин
В передней он, и видеть вас желает.

КУНИГУНДА

Готшальк?

РОЗАЛИЯ.

Откуда?

ГРАФ ФОН ШПРАЛЬ.

Думаю, от гроба.

Прошу вас продолжать убранство ваше!

(Уходит).

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кунигунда и Розалия.

(Пауза).

КУНИГУНДА,

Помочь нельзя; он знает; все напрасно.
Он видел все, покончено со мною!

РОЗАЛИЯ.

Не знает!

КУНИГУНДА.

Знает!

РОЗАЛИЯ.

Ничего не знает!

Вы стонете, а я плясать готова.
Обманут он, и думает, что та,
Кого он видел, мать моя, Сибилла;
И никогда счастливей не был случай,
Чем тот, что к вам как-раз она пришла;
Для умыванья вам набравши снегу
В горах, она сюда поспела кстати.

КУНИГУНДА.

Как взором он меня пыливо мерил!

РОЗАЛИЯ.

Так что ж! Своим глазам он не поверит!
 Мне весело, как белке на сосне.
 Пусть издали мелькнуло в нем сомненье;
 Высокой, дивно-стройной вы явились,
 И вновь совсем сомнение разбито.
 Пусть смертью я умру, когда перчатку
 Не бросит он тому, кто усомнится,
 Что вы среди всех женщин — королева.
 Не падайте же духом! Одевайтесь,—
 И утро вас, во что б ни стало, встретит
 Графиней Кунигундой Веттерштраль!

КУНИГУНДА.

Ах, под землей бы лучше мне сокрыться!

(Уходит).

Перемена сцены: внутренность пещеры с в и д о м на долину.

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

К е т х е н, переодетая, с и д и т печально на камне, прислонившись головою к стене. Входят г р а ф Отто фон дер Флюэ, В е н ц е л ь фон Нахтгейм, Г а н с фон Б е р е н к л а у , в одеянии императорских государственных советников, и Г о т ш а л ь к . Свита. Наконец и м п е р а т о р и Т е о б а л ь д , которые остаются в глубине сцены, закутавшись в плащи.

ГРАФ ОТТО

(сосвितком пергамента в руке).

Девушка из Гейльбронна! Почему ты
 Живешь, как ястреб, в этом логовище?

КЕТХЕН

(встает).

О боже, кто вы?

ГОТШАЛЬК.

Не пугайте Кетхен!

От покушенья вражья на убийство
 Пришлось укрыть ее нам в эту гору.

ГРАФ ОТТО.

А где твой господин, имперский граф?

КЕТХЕН.

Не знаю этого!

ГОТШАЛЬК.

Сейчас придет он!

ГРАФ ОТТО

(дает ей пергамент).

Его величество, наш император,
Писанье шлет тебе; возьми его.
Иди за мной; не это место, дева,
По сану твоему тебя достойно;
Отныне замок в Вормсе — твой приют!

ИМПЕРАТОР

(в глубине сцены).

О, милый сердцу образ!

ТЕОБАЛЬД.

Суший ангел!

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Входит граф фон Штраль. Те же.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(изумленный).

Сенат из Вормса, в праздничном убранстве!

ГРАФ ОТТО.

Привет вам, граф!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что привело сюда вас?

ГРАФ ОТТО.

Письмо от императора к девице!
Ее спросите; вам она ответит.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Что бьешься, сердце?

(К Кетхен).

Что, дитя, ты держишь?

КЕТХЕН.

Не знаю, господин.

ГОТШАЛЬК.

Дай, дай, сердечко.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(читает).

„Внушило небо сердцу моему,
Узнайте все, изречь признанья слово,
Что уступил права свои на Кетхен

Мне мастер оружейный Теобальд;
Отныне Кетхен — дочь моя; ей впредь
Именоваться Катариной Швабской".

(Перелистывает другие бумаги).

И здесь: „Да ведают“, — здесь: „Замок Швабах"

(Короткая пауза).

Во прах паду перед благословенной,
К ее ногам приникну, их омою
Слезами благодарности горячей!

КЕТХЕН

(садится).

Готшалк, поближе, помоги, мне дурно!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(советникам).

Где император? Где же Теобальд?

ИМПЕРАТОР

(сбрасывая плащ так же, как и Теобальд).

Вот здесь они!

КЕТХЕН

(встает).

Всевышний бог! Отец мой!

(Спешит к нему; он обнимает ее).

ГОТШАЛЬК

(про себя).

Сам император! Право! Вот стоит он!

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Божественный! Как мне тебя назвать?

Я верно ли прочел?

ИМПЕРАТОР.

Бог видит — верно!

С ней дружен херувим, так император
Гордится тем, что он — ее отец!
От бога шло давно, чтоб Кетхен стала
Высоко в мире; кто ее желает,
Меня о ней просить достойно должен.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(склоняя перед ним колени).

Прошу я на коленях: дай ее мне!

ИМПЕРАТОР.

Ну, что ты вздумал, граф?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Дай, дай ее мне!

Иначе для чего б ты делал это?

ИМПЕРАТОР.

Ты думаешь? — Лишь смерть дается даром,
А я условие ставлю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Говори же!

ИМПЕРАТОР
(строго)

В свой дом отца прими.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Смеешься ты?

ИМПЕРАТОР.

Что? Ты отказываешься?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Охотно!

От всей души беру его к себе.

ИМПЕРАТОР
(Теобальду).

Старик, ты слышишь?

ТЕОБАЛЬД

(подводя к нему Кетхен за руку).

Дай ему ее!

Что бог связал, то не развяжут люди.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(встает и берет Кетхен за руку).

Теперь ты создаешь мое блаженство!
Один лишь поцелуй, отцы, позвольте
Найти мне на устах небесно-сладких.
Имей я десять жизней, завтра утром
Их каждому из вас отдам, ликуя!

ИМПЕРАТОР.

Уйдем! Пусть он ей объяснит загадку!

(Уходят).

ДВЕНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Граф фон Штраль и Кетхен.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(садится рядом с Кетхен и берет ее руку).

Приди ко мне, о девушка! о Кетхен!

Мои уста тебе доверят что-то.

КЕТХЕН.

Мой господин высокий! Что же это?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Дитя сладчайшее, скажу сначала,
 Что я с моей любовью несказанной
 Тебе душою всей навеки предан.
 Олень, полднемным зноем истомленный,
 Рогами острыми взрывая землю,
 Все ж с меньшей алчностью стремится
 В лесной поток низвергнуться с утеса,
 В бушующий, чем ныне жажду я
 Всей прелести твоей, едва расцветшей.

КЕТХЕН

(покраснев от стыда).

Не понимаю. Господи! Да что ты?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Прости, что часто оскорблял я словом
 Тебя обидным; грубыми и злыми
 Повадками тебе я делал больно.
 Подумаю ль, как холодно когда-то
 Я отвергал тебя, а ныне все же
 Ты предо мной полна любви и ласки,
 Такая грусть меня объемлет, Кетхен,
 Что слез моих я удержать не в силах.
 (Плачет).

КЕТХЕН

(робко).

О небо! Что с тобой? Чем ты взволнован?

Что ты мне сделал? Ничего не знаю.

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

За мной бежала ты, изранив ноги,
 О девушка, но золотом и шелком
 Я облеку их, только солнце встанет.
 Ту голову, что солнце на дорогах
 За мною жгло, я осенью наметом.

Арабский лучший конь в злаченной сбруе
Тебе, сладчайшее дитя, послужит,
Когда помчусь на звук рогов я в поле.
И там, где чиж гнездо себе устроил,
Щебечущий в кустах бузины, будет
Тебе приют для знойных дней построен,
И в светлые, просторные покои,
О, Кетхен, я вернусь тебя приветить.

КЕТХЕН.

Мой Фридрих! Обожаемый! Но что же
Об этой речи думать мне? Ты хочешь?..
Ты говоришь?..

(Хочет поцеловать его руку).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(отводя руку).

Нет, нет, моя услада.

(Целует ее в лоб).

КЕТХЕН.

Нет?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Нет. Прости. Пусть это будет завтра...
Но что же я хотел сказать? — Да, правда,
Я об одной прошу тебя услуге.

(Отирает слезы).

КЕТХЕН

(боязливо).

Услуге? О какой же? Только молви!..

(Пауза).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Конечно. Так. — Мою я правлю свадьбу,
Ты знаешь, завтра. Все уже готово
Для торжества; начнется ровно в полдень
С моей невестой выход к алтарю.
Вот праздник, милая, себе готовлю,
В котором ты изобразишь богиню.
Велит любовь к тому, кому ты служишь,
Тебе на завтра снять вот это платье
И заменить его убором пышным, —
Он матерью тебе уже обряжен.
Ты это сделаешь?

КЕТХЕН

(закрывая глаза передником).

Да, да, так будет.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Красив он, слышишь? Скромн, но роскошен!
 Точь-в-точь подходит к телу и к осанке.
 Тебе дадут и перлы, и смарагды;
 Хотел бы я, чтобы всех женщин в замке,
 И даже Кунигунду, ты затмила.—
 Что плачешь ты?

КЕХТЕН.

Не знаю, господин мой.
 Мне что-то в глаз попало.

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

В глаз? Куда?
 (Поцелуем осушает ее слезы на глазах).
 Теперь пойдем. Все скоро будет ясно.
 (Уводит ее).

Перемена сцены: двор замка; направо спереди портал. Налево, более в глубь, замок за решеткою. В глубине церковь.

ТРИДАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Марш. Выход. Герольд открывает его; за ним стража. Балдахин, несомый четырьмя арапами. Посредине двора стоят император, граф фон Штраль, Геобальд Фридеборн, граф Отто фон дер Флюз, рейнграф фом Штейн, бургграф Фрейбург, Георг фон Вальдштеттен и остальная свита императора и встречают балдахин. Под порталом справа фрейлейн Кунигунда фон Турнек в брачном наряде, со своим и тетками и двоюродными братьями, чтобы присоединиться к шествию. На заднем плане народ, среди него Фламберг, Готшалк, Розалия и другие

ГРАФФОНШТРАЛЬ.

Станьте здесь с балдахином. Герольд, исполний свою обязанность.

ГЕРОЛЬД
(читает).

„Известно и ведомо да будет по сему всем и каждому, что имперский граф Фридрих Веттер фон Штраль сегодня празднует свое бракосочетание с Катаринюю, принцессою Швабскою, дочерью нашего светлейшего повелителя и императора. Да благословит небо высокую чету и да изольет на их дражайшие головы из рога изобилия все счастье, в небесах парящее!“

КУНИГУНДА
(Розалии).

Взбесился этот человек, Розалия?

РОЗАЛИЯ.

Клянусь небом! Если с ним и не так, то это нарочно сделано, чтобы с нами так стало.

ФРЕЙБУРГ.

Где невеста?

РЫЦАРЬ ФОН ТУРНЕК.

Здесь, достопочтенные господа.

ФРЕЙБУРГ.

Где?

ТУРНЕК.

Здесь стоит невеста, наша сестра, под этим порталом!

ФРЕЙБУРГ.

Мы ищем невесту графа фон Штраль. Господа, приступим к нашему делу! Следуйте за мною и приведем ее сюда.

(Бургграф фон Фрейбург, Георг фон Вальдштеттен и рейнграф фон Штейн поднимаются к решетке и уходят в замок).

ГОСПОДА ФОН ТУРНЕК.

Ах, смерть и дьявол! Что обозначают эти приготовления?

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Кетхен в императорском подвенечном уборе, ведомая графиней Еленой и фрейлейн Элеонорой; ее шлейф несут трое пажей; за ней бургграф фон Фрейбург и другие сходят из-за решетки во двор.

ГРАФ ОТТО.

Радуйся, о дева!

РЫЦАРЬ ФЛАММБЕРГ и ГОТШАЛЬК.

Радуйся, Кетхен из Гейльбронна, имперская принцесса Швабская.

НАРОД.

Радуйся! Ликуй! Радуйся!

ХЕРНШТАДТ и ФОН ДЕР БАРТ
(которые оставались на площади).

Это невеста?

ФРЕЙБУРГ.

Это она.

КЕТХЕН.

Я? Высокие господа! Чья?

ИМПЕРАТОР.

Того, кого тебе сосватал херувим. Хочешь ты обменяться с ним этим кольцом?

ТЕОБАЛЬД.

Хочешь ты отдать графу свою руку?

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ

(обнимая ее)

Кетхен! Невеста моя! Хочешь ли ты меня?

КЕТХЕН

Защитите меня, бог и все святые!

(Пошатнулась; графиня поддерживает ее).

ИМПЕРАТОР

Хорошо, так возьмите же ее, господин граф фон Штраль, и ведите ее в церковь!

(Колокольный звон).

КУНИГУНДА.

Чума, смерть и месть! Вы поплатитесь мне за это поношение!

(Уходит со своими).

ГРАФ ФОН ШТРАЛЬ.

Так, отравительница, бог отмщает!

Вот, Кетхен, весь я — твой; возьми меня,

Жена избранная, мой нежный ландыш!

КЕТХЕН.

Мой Фридрих! Господин мой!

(Радостно).

Мой супруг!

НАРОД.

Ликуй и радуйся, невеста Кетхен!

(Марш. Император становится вместе с Кетхен и графом фон Штраль под балдахином; дамы и рыцари следуют за ними. Стража закрывает шествие. Трубы и литавры. Все уходит).

Перевел с немецкого

Федор Сологуб

К о н е ц .

СОДЕРЖАНИЕ

	Стран.
Разбитый кувшин, комедия	7
Пентесилея, трагедия	97
Кетхен из Гейльбронна или Испытание огнем, большое историческое рыцарское зрелище	221

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:
ОСНОВНАЯ БИБЛИОТЕКА:

<i>Д. Г. Байрон</i>	— „Драмы“, ц. 1 р. 50 к.
<i>Э. Верхарн</i>	— „Дон-Жуан“, ч. 1-я, ц. 1 р., ч. 2-я, ц. 1 р. 75 к.
<i>Г. Гейне</i>	— „Поэмы“, ц. 40 к.
	— „Путевые картины“, ч. 1 я, ц. 35 к., ч. 2-я, ц. 65 к.
<i>В. Гете</i>	— „Фауст“, ч. 1-я, ц. 1 р., ч. 2-я, ц. 1 р. 45 к.
	— „Страдания юного Вертера“, ц. 40 к
<i>И. Гердер</i>	— „Сид“, ц. 35 к.
<i>К. Гольдони</i>	— „Комедии“, т. 1-й, ц. 60 к., т. 2-й, ц. 55 к.
<i>Т. Гоффман</i>	— „Музыкальные новеллы“, ц. 30 к
<i>В. Гюго</i>	— „93-й год“, ц. 1 р.
<i>К. Гоцци</i>	— „Сказки для театра“, т. 1-й ц. 1 р. 60 к
<i>Э. Зола</i>	— „Западня“, ц. 50 к.
<i>Г. Клейст</i>	— Собрание сочинений, т. I, ц. 1 р. 75 к.
<i>Эса де-Кэйрош</i>	— „Реликвия“, ц. 70 к
<i>К. Лемонье</i>	— „Завод“, ц. 65 к
	— „Рог призыва“, ц.
<i>Ляо-Чэсай</i>	— „Лисьи Чары“, ц. 50 к.
<i>К. Ф. Мейер</i>	— „Новеллы“, ц. 1 р. 20 к.
<i>П. Меримэ</i>	— „Театр Клары Газуль“, ц. 1 р. 60 к.
<i>Монгольские сказки</i>	— „Волшебный мертвец“, ц. 60 к
<i>Марат</i>	— Письма, ц. 60 к.
<i>Новалис</i>	— „Гейнрих фон Офтердинген“, ц. 35 к.
<i>Р. Роллан</i>	— „Театр революции“, ц. 53 к.
	— „Трагедии веры“, ц. 1 р. 50 к.
<i>Сезай</i>	— „Сергюзешт“, ц.
<i>О. Уитмэн</i>	— „Листья травы“, ц. 1 р.
<i>Усама ибн-Мункыз</i>	— „Книга назидания“, ц. 70 к.
<i>А. Франс</i>	— „Рассказы“, ц.
<i>Б. Шоу</i>	— „Пьесы“, ц. 1 р. 50 к.
<i>Антология Китайских Лириков</i>	— „Пьесы“, ц. 40 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

<i>Г. Д. Аннунцио</i>	— „Ноктюрн“, ц. 1 р.
<i>П. Бенуа</i>	— „Атлантида“, роман, ц. 40 к.
	— „Дорога гигантов“, ц. 75 к.
<i>С. Бржозовский</i>	— „Зарево“, роман из эпохи народовольцев, ц. 1 р. 25 к.
<i>Г. Верфель</i>	— „Человек из зеркала“, пьеса, ц. 60 к
<i>К. Гамсун</i>	— „Соки земли“, роман, ц. 65 к.
<i>Г. Гауптман</i>	— „Зимняя баллада“, пьеса, ц. 33 к.
<i>П. Гзель</i>	— „Беседы А. Франса“, ц. 70 к.
<i>О. Генри</i>	— Рассказы, ц. 1 р.
	— „Короли и капуста“, роман, ц. 90 к.
<i>Г. Гольст</i>	— „Лирические драмы“, ц. 45 к.
<i>С. Лагерлев</i>	— „Гномы и люди“, рассказы, ц. 35 к.
<i>Р. Маран</i>	— „Батуала“, африканский роман, ц.
<i>К. Мейринк</i>	— „Голем“, роман, ц. 70 к
<i>М. Маркс</i>	— „Женщина“, роман, ц. 50 к
<i>М. Матерлинк</i>	— „Белая невеста“, пьеса, ц.
<i>Ж. Ромэн</i>	— „Доногоо - Тонка“, кинематографический роман, ц. 25 к.